

А. Я. Живой
Сицилийское королевство

Битва на Калке – 2

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Аннотация

После битвы на Калке угроза монгольского нашествия на Русь миновала. Отныне русские и монголы – друзья. И вот уже скачут монгольские орды дальше на запад. А за ними маршируют русские полки. Каков будет ответ рыцарской Европы? Все это чародей-механик Григорий Забубенный, перенесшийся сюда из двадцать первого века, увидит своими глазами.

Алексей Живой
Сицилийское королевство

Глава первая. Не буди ляха

Забубенному, как чародею-механику, отвели целую горницу в просторном доме. В соседней должен был разместиться Путята. Его с дружиной ждали в Перемышле к утру. Пригласили отужинать.

Перекусив наваристой похлебкой со свежим хлебом, Григорий отцепил меч, разделся и лег отдохнуть. Но сон почему-то не шел. То ли оттого, что прискакавший с окраинной заставы гонец сообщил, что заметили пограничники отряд ляхов двигавшийся к Перемышлю. То ли перевозбуждился механик от долгой скачки. Целый день в седле провел, шутка ли. В общем, навалились на чародея разные мысли, не давая ему заснуть. Была у него

такая привычка – лежать по ночам с открытыми глазами и думать, глядя в потолок.

Закинув руки за голову, Забубенный рассматривал в темноте низкий бревенчатый свод. Европейским ремонтом в горнице не пахло. В окнах, конечно, не стеклопакеты сверкают. Ну, хоть слюда, а не бычий пузырь, жить можно. По местным меркам, хоромы. Желудок приятно согрела похлебка, и мысли механика постепенно сами собой унеслись в недавнее прошлое.

Уже больше года прошло, как чудесным образом из леса, где грибы собирал, перенесся в это древнее время питерский механик автосервиса Григорий Забубенный. И сложилось так, что приняли его тут за чародея. А все потому, что он случайно захватил с собой электрический фонарик и по неосторожности пару раз включил его в темное время, наведя страшный переполох среди черниговских ратников. Не испугались тогда только Путята да Куря, предводители отряда. Может оттого, и подружились они потом.

Не без труда, конечно, но прижился он здесь. И, как чародей, что помог чудесным образом избежать нашествия монголов на Русь, Забубенный в киевском войске пользовался теперь уважением и мог чаще других видаться с князем. Даже принимал участие в советах на правах местного Нострадамуса. Хотя и не всегда князь поступал согласно его предсказаниям, но мнение выслушивал, уж больно впечатления от разгрома на Калке были еще сильны у Владимира Рюриковича, который еще недавно был князем Смоленским.

А ведь говорил тогда Забубенный, предупреждал, не надо с монголами драться, они мимо идут, никого не трогают. Но не поверил ему князь Черниговский и послал странного человека, что огонь из руки выпускать умел, на разведку вместе со своим воеводой. Ну, что в том походе приключилось, Забубенный теперь и вспоминать особо не хотел, – столько страхов натерпелся, от своих отбился, в плен к монголам угодил, даже в орде с ними побывал на дне рождения Чингисхана. Но, слава богу, живым обратно вернулся, да еще и в самый разгар битвы умудрился случайно жизнь спасти Субурхану. И главный монгол, котрому все тумены подчинялись в том походе против половцев, не забыл доброго дела. Разгромили в том бою монголы храбрых, но неразумных князей русских, а дальше на Русь не пошли. Оценил Субурхан силу русских богатырей и продолжил им вместе идти на запад, другие народы покорять. А сам с туменами ушел за Дунай, только его и видели.

Изменилось за прошедший с той поры год немало. Много народу полегло в битве на Калке, князья старые почти все. А потому и в Киеве, и у Чернигова, теперь новые князья. В Киеве Владимир Рюрикович сидел, а в Чернигове теперь княжил Михаил Всеволодович. И все бы ничего, но, как известно, новая метла метет по-новому. И скоро пришлось воеводе черниговскому с другом Курей, а с ними и Забубенному, искать себе работенку. Не сложились у них отношения с новым губернатором Чернигова. А тут и в Киеве власть сменилась. Но, нет худа без добра – народу на Калке полегло множество, а потому и свободных вакансий у киевского престола было достаточно. Дело быстро нашлось. И таким профессиональным рейнджерам, как Путята с Курей, и магу-одиночке, мечтавшему об открытии своей механической мастерской.

Нет, не спалось Забубенному, несмотря на утомительный день. Промучившись в полузабытии часа три, он встал. «Пойду, поброжу, – решил Григорий, – авось расслаблюсь, сон нагуляю». Механик сунул ноги в сапоги, закутался в походный плащ и решил пройтись по лагерю, благо бодрствующих было в нем множество. Местный князь, Дмитрий, заставлял людей работать на строительстве укреплений и по ночам, если было нужно. А на беспокойной границе с ляхами это было нужно. Особенно сейчас.

На выходе из дома, где расположились на постой киевские воины, Григория встретил местный молодец из галицких ратников, в кольчуге и с мечом. Смерив Забубенного цепким взглядом, – кто это тут в крепости по ночам шатается без дела, – признал его и молча кивнул, пропуская. Но Григорий ни на секунду не усомнился – если что, далеко ему не убежать.

Сделав всего десять шагов, Забубенный оказался на центральной площади, куда выходили двери всех военных строений. В боевом отношении это было разумно, чуть что – схватил оружие и ты уже на крепостной стене.

Размышляя, чем бы занять свой нежелающий засыпать мозг, Григорий остановился,

еще раз обвел взглядом главную площадь и ворота с двумя башнями по краям. Вдоль массивных ворот прохаживались часовые, почти сливаясь с окружающей темнотой. Такие же едва различимые тени скользили по крепостным стенам. Только наконечники копий тускло поблескивали, выдавая их расположение, когда часовые попадали в отсветы горевшего внизу костра.

Вокруг костра сейчас сгрудился десяток ратников, сменившихся, но не желавших идти спать. Посреди ночной тишины вдруг раздался всеобщий хохот, это какой-то балагур рассказывал байки, потчuya всех медовухой. Услышав голос, Забубенный улыбнулся – рассказчиком был Куря. Тому, видно, тоже не спалось. Не задумываясь, механик-чародей направился к костру, и, вступив в круг свет, сказал:

– Привет честному люду!

– И ты будь здоров, – хором ответили ратники, вдоволь насмеявшись над шутками веселого помощника воеводы из Киева. А сам он, увидев Забубенного, слоняющегося по лагерю, словно неприкаянное привидение, кивнул на лавку рядом с собой и сказал:

– Садись, брат-купец, отведай медовухи.

Галицкие ратники переглянулись.

– Да ты разве купец? – недоверчиво переспросил один из них, – а нам сказывали, чародей, да еще в телегах кумекаешь.

Остальные рассмеялись. Не успел Григорий и рта открыть в свое оправдание, как Куря ответил за него.

– Нет, ребята, не купец он, а самый настоящий чародей, что может превратить вас в любую головешку, если осерчает. Так что вы его не дразните, ради своей же пользы.

Забубенный нахмурился. Ратники приумолкли, озадаченные, осторожно поглядывая на пришельца, а Куря продолжил.

– А купцов мы с ним в половецких степях изображали, когда в разведку ходили к монголам. Эх, лихое было дело!

И он снова разлил всем по чарке из собственной баклажки с медовухой. «А, ну его, пусть треплется, – решил Забубенный, присаживаясь, – все время быстрее пройдет». То, что Куря большой любитель почесать языком, это ему было давно известно. Приняв такое решение, Григорий вздохнул с облегчением и, взяв свою чарку с медовухой, опрокинул ее, ощутив во рту приятный сладковатый привкус.

– Так расскажи, мил человек, – попросил один из ратников, – ночь длинная, спать все одно не можется.

«Да тут какая-то всеобщая бессонница, – с грустью подумал Забубенный».

– Ну, что ж, – задумчиво протянул Куря, и, оглянувшись на недовольного механика, который опасался, что его скоро попросят показать какие-нибудь чудеса, решился, – дело было так.

Чтобы говорилось веселее, он налил всем еще по чарке, и медовуха неожиданно закончилась. Но это не остановило галичан. Послав отрока за своими запасами, местные дружинники не отставали от Кури, ожидая длинного, со всеми подробностями, рассказа.

Опрокинув еще чарку, Куря вошел, наконец, в раж, и начал обстоятельно излагать, как было дело, присовокупив к рассказу массу живописных подробностей. Да так у него это складно получалось, что Григорий даже сам заслушался, будто бы и не с ним это все происходило. Тем более, что ровно половину Курия придумывал на ходу, хитро подмигивая Забубенному.

Примерно через час, сходя вдвоем на разведку в самый центр стана монгольского войска, перебив по дороге не меньше сотни человек, взяв в плен несколько ханов и на обратном пути неделю уходя от погони, что висела на пятках, герои вернулись в расположение черниговского князя. Где и были награждены золотом за личное мужество.

– Вот как оно было, – закончил Куря, допивая галицкую медовуху и хлопнув чаркой по деревянному столу.

Галичане, сидевшие разинув рты все это время, засомневались. Это были добрые

воины, не раз принимавшие участие в походах, и знавшие почем фунт лиха. Но уличать Курю во лжи они не торопились. Только самый старший из них, по имени Василий Брянчин, высказался вслух:

– Что-то больно быстро получается, да складно. Так на войне, конечно, бывает, но редко.

– Не сомневайтесь, братцы, все так и было, истинный крест, – подтвердил Куря, – а если не верите, у него спросите, – длинный палец уткнулся в Забубенного, – он вам расскажет, как заколдовал монгольских коней, чтобы они мимо нас проскакали, пока мы в лесочке прятались.

Забубенный чуть не поперхнулся медовухой и даже привстал от возмущения, желая сказать Куре, что пора завязывать со враньем. Народ тут подобрался душевный, но ведь могут и на смех поднять. Но в этот момент воздух разрезал свистящий звук, и вслед за этим на деревянную крышу навеса что-то упало с глухим стуком. Ратники, балагурившие меж собой о том прав или брешет Куря, вдруг замолчали. Немного полежав на крыше, неизвестный предмет скатился с навеса и мягко, словно мешок с картошкой, упал на землю, под ноги Забубенному. При свете костра все стало ясно. Перед ними лежал воин из охранников со стрелой в шее.

– Данила, – удивленно пробормотал один из галичан, а потом как заорал, – Нападение! Все быстро на стену!

Сменившиеся было ратники, снова похватили свое оружие, стоявшее у стены под навесом, кто мечи, кто пики, и стали карабкаться по широкой лестнице вверх. Забубенный с Курей устремились за ними, хотя у Григория и не было с собой оружия. Поднимаясь, он волей неволей смотрел в небо, и вдруг заметил, как светлеющий небосвод прочертили две огненные линии, словно падающие звезды. Остановившись на мгновение и обернувшись назад, Забубенный увидел, как эти звезды с чавканьем воткнулись в крышу строения, где спали киевляне, подпалив ее. «Зажигательные стрелы», – отстраненно подумал механик, продолжив подъем.

Когда молодцы взобрались на крепостную стену, только начинало светать. Сколько ни вглядывались ратники сквозь медленно светлеющий воздух, еще почти целый час ничего не могли рассмотреть, кроме огоньков от горящих стрел, то и дело прилетавших с окраины посада. А когда первые лучи солнца осветили ломаную линию далекого леса и крыши ближайших крестьянских хибар, то прямо за ними, стали видны несколько сотен конников неизвестной армии, перед которыми выстроилась шеренга пеших лучников. Именно они пускали горящие стрелы в сторону посада и самой крепости, стараясь поджечь все, что удастся. Забубенному было не ясно, что это за вояки, дерзнувшие побеспокоить людей Галицкого князя на его территории, но бывалые пограничники врага чуяли за версту. Могли опознать его даже по метавшимся силуэтам.

– Ляхи, – выдохнул Брянчин, и, обернувшись к кому-то из своих, приказал, – а ну, подымай людей. Не ровен час, на приступ пойдут.

Воин убежал вниз, застучав сапогами по ступенькам деревянной лестницы.

– Думаешь, пойдут? – спросил Куря, поглаживая меч.

– А кто их знает, – задумчиво протянул Василий, и вдруг резко нагнулся, присел под просвистевшей стрелой. Потом осторожно приподнялся и встал за прикрывавший тело зубец на стене, – может, покуражатся издалека, да к себе ускачут. А может и пойдут. Больно много их сегодня собралось против нашего. За зря сюда не потащились бы. Да и давненько их не было.

Куря, спрятавшись за зубцом, вглядывался в невесть откуда появившееся войско. Ему показалось, что в первых робких лучах солнца поблескивают не только острия копий и рукояти мечей, еще не покинувших ножен. Пару раз он заметил, как блеснули тусклым металлом ведроподобные шлемы на головах нескольких всадников.

– Уж не рыцари ли сюда пожаловали? – предположил Куря.

– Может и так, – пожал плечами Василий, – подойдут поближе, вот и узнаем.

– Значит, и подмога понадобится, – решил помощник воеводы и обернулся к стоявшему рядом Забубенному, – пойдем, брат-купец. Разбудим нашего князя да людей. Не ровен час и мы пригодимся.

И они вдвоем спустились со стены вниз, навстречу бежавшим к стенам галицким ратникам. Появился их воевода Черепеня при оружии, а с ним человек двадцать. «Народа в крепости немного, – размышлял на ходу чародей, – так что, если наши или монголы не подоспеют вовремя, могут быть проблемы».

Забубенный взглянул на крышу барака, в котором спали киевляне. К счастью, обитатели крепости Перемышля спали чутко. Несколько человек уже давно потушили едва занявшийся пожар. Пока ничего серьезного ляхи подпалить не смогли. Спускаясь со стены, Забубенный успел заметить только, как запылал один из крестьянских домов внизу. Но с этим было ничего не поделать: если случилось нападение, все, кто не успел укрыться в стенах крепости, могут считаться пропавшим. Ворота открывать никто не будет.

Куря убежал поднимать ратников. А Забубенный прошел через сени в княжеский терем и велел двум дюжим молодцам из личной охраны Владимира Рюриковича разбудить князя. Да тот и сам услышал шум снаружи, проснулся.

– Ну, что там, – спросил недовольно князь, потягиваясь, – Что за шум в такую рань. Путята прибыл?

– Нет, княже, – сообщил чародей, – ляхи под стенами. Куря людей подымает.

– Ляхи? – сон с князя слетел мгновенно, – много?

– Со стены видать пару сотен, – сообщил чародей.

– Приступили уже? – прислушался князь к шуму, что доносился снаружи.

– Да, вроде, нет еще, – сказал Григорий. – Пока стрелами зажженными пугают.

– Иди, – коротко приказал Владимир, – скоро буду на стенах. Куре скажи, чтоб в случае приступа дал Черепене людей, сколь понадобится. Скоро Путята подойти должен с монголами. Да черниговцы. Отобьемся.

Забубенный повеселел, кивнув в ответ.

– Знамо дело, – отобьемся. Где наша не пропадала.

Выйдя из княжеских палат, он опять прислушался. Шум снаружи усилился, но приступа пока не было.

– Эй, русские, отдавайте Пшемысль! – долетело вдруг снаружи до слуха чародея, – а то одни головешки останутся!

Кричавший неплохо говорил по-русски, правда, с акцентом. Забубенный, вздохнул и отправился в барак, вооружиться на всякий случай. Мало ли что сейчас начнется. Два года жизни в тринадцатом веке приучили его к тому, что состояние войны для русских и всех окрестных княжеств было более привычным, чем мирная жизнь. Хотя это и напрягало бывшего механика автосервиса. Он бы предпочел с большим удовольствием покопаться в моторе какого-нибудь железного коня, чем скакать по лесам и полям на обычном.

На встречу ему из барака один за другим выбегали вооруженные киевские молодцы из личной гвардии Владимира Рюриковича. Полсотни проверенных и закаленных бойцов. С такими ребятами несколько часов маленькая крепость продержится. А вот дальше следовало уповать на скорость передвижения основных сил, которыми руководил Путята.

Поймав за руку спешившего за своими молодцами Курю, Григорий коротко сказал ему:

– Князь велел помочь людьми Черепене, если что.

Куря отмахнулся от чародея, как от неразумного ребенка.

– А то сам не знаю!

Григорий вошел в дом, надел кольчугу, прицепил к поясу меч, которым к счастью ему доводилось пользоваться редко, нахлобучил на голову шлем и, подняв небольшой круглый щит с металлическим шишаком посередине, стал похож на настоящего воина. Размявшись немного, он отправился вслед за ратниками на стену.

Глава вторая. Разговор с каленым железом

Когда он появился, народа на стенах уже прибыло. Воины рассредоточились по всей длине, прячась за зубцами от стрел польских лучников. К счастью, меткостью стрельбы ляхи не отличались. Тем более, что пара домов уже занялась и теперь между нападавшими и крепостью то и дело поднимались черные клубы дыма. Поэтому поляки оставались на месте и битый час выжидали неизвестно чего, иногда оглашая окрестности воплями «Отдавайте Пшемысль!».

Тем временем прибыл киевский князь и, поднявшись в башню, о чем-то совещался с местным воеводой и Курей, то и дело, показывая на гарцевавших под стенами ляхов. Те, видать, тоже его заметили и пустили сразу пять стрел в башню. Но мимо.

Григорий находился всего в двух шагах от Великого князя, рядом с лесенкой, что вела со стены в башню, и, прячась за зубцом, осматривал окрестности. Теперь уже было видно, что главное укрепление Перемышля стоит на берегу реки, которая огибает крепость с тыла.

Всмотревшись в строй ляхов, в самом центре, среди серых и зеленых накидок большинства воинов, Забубенный углядел несколько всадников в ярко-красных плащах. И плащи и такие же попоны лошадей были украшены изображениями белых орлов настолько большими, что Григорий легко мог рассмотреть их даже издали. Эти же орлы, но уже в виде искусно сделанных фигурок, украшали массивные шлемы всадников.

Какую именно силу представляли здесь рыцари, Забубенный не знал, но насчитал пятерых. Получалось, что войско действительно было немаленьким, раз его почтили своим присутствием целых пять рыцарей.

Народу перед крепостью собралось человек двести, может триста. Уже не мало для гарнизона, располагающего всего лишь сотней галицко-киевских дружинников. А, кроме того, раз в войске были рыцари, то и помога к ним могла подойти такая же металлизированная. Может быть, ее и дожидались ляхи, не решившись пойти на штурм затемно. А в том, что если пойдут, то пойдут именно здесь, перед воротами, Забубенный не сомневался. За два года новой жизни он уже вдоволь насмотрелся на сражения и осады крепостей. Кое-что даже он, чародей, уже соображал в воинском искусстве.

Последующие события подтвердили его прозорливость. Незнакомые до сих пор ляхи вдруг прекратили обстрел, выстроились в две колонны и устремились к небольшому укреплению Перемышля по двум главным улочкам, что вели меж горевших домов посада прямо к крепости и оканчивались у рва. Если и оставались там люди, не сбежавшие ночью, то они были обречены. Но поляки так долго шумели, что наверняка все крестьяне, привыкшие к частым набегам, уже давно спрятались в лесу, подальше от польских захватчиков.

«Недоработочка, – как-то подсознательно отметил Григорий, глядя на быстрое приближение двух атакующих колонн, в руках у которых он разглядел заранее подготовленные лестницы, – надо бы местным строителям сказать, чтобы улицы кривыми делали, как китайцы, да перегораживали их чем-нибудь, а то нападавшие по ним как по шоссе сразу к стенам подойдут».

Тут мысли Забубенного спутал грозный вопль. Стоявший рядом князь что-то зычно крикнул, а Черепеня махнул рукой и в приближавшихся ляхов полетели стрелы. Пользуясь своим защищенным положением, русские лучники били точнее ляхов. Быстро прицелившись, они посылали стрелы в самых заметных воинов. Один за другим, получив стрелу, кто в шею, кто в грудь, падали на землю польские дружинники. Наступление замедлилось. Колонны нападавших стали редеть на глазах, но до конца их причесать все же не успели. Первые ляхи, несшие на себе вязанки хвороста, уже достигли рва и побросали в него свою ношу, заполнив ров до половины. Этого оказалось достаточно. Бежавшие за ними приставили лестницы и устремились вверх, с проворностью обезьян, увидевших банан. В первое мгновение Забубенный подумал, что раз наступавших колонн всего две, то и лестниц будет две. Но ошибся. Их вдруг оказалось четыре. Нападавшие несли их, плотно прижав друг к другу, а у самой стены, разделились и приступили сразу в четырех местах. Видно

такова была их военная хитрость.

Но это не смутило защитников Перемышля. Одна из лестниц зацепилась железными крюками за край стены напротив Забубенного, рядом с башней у ворот. Вторая – рядом со второй башней. Остальные по краям основной стены. Не успел Григорий выхватить меч, как перед ним уже вырос кто-то из галичан с топором в руках и обрушил его на голову первого ляха, показавшуюся над зубцами стены. Выронив короткий меч, лях схватился за голову, по которой из-под разрубленного кожаного шлема текла кровь, и рухнул вниз.

Второй лях, ползший по лестнице вслед за первым, попытался достать галицкого дружинника мечом, но промахнулся, а в ответ тут же схлопотал топором по голове. И этот рухнул вниз, на головы своим собратям. Увлечшись отражением атаки, галицкий дружинник высунулся дальше положенного из-за защитного зубца и тут же получил стрелу в грудь. Харкнув кровью, судорожно пытаясь вырвать стрелу, теперь уже он покачнулся, выронил топор и упал в ров.

Забубенный напрягся, сжав в руке меч и озираясь по сторонам. Повсюду на стене кипел бой, а рядом с ним в эту минуту больше никого из своих не оказалось. Григорий, не мигая, смотрел в проем между зубцами, ожидая следующего польского воителя. Здоровенный, лысый и уса́тый лях в зеленых штанах, кольчуге и с мечом в руке лез вверх в надежде, что его не успеют ссадить с зыбкого насеста, пока он не перемахнет через стену. Зря надеялся. Забубенный сделал выпад мечом и... промахнулся. Лях покачнулся, увернувшись от острия, но устоял на тонкой перекладине, видно был опытным воином, не в пример Григорию. В ответ он резко взмахнул своим мечом и его клинок рассек воздух над самым ухом Забубенного, воткнувшись в деревянный зубец стены. Обида придала Григорию сил, и вторым ударом он достал таки ляха, всадив ему меч в подбрюшье. Уса́тый лях охнул, выронил оружие, покачнулся и, цепляясь из последних сил за перекладину, словно раненный Абдулла из «Белого солнца пустыни», сполз по лестнице вниз, подмяв под собой остальных.

– Молодец, чародей, – раздался у него над ухом княжеский голос, – только, повезло тебе. Еще чуток, и лежать бы тебе с пробитой головой. Так что не лезь вперед, где не надобно.

Забубенный покорно сделал шаг назад от зубцов стены. Нельзя сказать, чтобы он хотел сейчас поспорить с князем. Мечом махал он и на самом деле не важно.

– А ну-ка, ребятки, – добавил Владимир, обращаясь к своим телохранителям, увидев очередного заползавшего в освободившуюся брешь ляха, – опрокиньте-ка лестницу. Хватит им в крепость лазать.

Двое дюжих ратников, каждый на голову выше нехлипкого Григория, предварительно насадив на пику ляха, схватились за края лестницы, поднатужившись, спихнули лестницу вниз, вместе с дюжиной карабкавшихся по ней польских вояк. Снизу послышались дикие вопли.

Довольно кивнув, князь вернулся в башню, откуда продолжал следить за ходом боя. Куря управлял обороной правой, дальней от чародея части стены, а слева старшим был Черепеня. Григорий прислушался к словам князя и пока не лез на рожон, но и не удирать же со стены, пока идет бой. Стыдно. Постепенно, уклоняясь от свистевших над головой стрел, Забубенный снова придвинулся к зубцам и осмотрелся. С левого края одну из лестниц также порубили и сбросили вниз. Наступление там захлебнулось.

У Кури было посложнее. На самом краю стены нескольким ляхам удалось перемахнуть через зубцы и навязать бой пограничникам. Они даже зарубили и сбросили внутрь крепости троих защитников. Но тут подоспел сам Куря с киевлянами. Ловким движением он всадил одному из ляхов между ребер клинок, пробил кольчугу и умертвил его на месте. Труп ляха упал вниз на крышу навеса, туда же, куда ночью рухнуло мертвое тело галицкого ратника Данилы, убитого стрелой. Второго поляка убил киевский дружинник, метнув в него с десятка шагов копьё, как заправский спартанец. Третьего и четвертого зарубили быстро, зажав в башне превосходящим числом. Насладившись видом поверженного противника, Куря велел разрубить и оттолкнуть лестницу со стены.

Первый приступ окончился неудачей и, пуская по защитникам редкие стрелы отчаяния, ляхи откатились от крепостных стен Перемышля к своему походному лагерю, оставив внизу не меньше трех дюжин трупов и четыре изломанные лестницы.

Рыцари взирали на штурм издалека, сидя в седлах боевых коней. И явно были недовольны его результатом. Когда отбитые осаждавшие собрались вокруг них, было ясно, что их принуждают тут же идти на новый штурм. До стен долетали гневные окрики и приказы командиров. Забубенный был не силен в местном наречии, но суть дела и так была понятна. Подкрепляя слова красноречивыми жестами, рыцари крыли польским матом нерадивых вояк, которые не могли с первого захода взять такую небольшую крепость, хотя нападавших было втрое больше. Разрозненные колонны ляхов стали строиться в боевые порядки. Назревал очередной приступ.

Григорий окинул взглядом своих. Осажденные тоже потеряли несколько человек, возможно, с десятков. Но еще были полны сил и второй приступ, если он будет таким же как первый, отобьют обязательно. Но в этот момент в битве наступил перелом.

Над ухом Забубенного раздался радостный возглас галицкого дружинника, он указывал куда-то влево. Григорий повернул голову в ту же сторону и увидел, что там форсирует реку монгольская конница. Тумен под командой хана Тобчи уже почти переправился через речку Сан и готовился сходу вступить в бой, ибо кто на кого нападает, монгольскому хану объяснять было не нужно. Он отлично знал, что следует делать и на чьей он стороне.

Первые сотни всадников уже были на этом берегу и, растекаясь лавой по полю, что лежало за посадскими домами Перемышля, начали маневр окружения польских рыцарей. Когда закованные в броню ляхи заметили монголов, отступать было уже поздно, конница Тобчи мгновенно отрезала им пути отступления вдоль леса с западной стороны и начала оттеснять от города. Был еще путь на север, но польские воеводы решили принять бой и через несколько минут были прижаты к лесу со всех сторон. Да и куда им в таком тяжелом вооружении было деться, монголы были гораздо легче и быстрее.

Не ожидавшие такого исхода налета на Перемышль, рыцари все же дело свое знали. Они перестроили войско клином, в центре которого находились сами, и перешли в наступление, пытаясь прорвать окружение. Но монголы быстро зажали в клещи польскую «свинью» и раздавили ее с флангов. Все-таки численное превосходство было не на стороне рыцарей – две-три сотни против десяти тысяч из которых в бой вступили только самые передовые отряды. Такой расклад не оставлял полякам никаких шансов на победу. В первой же сшибке польских копейщиков с монголами были уничтожены почти все легкие воины рыцарского войска, а сами вельможные паны остались почти без прикрытия.

Но бронированное ядро польского войска продолжало рубить монголов до тех пор, пока над полем боя не разнесся приказ одного из сотников и конное войско степняков, решив не тратить на железных бойцов больше сил, чем они того стоят, отодвинулось на десяток шагов и пустилось вскачь вокруг ничего не понимавших рыцарей. Наблюдавший за этой битвой Забубенный со стены решил, что он в цирке, где показывают лучшие образцы джигитовки. Теперь монголы не бились, он просто скакали всем войском по кругу, центром которого были польские рыцари, и стреляли в них на ходу из лука, до тех пор, пока не перебили всех оруженосцев и слуг. Сами же рыцари, прикрываясь щитами, оставались по-прежнему невредимыми. Кроме одного, которого кто-то из особо метких лучников умудрился поразить стрелой даже в прикрытую кольчугой шею. Вельможный лях уже сполз с седла и лежал без движения на сырой траве.

Скоро это избиение младенцев настолько оскорбило гордость польского рыцарства, которое не желало погибать, даже не оказав сопротивления этим отсталым кочевникам, что один из закованных в латы воинов, прищипорил жеребца и выскочил вперед. Подняв вверх копьё с прицепленным к его наконечнику ярким флажком, он что-то прокричал. Монгольский сотник, кажется, это был Буратай, старый знакомый механика, намек понял. Обстрел прекратился. Монголы уважали личное мужество.

Рыцари требовали смертельного поединка с монгольскими багатурами, чтобы умереть

славно. А монголы любили военные забавы и знали обычаи закованных в броню европейцев, разведка у них была поставлена хорошо. Все равно победа в битве уже была одержана. А потому Буратай велел выйти четверем своим лучшим воинам и принять бой. Конное войско раздвинулось, очистив для поединка широкую поляну.

Поляки разъехались и выстроились в линию, сверкая своими массивными шлемами и ярко-красными одеждами с белыми хищными орлами на плечах. У каждого в железной рукавице было зажато по копью, на левом предплечье надежно прикручен небольшой треугольный щит для ближнего боя, все с тем же бело-серебристым орлом на красном фоне. На поясе висел массивный меч с искусно отделанным лезвием и рукоятью. Тело надежно закрыто латами. Фигурки орлов хищно смотрели с наверхий шлемов ясновельможных панов на моголов, ожидая своих противников. И противники скоро появились.

Ряды конных воинов раздвинулись, и на середину выехали четверо монгольских багатуров. Доспехами они не уступали противникам. Искусно сделанные шлемы, облегли головы воинов, закрывая лицо и шею полностью и надежно охраняя даже от прямого удара. Но, в отличие от вариаций на тему ведра с заклепками, украшавших головы рыцарей, шлемы монголов были островерхими. Мощными пластинами прикрыта грудь, а снизу доспех продолжался бронеюбкой, которая хорошо защищала ноги от ударов и позволяла свободнее двигаться. Багатуры были облачены в тяжелые доспехи, не часто, но встречавшиеся в монгольской коннице. Переброшенный через плечо на ремне щит в мгновение ока оказался в левой руке каждого степного воина и был он массивнее, чем у польских крестоносцев. А в правой руке – мощное копье, с длинным заостренным наконечником, способным не только пробивать, но и разрезать доспех врага. Кроме того, у каждого монгола к седлу был приторочен аркан, для того чтобы вязать пленников.

Кони поединщиков были подстать самим воинам, – закованные в броню от хвоста до глаз и одетые в цветные попоны. Красно-белые у ляхов и желтые с красными полосами у монгольских багатуров. Изготовившись, восемь человек замерли на мгновение, разглядывая друг друга сквозь узкие прорезы шлемов, ибо, как минимум половина из них должна была сейчас умереть. Поляки не выдержали. Первыми издав боевой клич, они прищипорили своих коней и, опустив копья и прижавшись к шее скакунов, устремились на врага. Монголы бросились им на встречу с быстротой молнии. С грохотом и лязганьем восемь закованных в прочные доспехи тел пронесли мимо друг друга. Половина из них осталась лежать на земле.

В поединке на дальнем краю поля победителем вышел польский рыцарь. Его копье угодило прямо в грудь крепкому воину, которого не спасли ни искусные доспехи, ни щит, и прошла его насквозь, выйдя из спины. Мертвый монгол рухнул наземь, под копыта своей лошади. А рыцарь издал победный клич и развернул своего коня.

Второй поединок выиграл монгольский воин. Он ссадил польского пана метким ударом в живот, до которого его остро отточенное копье добралось, пробив щит и скользнув по шее боевого коня. Рыцарь еще не умер. Он лежал на земле, истекая кровью. Победитель подъехал к нему и добил, пригвоздив копьем к земле. Так он избавил его от мучений, ибо жизнь ляха спасти никто не собирался.

Третья схватка закончилась общей гибелью. Удар обоих воинов был настолько выверен и силен, что копья всадников прошли друг друга насквозь, и скрепленные в смертельном объятии оба тела рухнули наземь, обагряв еще мокрую от тумана траву своей кровью.

А с ближней к Забубенному стороны луга еще никто не победил. Оба соперника свалили друг друга с коней, но без серьезных последствий. Сломав копья о щиты, они встали на ноги, выхватили мечи и сшиблись в пешем поединке. Рыцарь наносил мощные рубящие удары, на каждый из которых щит монгола отзывался глухими стонами. Но и багатур, больше привыкший сражаться конным, не сдавался. Он вертелся и жалил противника редкими, но точными ударами.

В конце концов, рыцарь устал первым и стал допускать ошибки. Промажнувшись в

очередной раз, он пропустил точный удар в бок, – его и без того красная накидка потемнела сильнее. Гордый серебристый орел был залит кровью. Взмахнув мечом, монгол срубил и фигурку орла со шлема польского рыцаря, который еще стоял, опершись на меч. Третий удар лях отразить не смог и упал, пораженный в шею.

– Три один, – прокомментировал исход первой сшибки Забубенный, глядя со стены на исход поединка.

Теперь в живых оставались два монгола и один рыцарь. Конные поединщики разъехались, снова желая продолжить бой до смерти одного из них. Пеший монгол свою войну закончил, стоя над поверженным противником.

Тем временем, хан Тобчи, расчистив от ляхов подступы к городу, въехал со своими нукерами в Перемышль и предстал пред светлы очи Владимира Рюриковича.

– Молодец, – похвалил его великий князь, когда кривоногий и низкорослый Тобчи слез с коня и поднялся на стену. – Вовремя пришел. Ну да я и не сомневался, что успеешь.

Присмотревшись к тому, что творилось на лугу перед городом, князь поспешил добавить:

– Вели-ка твоему молодцу последнего ляха живьем взять. Мне с ним потолковать надо, прежде чем кровь пустить.

Тобчи свистнул ближайшему нукеру и коротким жестом показал, что нужно сделать с рыцарем. Нукер вскочил на коня и быстро ускакал к месту поединка, успев крикнуть на ходу что-то по-монгольски, до того как воины пришпорили коней и начали сближаться для последней схватки. Бывшийся монгол команду услышал. Он увернулся от копья польского рыцаря, а сам перенес всю мощь удара на щит. Лях вылетел из седла, выронив копье и щит, но был невредим, не считая ушибов. Он хотел было вскочить и выхватить меч, чтобы продолжить бой, но монгол его опередил. Он сдернул аркан с седла, одним движением перебросил его из руки в руку и, ухватив за конец, метнул в сторону поднимавшегося рыцаря. Прочная веревка спеленала ляха, как младенца, не дав даже выхватить меч. Покачнувшись, рыцарь упал, словно колода и нелепо задержал ногами. Бой для него был окончен.

Привязав конец веревки к седлу, монгольский конник отбуксировал рыцаря на двор укрепления Перемышля. Глядя как дергается внизу плененный рыцарь, осыпая проклятиями своих победителей, Владимир Рюрикович обратился к Черепене, стоявшему рядом.

– У тебя в крепости кузня имеется?

Воевода кивнул.

– Вели кузнецам раздуть жар, да пришли мне двух молодцов, что умеют с железом работать. А то, мои не привычные.

И повернувшись к своим охранникам, приказал.

– Ну, чего стоите. Тащите ясновельможного в кузню. Толковать будем.

Проводив взглядом охранников, что волокли все еще сопротивлявшегося рыцаря, взглянул на Забубенного и добавил, словно сам с собою разговаривая:

– Завтра совет княжеский, кое-чего спросить хочу у пана рыцаря.

Глава третья. Интервенция

Уже целую неделю Забубенный, вместо того, чтобы сидеть себе в походной мастерской и ремонтировать осадную башню, болтался в седле. Но это его не сильно беспокоило. Даже наоборот, после княжеского совета механик счел за благо отпроситься у Владимира Рюриковича в технические помощники к Субурхану, который еще прошлой осенью вторгся к венграм и пожег их приграничные волости.

Но началась зима, и монгольский военачальник отложил главное наступление до весны, став лагерем на берегу Тисы. А чтобы поддержать ослабевшее после неожиданной битвы на Калке киевское княжество Субурхан временно передал Владимиру тумен своих всадников под началом хана Тобчи, но теперь ждал их обратно. Да еще попросил

подкрепления у союзных русичей.

И это подкрепление шло. На помощь Субурхану двигалось двадцать тысяч конного войска черниговского княжества с новым воеводой по имени Дрон Давыдович Бок. А за конными тащился под охраной обоз с какими-то приспособлениями, похожими на осадные машины. Бок велел прикрыть их всякими дерюгами, так что выяснить точный калибр не представлялось возможным. Сам черниговский князь остался с основным войском в Перемышле, ибо дело на западном фронте назревало жаркое.

Вот, чтобы оказаться подальше от этого жаркого дела, Григорий и отпросился к Субурхану, надеясь использовать дружбу с ним для решения технических задач в пределах монгольского лагеря. Лично принимать участие в боевых действиях Забубенный не хотел. Он все-таки механик, не рейнджер какой-нибудь. Великий князь же, не ровен час, мог послать механика и на передовую. От него всякого можно было ожидать.

Григорий понимал, что и Субурхан тоже не миротворец, но того, кто спас ему жизнь, вряд ли будет посылать в атаку. А на роль технического советника в оккупационном корпусе Григорий пока был согласен.

Владимир Рюрикович отпустил. Но наказал, чтобы через месяц, когда дела у Субурхана войдут в колею, Забубенный вернулся в расположение русичей. Правда, где оно будет, это расположение, пока еще было не до конца ясно.

Следом за черниговцами в сторону лагеря Субурхана на захваченной венгерской земле, двигался монгольский тумен под началом Тобчи. А рядом с военачальником степняков на своем новом коне по имени Мэджик, нетвердо сидел в седле мастер походного чародейства и волшебства, знаток осадных башен, Григорий Забубенный. Мастер зевал и глазел по сторонам. Рассеянно наблюдал, как восходит солнце, играя на остриях монгольских копий. Ни Путяты, ни вездесущего Кури на этот раз с ним не было. Они остались при великом князе.

Узнав, как мудрено кличут коня Забубенного, на прошлом ночлеге черниговские ратники пытались расспросить, что означает это странное имя. Особенно доставал Егорша, правая рука Дрона Давыдовича. Но, Григорий, как и положено чародею, отвечал туманно. Мол, имя для коня чародейского нормальное, магическое, вполне подходящее. Ведь все ратники как-то называли своих боевых коней. Только клички Буря, Быстрый или Сокол не походили для такого специального коня. А что означает слово Мэджик, должен знать только сам чародей, и никто больше, иначе враг сможет заколдовать коня, а оно чародею ни к чему. Иногда у коня случались перепады настроения, он то и дело лягался и норовил укусить всех окружающих. Тогда Забубенный рассказывал небылицы о том, будто кто-то снова попытался расспросить его о родословной Мэджика. Вот конь и разволновался. Но, на самом деле, конь был душевный и больше всего на свете любил морковку.

Подарен он был чародею ханом Тобчи. А по национальности был не монгольским конем, а пленной лошадей, отобранной монголами у каких-то других степняков. Скорее всего, у половцев. Поэтому Забубенный мог гордиться своим новым коником, ибо половецкий скакун – это круто. Конь был уже третьим по счету личным средством передвижения Забубенного с момента появления великого механика в этой новой для него жизни. О старой, комфортной жизни в двадцать первом веке, с фаянсовым унитазом и горячей водой из крана, он уже почти не вспоминал. А если о чем и тосковал, то именно по сантехническим придамбасам. Ибо такая ерунда, как PC, CD и DVD забывается быстро, а вот унитаз и горячая вода круглосуточно – это не забывается. Здесь же он был лишен подобных радостей. Но постепенно Григорий привык. Человек привыкает ко всему.

За последнее время единственным неприятным воспоминанием было участие в княжеском совете, о котором Забубенный старался поскорее забыть. Но картины судьбоносного совещания сами собой всплывали в памяти. Вот и сейчас, стоило Григорию немного загрустить, сразу же вспомнил совет.

Тесный княжеский терем, в котором хозяин галицко-волинского княжества Мстислав Удачный останавливался редко и ненадолго, сейчас был переполнен. В палатах собрался почти весь цвет родовитых владетелей Руси. В самом центре светлицы стоял, как полагается в таких случаях, стол, уставленный блюдами с жареной дичью, кабанчиком, гусем в яблоках, — очень его любили князья отведать, как собирались вместе, — да всякой снедью помельче. Икорка, рыбка, огурчики. Русичи, как известно, дела решать могут только за столом. На голодный желудок ничего путного не выходит. А потому князья пили вино и думу думали.

Собрались сегодня на совет почти все князья из русских земель. Владимир Рюрикович Киевский во главе стола, по правую руку от него прискакавший только что из Галича Мстислав Удачный, многомудрый князь, да местный властелин. Рядом с ним пристроились два его молодых родственника — зять его Даниил Романович Волинский, двадцати двух лет от роду, и младший брат Даниила князь Василько Романович. «Молодой еще совсем парнишка, — думал, глядя на него, Григорий с легкой завистью к сильным мира сего, — а туда же, князь уже, блин». Следом шел уминавший лосятину за обе щеки воевода Галицкий — Юрий Доморечич, что незадолго до битвы на Калке брал Забубенного в плен, как подозрительную личность.

По левую руку от Владимира восседал новый князь черниговский, Михаил Всеволодович, с ним воевода его Дрон Давыдович Бок, хитрый на рожу мужичонка. Чуть далее киевский воевода Путята, известный вояка. За Путятой сидел и сам скромный механик-чародей Григорий Забубенный, допущенный на совещание на всякий случай — вдруг предложит неожиданное решение вопроса, как уже не раз бывало. За ним монгольский хан Тобчи, как представитель союзников и глава степного экспедиционного корпуса.

Ну, понятное дело, как обычно в государственной думе советы проходят, — выпили, закусили. И Великий князь стал делиться впечатлениями от вчерашнего дня.

— Потолковали мы с этим ляхом. Хлипкий оказался пан — всего два раза и приложили его по ребрам раскаленной железкой. Он рассказал мне, перед смертью, что послал его сюда сам герцог польский Лешко Белый, приказав взять и сжечь Перемышль вместе с жителями в назидание нам. Городок этот, дескать, польский по праву и зовется Пшемислом, ибо принадлежит Лешко Белому от века. А Мстислав де, его хитростью и обманом взял.

Мстислав Удачный напрягся, услышав знакомое имя, заскрипел зубами.

— Да не только его и не один Перемышль воевать послали, — продолжал Владимир. — Все слышали, что за весть принес гонец сегодня. Нынче же, пока мы тут осаду держали, ляхи захватили на севере Любачев. Пожгли город, бояр на дыбу вздернули, девиц насильничали и похвалялись, что пришли сюда навечно. Что русские князья здесь больше не хозяева.

Мстислав встал, не в силах сидеть от ярости, громыхнул лавкой. На другом конце стола Забубенный, тихо доедавший кусок лосятины, чуть не подавился от неожиданности.

— Это я в своих землях не хозяин? Немедля же пойду на Любачев. Дорого мне заплатит Лешко за то, что назывался моим другом.

Великий князь помедлил, пока охладится чуток Мстислав, и продолжил свою речь.

— То, что Лешко напал на земли княжества твоего и пожег города, должно быть отмщено, в том сомнения нет. Но... Мы здесь не только для того собрались. Не для мести за княжескую честь Мстислава привел я сюда столько войска, что целый год собирали по всем волостям. Вернуть город у тебя и самого сил хватит.

На этот раз хозяин галицко-волинского княжества кивнул, сел на место, нервным движением вылил в рот кубок вина и отправил вдогон сахарную ягоду. Владимир Рюрикович тоже отпил терпкого вина. И Забубенный, следуя примеру, вслед за князьями опрокинул стаканчик.

— Помнят ли все наш разговор давний про поход в западные земли, который должен покрыть нас вечной славой и принести во множестве добра? Вот затем мы здесь и сидим. И твой друг Лешко, — усмехнулся князь, — только помог нам. Мы на его плечах войдем в королевство польское и пройдем по нему огнем и мечом.

Теперь Владимир Рюрикович встал, поправил пояс своего красного кафтана, прошелся по палатам, тихо ступая мягкими подошвами сапог, усы подкручивая. Остановился у окна, откуда был виден близкий берег речки Сан. Помолчал немного и продолжил свою речь.

– Дорого обойдется врагам Руси этот поход, ибо все, что мы в нем добудем должно остаться нашим навеки. Все города, земли, по которым пройдут кони нашего войска, достанутся нашим детям. Я хочу, чтоб с этого года на западной границе Руси был мир вечный.

– Но тогда нам придется захватить все земли ляхов, – проговорил Мстислав Удачный, умирив гнев и предавшись размышлениям. – Большое дело ты задумал, великий княже. Но ляхи-то нынче не только сами по себе. Они с венграми заодно, а венгры, – он усмехнулся в усы, – тоже мои друзья большие, да родственнички.

Слушая речи Мстислава, Забубенный только диву давался, сколько у того родственников среди руководства враждебных государств. Получалось, что перманентная борьба галицко-волынского княжества с поляками и венграми это всего лишь семейный спор за наследство. А население всегда выходило заложниками этих великосветских разборок. «Да, – вспомнилась Забубенному народная пословица, – паны дерутся, у холопов чубы трещат».

Владимир, снова начавший было прохаживаться вдоль стола, остановился напротив монгольского военачальника и обратил свой взор к хану Тобчи, методично поедавшему руками соленые грибочки. Хан впервые попробовал эти грибочки на Руси и остался ими очень доволен. Даже хотел узнать рецепт приготовления и взять немного с собой в Великую Степь.

– Субурхан зимовал в Венгрии и тропинку уже протоптал, – сказал великий князь, глядя на монгола немигающим взором. – У него с венграми свои давние счеты, а теперь еще и наши появились. Он стоит лагерем на берегу Тисы. Ждет от меня подкреплений. И сигнала о начале похода. Я дам ему и то и другое, а взамен он возьмет на себя окончательный расчет с венграми. Так что твоим родственничкам, Мстислав, будет не до нас. А, разбив венгерское королевство, если его не потянет дальше на юг, Субурхан повернет к нам навстречу и соединится с русскими силами в Польше в один кулак.

Тобчи хитро улыбнулся, облизал пальцы и наклонил голову в знак согласия. Князя тоже загомонили одобрительно. План всем понравился.

– Думаю, Субурхан быть доволен твой решение, князь, – выговорил Тобчи довольно чисто по-русски. Общение хана с Забубенным явно пошло монголу на пользу. Он сильно продвинулся по линии борьбы с акцентом.

Одобрительный гул голосов и перестук кубков с вином неожиданно был прерван громким голосом.

– Ты кое-что забыл, великий князь, – вступил в разговор молчавший до той поры Михаил Всеволодович Черниговский, – мне лазутчики рассказывают, что брат Лешко Конрад Мазовецкий, которому в лен отданы северные польские волости Куявия и Мазовия, чтобы он умирил там непокорных пруссов, не сильно преуспел в этом деле. Пруссы бьют его по всем границам.

Михаил Всеволодович отпил вина, чуть помедлив. Все молчали, давая ему высказаться. Забубенный с серьезным видом, подобающим моменту, рассматривал стену княжеского терема. Кто такие пруссы он понятия не имел, но название это где-то слышал. Хотя, мог и ошибиться, пруссы просто очень похожи на руссов. Одной буквой только и отличаются.

– Так вот. Чтобы умирить пруссов Мазовецкий призвал на свою землю Тевтонский орден. А это уже посерьезнее. Если пойдем гулять дальше в глубину да на север, то, в конце концов, придем на земли, что Мазовецкий отдал под военные поселения ордена. И придется биться уже с германскими рыцарями.

– Да и лях с ними, – не выдержал Мстислав Удачный, – неужто не побьем мы Мазовецкого, если пруссы столько лет его гоняют по болотам! И тевтонцев разобьем, чтоб свое место знали.

Сначала Забубенный попытался представить, как именно Конрад Мазовецкий убегает по болотам от пруссов. Получилось весело. А потом Григорий вспомнил, как Мстислав уже однажды бахвалился на княжеском совете и рвал на себе тельняшку перед битвой на Калке. Призывал идти бить монголов. Обещал порвать их, как Тузик грелку. Финал был известен. Видимо, наступать несколько раз на одни и те же грабли, было национальным спортом русичей издревле. Хотя сейчас ситуация выглядела иначе.

– Может и так, – проговорил князь Черниговский, – да есть еще одна думка. И ляхи, и венгры, и немцы, уж двести лет, как крещены в католическую веру. Все они теперь без оглядки на римского первосвященника жить не могут. И если мы тронем одних, то папа призовет на нашу голову всех остальных. А их, орденов этих рыцарских, не мало нынче по западным землям без дела мается.

– Про латинскую веру это ты верно сказал, – поддержал неожиданно Мстислав черниговского князя, – у меня в земле она уже корни пустила. Папа монахов шлет воду мутить. Бояре в городах крамолу заводят, хотят венгров призвать, да сами перейти в латинство. Но я им этого не позволю. Двоих посадников уж повесил, добро их в казну взял, а с остальными после разберусь.

Другие участники совета молчали, слушали, что князя скажут. Пили, закусывали, как обычно на советах бывает. Воеводы бровями играли – воеводское дело маленькое, иди, вой, куда скажут. А уж чародейское и того меньше. Колдуй себе, ворожи, да осадные башни ремонтируй. Вот Забубенный и ел себе грибочки на пару с ханом Тобчи и думал о чем-то своем, но разговор о судьбах отечества получался такой интересный, такие горизонты открывал, доселе невидимые, что и механик-чародей стал невольно прислушиваться.

Тут снова настал черед великого князя рассказывать. Но, прежде чем заговорить, он долго молчал. Затем кубок осушил и начал:

– Я ведь не только ради добычи богатой этот поход затеял, други мои. Дело в том, Михаил, что с рыцарями и папой римским ты в самую точку угодил. Ведь тевтонцы на северных землях ляхов неспроста обосновались. Турнули их сарацины из святой земли. Нужно им теперь руки с мечом к чужому добру приложить, это так. Но они ведь, как ты верно рассудил, простые слуги римского папы. Папешники, как народ кличет. И немало среди них всякого сброда, простых душегубов да насильников, что папа велел туда принимать в обход закона.

Князь передохнул, подождал, пока холопы наполнили ему снова кубок. Выпил еще и продолжил:

– А как папа римский к русичам относится и ко всем, кто в веру православную обращен по греческому обряду? Ты забыл, что крестоносцы со святым Константинополем сделали от жадности к золоту? Не пожалели своих же братьев во Христе. А священники латинские за убийство это им заранее отпущение грехов дали. Мол, святое дело. Эх, жаль, не взял я с собой в поход патриарха, он бы тебе складнее рассказал про учености эти.

– Да знаю я, о чем ты, княже, – кивнул князь черниговский, – от рыцарей и папы добра не жди.

– Ну, так вот, раз тевтонцы здесь, то не только для того чтобы язычников пруссов усмирить. Это только начало. Все вы знаете, что по северным границам русских земель творится. Там Литва в силу входит, хозяйничает уже во многих волостях новгородских. Шведы и немцы из ливонского ордена, да король датский крепости строят на землях эстов. И все совместно крестоносцы, исполняя волю папы Гоннория, крестят заблудших язычников огнем и мечом. И это не только одних новгородцев дело. Если не помочь им сейчас скосырнуть всю эту наледь, то скоро и немцы, и ляхи, и литовцы хлынут в глубинные наши земли. А мы станем по одиночке по крепостям запираться, да погибнем все.

Помолчали князя, согласились.

– Ну, тогда нам самим помощники понадобятся, – проговорил в тишине Мстислав.

– Будут помощники, – кивнул Владимир Рюрикович. – Новгородский князь Ярослав Всеволодович готов выступить со своим войском против шведов, немцев и датчан, а заодно

Литву потрепать. Ждет подмоги, чтобы за один поход все решить. Войско из Владимиро-Суздальских земель должно к нему подойти скоро многочисленное. Тысяч сорок наберется. Да еще ополчения собирает по землям окрестным. Но мы его ждать не будем, у нас свой поход, а потом, как весточку пришлет, – подмогнем, если надо будет рыцарей добить.

– А рязанцы? – не унимался опытный в боях Мстислав, – Мы и с малой дружиной да с удалью много сделаем. Но дело-то выходит большое, значит и дружина нужна немалая.

Ухмыльнулся великий князь.

– И рязанцы подойдут. Ингварь Игоревич обещал выставить до двадцати тысяч войска. Но и его ждать не будем. Пойдет вслед за нами, прикрывая тылы, а потом догонит в землях королевства польского. Гонцы от него недавно были. А нас тут, считая киевлян, черниговцев, да твое войско и монгольский тумен уже за сто тысяч получается. Не считая новгородцев и владимирцев. А будет еще больше.

– Вот это дело, – хлопнул себя ладонями по коленям Мстислав, – с такой дружиной мы дело сделаем. Любых рыцарей разобьем, сколько их папа римский по нашу душу ни пошлет.

Заволновался великий князь, разгорелось его лицо.

– У рыцарей нет дела больше в святых землях за морем, зато есть на наших. Крестовый поход против русичей начался. Папа обещал отпущение грехов каждому рыцарю наперед. Так что если мы их сами не причешем, то скоро всей Руси придется туго.

Перевел дух князь и закончил речь:

– Как не крути, папа римский нам добра не хочет. Мы всегда были дружны с Византией, даже сейчас, хоть и разбита она на осколки. Ненавидит он ее за то, что податей ему не платит и главенства не признает. А верховный понтифик без власти и денег жить не может, без них душа славянская ему не надобна. А потому, если придется, то мы и пруссам поможем, и германскому императору Фридриху, что сам папу не жалует. Если, конечно, доведется. И Субурхану подмогнем венгров приструнить.

Князь замолчал ненадолго, словно готовился сказать главное. И сказал, подняв кубок с красным вином:

– Час пробил, други мои. Идем на ляхов. Не мешкая. Завтра же выступаем. Первым делом Любачев освободим, это я поручить хочу тебе Мстислав. Ты лучше всех биться за него будешь, ибо твой город.

– Отобью, княже, – кивнул Мстислав, а Даниил Романович и Василько отозвались звонким эхом, – отобьем!

– Тебе, Михаил Всеволодович, велю отправить часть войска своего конного числом двадцать тыщ с осадным обозом на помощь Субурхану с воеводой. А сам с нами будешь, оставшимся войском черниговцев верховодить. Оно у тебя не малое.

Князь Черниговский и воевода его Дрон Давыдович Бок переглянулись и головы склонили в знак согласия.

– Сделаем, князь, как велишь, – ответил Михаил.

– Я, дело понятное, и киевляне мои, вместе будем путь держать с вами, – сказал великий князь, – а хан Тобчи...

Монгольский военачальник словно ждал этого вопроса, ибо ответ у него уже был заготовлен.

– Хан Тобчи со свой тумен уходит вместе с войска князь Михаил на помощь Субурхан. Пора.

– Ну, что ж. Держать не буду, а новостей из Венгрии жду, – подытожил Владимир Рюрикович. – Выпьем, други!

И осушил кубок. Остальные за ним следом выпили за общую победу над ляхами и крестоносцами.

Забубенный тоже выпил, пытаясь мысленно разложить по полчкам диспозицию и план генерального наступления на ляхов. Но мысли у него скакали, как дикая лошадь. Получалось, что, северный фронт оставляли новгородскому князю Ярославу Всеволодовичу, которому предстояло со своими помощниками из северо-восточной Руси сбросить в море

крестоносных товарищей, что выползли из моря и, словно спруты, зацепились за берега Балтики. Сам же великий князь Владимир Рюрикович и он, Григорий Забубенный, находились теперь на острие удара по королевству ляхов. Королевство это, само раздираемое усобицами, находилось на обширных землях от великой реки Одры, то есть Одера, до Буга и граничило с северо-западными землями Галицкого княжества. Окраинные города которого то и дело переходили из рук в руки многочисленных родственников Мстислава, ляхов, венгров, и самого Мстислава.

Чем закончится это предприятие, сулившее отвоевание выхода к морю галицким землям, встречу русичей с тевтонским орденом, Конрадом Мазовецким и, скорее всего, гнев понтифика, никто из присутствующих не мог сейчас даже предположить, но всех завораживали перспективы. Забубенный только диву давался, сидя за одним столом с государственными людьми, как легко они решались одним махом изменить судьбы сотен тысяч людей.

А ведь был еще Субурхан со своими тараканами в голове, жаждавший пройтись лихим кавалерийским наскоком по венгерским землям, а может и подальше. Куда заведет его тяга к странствиям, никто предположить не мог. Ведь по дороге Субурхана мог кто-нибудь обидеть. А монголы такой народ, пока всех обидчиков не повыведут, домой не воротятся.

Но все эти соображения, похоже, не столько волновали, сколько раззадоривали князей. Все они занимались сейчас знакомым делом, думали о будущем своих княжеств, то есть воевали за власть и земли, пытались переиграть многочисленных врагов. И ради этого готовы были рискнуть своей головой, не говоря уже о головах подчиненных. Даже объединиться, забыв про усобицы. А все подчиненные, как повелось, должны были исполнять решения руководства. В том числе и механик-чародей Григорий Забубенный.

Но фишка была в том, что Забубенный совсем не горел желанием воевать. Раз угораздило его перенестись в эти древние времена, то надо было как-то устроиться. В глубине души Григорий мечтал о том, что бы осесть надолго при дворе какого-нибудь князя, склонного к наукам и механическим разработкам. Владимир Рюрикович был князь, в принципе, нормальный, но его все время тянуло воевать, объединять свои распадающиеся на части земли. Потому, науками он сильно не увлекался. Некогда было. И даже идею придворного механика Забубенного строить всякие военные машины для усиления армии и, прежде всего, воздушные шары для быстрой переброски конницы на границы империи, встретил прохладно. А вот Субурхан ее приветствовал. Даже обещал дать сырьевой кредит. И Забубенный, сам того не подозревая, предвосхитил судьбу всех будущих талантливых российских механиков, отпросившись на время из русской армии к монголам в качестве технического советника.

И вот теперь, покачиваясь в седле Мэджика под заунывные песни монгольских нукеров, Григорий вглядывался в холмы на другом берегу Тисы, не имея ни малейшего понятия, куда его заведет эта дорожка.

Глава четвертая. Крепкое жупанство

Холмы были самые обыкновенные. Зеленые. О том, что на другом берегу реки, как впрочем, и на этом, уже простиралась Венгрия, Григорий понял только из разговоров с Тобчи, который, похоже, и без всяких проводников с картой знал дорогу к лагерю Субурхана. Никаких пограничных столбов, раскрашенных в полоску, ни КПП, где проверяют паспорта, ни таможни. Ничто не говорило о том, что русско-монгольские войска пересекли границу суверенного государства. Впрочем, Забубенный уже привык к тому, что границы здесь выглядели достаточно условно. Колочей проволокой никто не огораживался, но, тем не менее, соседи прекрасно знали, где заканчивается их земля и начинается чужая. Да и границу в обоих направлениях довольно часто пересекали не только купцы да туристы, но и вооруженные люди в больших количествах. Войны прокатывались по территориям суверенных государств частенько, и они быстро переставали быть суверенными.

Вот и сейчас, приметив на холме несколько сгоревших домов, Григорий догадался, что здесь не так давно проходили монголы. Совместные дружины черниговцев, коими верховодил Дрон Давыдович Бок, и тумен под началом Тобчи уже довольно далеко вошли на некогда венгерские территории и третий день двигались по течению Тисы, не встречая никакого сопротивления со стороны местных товарищей. Любитель географии Забубенный хотел поинтересоваться, как называется местное жупанство и кто в нем самый главный жупан, но передумал. В этом уже не было никакого смысла, скоро все здесь будет называться по-другому.

Венгры, между тем, были еще не сломлены. То и дело разъезды Тобчи натыкались в оставленных деревнях на засланных венгерских разведчиков и брали их в плен, но главные силы, как вскоре узнал Забубенный, Субурхан уже отогнал за Дунай. Еще до вступления в венгерские земли Тобчи получил с почтовым нукером письмо от Субурхана. Там сообщалось, что главный военачальник монгольского экспедиционного корпуса, уверенный в скором подходе подкреплений, уже переместил свой лагерь с берегов Тисы к городку Кичкемет, оставив другие встреченные на пути венгерские города – Варадин, Егрес и Темешвар в обгорелых руинах.

Этот же живописный городишко был самым крупным из обнаруженных Субурханом в междуречье Дуная и Тисы. Кроме того, как писал любитель путешествий Субурхан, городок Кичкемет основали откочевавшие сюда в древности степняки-кипчаки, да и местные ландшафты напомнили ему пейзажи родных кочевых стойбищ. Поэтому, не долго думая, он решил пока не сжигать Кичкемет дотла, а основать неподалеку новый монгольский лагерь.

Да и с точки зрения военной стратегии от Кичкемета до важнейшего города венгров Эстергома, что стоял на Дунае, было гораздо ближе, чем с берегов Тисы. А Субурхан, похоже, решил в скором времени отнять его у венгров. Но венгры не хотели сдаваться без боя и, как следовало из письма, содержание которого Тобчи не скрывал от Кара-Чулмуса, готовились к обороне. Воевода Фильня, главный воевода венгерского короля Андрея, стягивал все силы к двум деревенькам под названием Буда и Пешт, что стояли на пути монгольского войска в Эстергом, в надежде отбросить Субурхана за границы венгерского королевства. Главная битва была впереди.

Но из всего этого следовало, что почти треть территории королевства мадяров уже находилось под монголами. Забубенный в прошлой жизни интересовался не только моторами и языками, но и немного географией. Он мечтал стать либо диким путешественником, либо постоянным клиентом туристических фирм и постепенно объездить весь мир. В молодости он подался в туристы и посетил в составе горных экспедиций Кавказ, Тянь-Шань и Хибины. Намеревался увидеть Памир, Алтай и другие возвышенности. А культурный отдых собирался начать с Европы. Но, кроме Германии и Финляндии, культурно побывать пока так нигде и не удалось. И вот теперь, в этой новой жизни, механик, похоже, начал осуществлять свою мечту – путешествие по Европе. Хотя ни комфортабельных автобусов, ни машин, ни асфальтированных дорог, еще не было и путешествие выходило по большей части конным.

Из путеводителей, которыми Забубенный зачитывался в прошлой жизни, он знал, что в Венгрии есть озеро Балатон, которое местные жители называли «венгерским морем», видимо, по аналогии с Байкалом, или просто потому, что никогда не видели моря. Но, хотя это было действительно самое крупное озеро в центральной Европе, до Байкала ему было далеко – средняя глубина каких-то три метра. Зато со дна было много термальных источников. «Если выпадет случай, надо будет искупаться», – подумал Забубенный, натягивая поводья Меджика, который вознамерился остановиться, чтобы испытать из Тисы. Григорий вернул его на общий курс.

Войско было на марше, нужно было двигаться дальше. Привал с перекусом ожидался только ближе к вечеру. А потому Григорий, напрягая извилины, – все равно на марше делать было нечего, – стал вспоминать все, что он знал об этой стране. Как вычитал любознательный механик в одном путеводителе, венгры почему-то называли себя мадярами

и принадлежали к финно-угорской языковой группе. Получалось, что венгры когда-то были финнами и даже уграми. Дальнейшее прочтение популярного издания вызвало у любознательного механика короткий ступор. Там сообщалось, что согласно летописям, венгры появились в Европе в IX веке, как воинственный племенной союз, пришедший из-за Урала. А любимые Забубенным ханты и манси, тоже проживавшие возле Урала, являются близкими к венграм народами. Получалось, что венгры это не только финны, но еще и крепкие уральские парни, которым морозы нипочем. Выходил какая-то белиберда.

Как бы там ни было, а страна была довольно живописной. Вдоль реки тянулись лесистые холмы, на которых там и сям были разбросаны опрятные деревушки и замки, правда, покинутые жителями или вообще сожженные.

Скоро река сделала поворот. Подняв голову, Григорий неожиданно заметил впереди на вершине скалистого холма небольшой замок, нависавший над рекой, будто каменный страж переправы. Тобчи, кстати, что-то говорил о том, что скоро войско будет переправляться на другой берег.

Замок стоял на скале, был довольно красив и походил одновременно и на укрепление, и на католический костел. Островерхие крыши белых башен дополняли это впечатление. Несмотря на то, что здесь уже проходили монголы, замок был целехонек. Никаких следов разрушений или черных налетов гари на стенах Григорий не заметил. Он даже залюбовался его стройными башнями. Ворота замка были закрыты. Но мост через глубокий ров почему-то опущен.

Резкий окрик по-монгольски заставил механика спуститься с небес на землю. Тобчи приказал сделать остановку, отправив несколько воинов на разведку в замок. Его смущали закрытые ворота.

Повинуясь приказу, монгольский тумен остановился, как вкопанный. Встали и первые отряды двадцатитысячного конного войска черниговского княжества, растянувшегося по дороге на многие километры. Воевода черниговцев, Дрон Давыдович Бок, медленно подъехал к сидевшим на своих конях Тобчи и Забубенному.

– В чем заминка? – поинтересовался Дрон Давыдович, любовно поглаживая притороченную к седлу массивную палицу-колотушку. Встал рядом с Тобчи и окинул взглядом переправу и нависающий над ней замок.

– Моя не нравится эта крепость, – поделился сомнениями монгольский военачальник, – ворота закрыты. Если тут проходить наш отряд, то замок должен быть сожжен и лишен укреплений.

– А мне нравится, – высказался Забубенный от души, – красивый домик. Место выбрано хорошо. Виды отличные. Живописно. А что целый остался, так может Субурхан стороной прошел. Это его и спасло.

Тобчи промолчал, не удостоив механика ответом. Между тем конный разъезд приблизился к замку и, проехав по опущенному мосту, постучался в закрытые ворота.

– Интересно, – подумал Забубенный вслух, – если замок пуст, то зачем закрывать ворота. А если нет, то почему мост не подняли?

Вместо ответа на головы любопытных монгольских воинов из узких бойниц таких красивых башен пролилось два чана горячей смолы. Дикие вопли обожженных солдат, свалившихся со своих коней и катавшихся теперь по земле, огласили берег реки. Остальные были убиты стрелами. Все разведчики погибли на глазах у своего командира. И командир не собирался прощать этого защитника замка, кем бы они ни были.

– Засада, – только и сказал Дрон Давыдович Бок, глядя на это избиение монгольских воинов.

– Да, – поддержал его Забубенный, – видать, местный жупан еще жив. Спрятался в лесочке до срока и теперь перешел к партизанской войне.

Григорий даже погрозил замку кулаком, мол «Ну, жупан, погоди!».

– Замок сжечь! – приказал главный монгол.

Тобчи сделал только один взмах рукой, а его вышколенные солдаты уже перестроились

в две колонны и устремились к замку. Охватив в клещи небольшое укрепление, монголы пустились скакать вокруг него, осыпая защитников зажигательными стрелами. Потянуло дымком.

– Миклуха, – крикнул привычный к таким делам Дрон Давыдович Бок своему помощнику, – кликни Егоршу, скажи, чтоб лестницы тащили из обоза. И хворост, ров засыпать. К стенам надо подобраться. Да таран походный подкатывай. Застрали мы здесь.

Сообразительный Миклуха ускакал выполнять поручение черниговского воеводы.

С одной стороны замок стоял впритык к небольшой пропасти, так что совсем окружить его не получалось. Да и мост неизвестные защитники скоро подняли, отгородившись рвом от нападавших. Глядя на все это, Григорий решил, что сегодня до ставки главного хана они точно не доберутся. Придется сначала разобраться с венгерскими партизанами. И вопрос, насколько они здесь застряли, пока оставался открытым.

Впрочем, Забубенный никуда не торопился. Его лично Тобчи не посылал на штурм, а наблюдать за этими эскападами было даже интересно. Главное, чтобы до тебя стрелы не долетали, и смола на голову не лилась. А в том, что почти тридцать тысяч конного и пешего войска, приспособленного брать города и укрепайоны, как-нибудь смогут одолеть этот замок, населенный венгерскими партизанами, у главного технического советника монгольского войска особых сомнений не было. Ситуация немного осложнялась тем, что у монголов с собой никаких осадных орудий не было. Все они находились в далеком лагере Субурхана.

Зато, как выяснилось, кое-какие приспособления, сделанные по проекту Забубенного еще год назад, были в отряде черниговцев. Сделал их Григорий сразу после битвы на Калке, да оставил в Чернигове на память. Забубенный о них уже и думать забыл, а вот Дрон Давыдович вспомнил, когда время пришло. Новый черниговский воевода, похоже, смекалку в воинском деле любил. Теперь и случай выпал испытать все эти приспособления.

Солнце, между тем, уже клонилось к закату. Наступил теплый вечер. Но Тобчи пока не отдавал приказа вставать лагерем, видно вознамерился взять замок приступом еще до наступления темноты. Хотя главный механик в успехе этого предприятия немного сомневался.

Замок был окружен. Часть монгольского тумена переправилась на другой берег и прикрыла возможные пути прибытия подкрепления к осажденным. Все трое, двое военачальников и механик, расположились на ближайшем к замку холме, который хоть и был ниже уровня стен, но позволял видеть всю картину боя воочию. Да и венгерские стрелы сюда не доставали.

Конные монголы продолжали поливать зажигательными стрелами засевших в замке венгров, но запалить пока ничего не удалось. Деревянных построек либо было очень мало, либо их тушили, не давая разгореться огню пожарища.

Тем временем, черниговцы, под градом венгерских стрел, засыпали ров у самых ворот и подтащили таран, сделанный из огромного дуба, конец которого был охвачен металлическими обручами и венчался выкованным шипом. Сверху он был прикрыт какой-то деревянной крышей. Когда ратники придвинули таран к воротам и сгрудились вокруг него, раздалась команда.

– Навались! – крикнул Егорша, старший ратник, руководивший атакой.

Черниговцы качнули таран, раз, другой, и скоро раздался мощный удар. Ворота, а точнее поднятый мост, что их прикрывал, отозвались глухим звуком. Но конструкция устояла. Ратники раскачали таран и начали методично долбить препятствие. После дюжины ударов мост треснул и развалился, в проломе показались ворота.

– Давай ребятушки, навались еще! – подбадривал своих бойцов Егорша, размахивая мечом, который еще не мог пустить в дело, – еще чуток и сломим.

Черниговцы, раззадорившись от первого военного успеха, удвоили нажим. Ворота затрещали. Но, в этот момент венгры, сообразив, что дело может очень скоро закончиться для них взятием замка, перестали ограничиваться ответной стрельбой из укрытий,

подтащили к башням смолу и вылили ее на крышу, прикрывавшую ратников. А несколько зажигательных стрел подпалили осадную машину русичей.

Огонь быстро вспыхнул на самой крыше и облизал таран со всех сторон. Раздались вопли обгорелых воинов. В довершение осажденные венгры сбросили сверху еще и несколько тяжелых камней, убив насмерть трех бойцов и разрушив таран. Пожар запылал у самых ворот.

– Отходим! – крикнул пятерым оставшимся ратникам Егорша, сам чудом уцелевший в этой заварухе. И добавил с болью в голосе, глядя на пропадавшую в огне технику. – Назад. Бросайте таран!

Под прикрытием трех щитов, что были выше человеческого роста, и заградительным огнем монгольских лучников, оставшиеся черниговцы кое-как отошли от ворот, бросив догорать разрушенный таран.

Наблюдавший за первой попыткой прорыва Тобчи в раздражении процедил сквозь мелкие зубки:

– Я стереть этот замок в пыль.

– Оно понятно, – кивнул воевода Бок, указав на почти упавшее за кроны деревьев солнце, – только стирать с утра придется. Скоро темень наступит, не видать ничего будет.

– Хорошо, – согласился Тобчи, – но завтра мы должны его взять. Если не выйдет, я уходить дальше к Субурхану, а ты останешься здесь. Придешь позже, когда сравнять этот замок с землей. Субурхан ждет нас с подкреплениями, а мы застряли здесь. В тылу.

– Не бойсь, завтра и уйдем, вместе, – проговорил Дрон Давыдович, – вот подгоним орудия камнеметные, что Григорий придумал. Так за пол дня и дело сделаем. А, Григорий, как думаешь, совладаем с твоими игрушками?

Григорий кивнул. Игрушки, конечно, были знатные, по китайскому патенту собранные. Ибо чертежи тех трех камнеметных машин, что тащил в своем обозе черниговский воевода Дрон Давыдович Бок, великий механик Забубенный срисовал еще будучи в орде у китайских интеллигентов. Хотя, черт его знает, чьи это были чертежи. Может, китайцы сами их срисовали у заезжих венецианцев или вавилонских инженеров. Впрочем, обычно, так прогресс и распространяется по миру. Через воровство, то есть благородное копирование идей. Впрочем, механик механику глаз не выключет.

И Забубенный, надо сказать, приложил свою руку к этой идее. Кое-что доработал. Пружины укрепил. Деревяшки, опять же, прочнее велел изготовить, чем были в китайской версии. Веревки усилил. И в результате машина стала стрелять камнями потяжелее и гораздо дальше. Разрушительная мощь увеличилась вдвое. Правда, управлять огнем стало абсолютно невозможно. Никогда не угадаешь, куда полетит камень, левее или правее прицела. Главное далеко. Но Забубенный благоразумно ничего не сказал князю и черниговским воинам об этих недоработках. В конце концов, каждый механик имеет право на ошибку. Он же не врач.

После короткого военного совета решено было установить камнеметные машины на исходных позициях еще до захода солнца. А, заметив полужасыпанную траншею, прорытую почти до самой стены, – видно кто-то давным-давно начал строить ров или рыть подкоп, да не успел, – Григорий предложил еще один штурмовой планчик. В обозе у монголов имелось некое взрывчатое вещество, полученное опять же от китайцев. Забубенный предполагал, что это порох, хотя ему казалось, что изобрели его несколько позже и одновременно в разных частях света.

Монголов такие сомнения не мучили. Подорвавшись на нескольких переправах во время китайской кампании и будучи обстрелянными первыми ракетами, монголы в конце концов изловили местных мастеров и долго их пытали, пытаясь вытрясти формулу столь эффективной в боевых действиях гремучей смеси. Китайцы формулу изготовления монголам не выдали, несмотря на жестокие пытки. Не потому что не хотели, а потому что сами не знали. Дело в том, что главный китайский создатель пороха химию знал слабо, поэтому готовил смесь на глаз. А вещество взрывалось то сильнее, то слабее. Однажды он приготовил слишком сильный заряд и взлетел на воздух на глазах своих учеников. В конце концов,

монголы ограничились тем, что отобрали оставшиеся запасы взрывчатки и увезли их с собой.

Но отсутствие названия у взрывчатки Забубенного не смущало, главное, что оно в принципе взрывалось и не слабо, судя по рассказам. А также имелось в наличии, в количестве целых двух бочонков. Что же до проблем на производстве, так вон Альфред Нобель тоже с трудом вспоминал формулу динамита. Не один завод взорвался, пока вспомнил. Но его заказчиков это не остановило. В любом деле главное, результат.

Когда солнце, пройдя свой положенный путь по темной стороне Земли, вновь показалось над холмами, изумленным взглядам осажденных венгерских партизан открылось странное зрелище. Если вчера они праздновали победу, уничтожив таран, то сегодня утром они оказались в самом центре военно-строительной площадки. Напротив замка, на соседнем холме, высился возведенный за ночь бастион штурмующих, за которым стояло целых три камнеметных орудия. Но самой большой неприятностью была наспех сколоченная крыша, протянувшаяся по земле от холма с бастионом через ров до самой стены замка. Эта крыша явно скрывала под собой подкоп, который нападавшие русичи уже успели сделать при полном неведении оборонявшихся венгров. Храбрый жупан загрустил. Его обложили со всех сторон.

Едва рассвело, Тобчи и воевода Бок были уже в седлах, восседая на своих скакунах в центре построенного бастиона. А Забубенный бегал между саперами и артиллеристами, объясняя им, кто должен начать первыми. Ночь прошла бурно. Древнерусский мат, раздававшийся в самых неожиданных местах лагеря, едва не нарушил всю секретность ночных операций. Но к счастью, венгры не поняли ни слова и не догадались о главном направлении удара.

Можно было, конечно обойтись и чем-то одним, но уж больно сноровисто шуровали ратники-саперы, готовившие подкоп, словно хотели докопаться до центра земли. И Забубенный решил перестраховаться. Да и что греха таить, уж хотелось хоть одним глазком посмотреть, как рванет этот китайский порох под стеной и что из этого выйдет. Все-таки дух экспериментатора был неистребим в русском механике. По его приказу в подкоп заложили оба бочонка со взрывчатой смесью и протянули просмоленную веревку.

– Главное, чтобы не было дождя, – успокаивал сам себя Забубенный, разглядывая ясное утреннее небо, – хотя, крыша над траншеей есть. Авось не зальет.

Когда Тобчи решил, что пора начинать, он как всегда показал это жестом. Тотчас Забубенный, стоявший чуть позади двух командиров, просигналил черниговским артиллеристами, что были отданы под его начало. И артиллеристы не сплеховали. Одна за другой, камнеметные машины, центральные балки которых были натянуты и прижаты почти к самой земле, со страшным скрипом разогнулись и выбросили свои каменные снаряды далеко вперед. В сторону замка. Обгоняя собственный свист, камни унеслись в небо.

С замиранием сердца Григорий следил за их полетом, приложив ладонь к глазам. Все три машины были направлены на поражение верхней части стены замка или его башен. Однако траектории полета камней, как и предполагал их главный конструктор, несколько отличались от расчетных. Правая машина выстрелила так сильно, что камень легко перемахнул через стену и упал во дворе замка, разрушив какие-то невидимые глазу постройки. Судя по раздавшимся воплям, там были люди.

– Первый хорошо, – подвел итог выстрела Забубенный, – в пределах нормы.

Второй камень, пущенный слишком высоко вверх, потерял в полете свою силу и упал в ров у самого края стены, не причинив разрушений. Лишь куски потревоженной земли разлетелись в стороны.

– Второй мимо, – констатировал механик с грустью.

А вот третий камень, вместо того, чтобы ударить в стену и хотя бы поколебать ее, ушел круто в сторону и со всего маху врезался в ворота замка. Раздался страшный треск и ворота, уже покореженные вчерашней атакой, рухнули. Путь в замок был свободен.

– В яблочко! – радостно выкрикнул Григорий.

Черниговцы на радостях бросили свои орудия и стали кидать вверх шапки, поздравляя друг друга с отличным выстрелом. Сам же Забубенный не мог поверить столь быстрой победе русского оружия. И правильно. Как оказалось, венгры не надеялись на прочность своих ворот после вчерашней атаки и за ночь выстроили за ними еще одно укрепление. Когда пыль от разрушенных ворот улеглась, взору нападавших предстала новехоньякая стена, сделанная из крепких бревен. Об атаке монгольской конницы было еще рано говорить.

Забубенный несколько огорчился, но и обрадовался одновременно. Его наспех рассчитанные орудия дали такой отличный залп, что он мог гордиться. В пределах нормы, конечно, как на Руси и заведено. Поэтому Григорий велел всем артиллеристам вернуться к орудиям и зычно гаркнул:

– За-а-а-ря-жай!

Глава пятая. Тайна тевтонского рыцаря

Следующие три выстрела ушли в молоко. Два дали перелет, а один камень, изменив траекторию, улетел в ближний лес, где прятался черниговский обоз. И там превратил в кучу дров отличную телегу. К счастью, сидевшие на ней мужики в этот момент отошли по нужде, а когда вернулись, то возблагодарили Бога за свое отсутствие.

После третьего залпа, которым были уничтожены еще две собственные телеги и сбит с венгерской башни флюгер, Забубенный решил сменить прицел, пока не уничтожил весь собственный обоз и не нанес урон живой силе. А черниговский воевода Дрон Давыдович Бок, глядя на результаты стрельбы, счел за благо отвести свое войско подальше в тыл.

Четвертый залп вышел точнее. Два камня ударили в стену, образовав в ней живописные вмятины. Третий врезался в башню и метким ударом сшиб островерхую крышу. Крыша, немного покачавшись, рухнула во двор замка, придавив немало народа. Лагерь русских артиллеристов снова огласился ликованием.

Однако Тобчи такая меткость не устраивала. Он торопился разделаться с неожиданным препятствием на пути продвижения войска.

– С таким успехом, мы тут сидеть долго, – подытожил он результаты артподготовки Забубенного, – запали подкоп.

Григорий выдохнул с облегчением. Честно говоря, он и сам был рад поскорее закончить этот арт-эксперимент. Машины явно требовали доработки на производстве, ну а для полевых испытаний этот результат был вполне неплох. Никто из своих не пострадал, если не считать разрушенных телег. Великий механик повернулся к стоявшему неподалеку ратнику Митьке, начальнику саперов, и раскрыл рот, чтобы крикнуть «Поджигай!». Но вдруг в небе раздался свист и на бастион штурмующих рухнула огромная зажигательная стрела, точнее копье. Этой штукой убило сразу трех монгольских всадников, а брызги горячей смолы подожгли строение, но ратные люди быстро справились с пожаром.

– Запалить! – рявкнул Тобчи, приходя в ярость.

Забубенный и сам не стал дожидаться второго выстрела. Оказывается у засевших в замке тоже кое-что имелось в арсенале. Дальнобойный самострел, не бог весть что, но в умелых руках может причинить неприятности. Вот как этим трем монголам, например. И Григорий махнул рукой ратнику Митьке – «Поджигай!». Митька схватил факел и нырнул в траншею. Там он должен был добраться почти до самой стены и поджечь шнур длиной метров десять.

И только сейчас Григорию пришло в голову, что это не бикфордов шнур. И гореть эта промасленная веревка будет гораздо дольше. Главное чтоб не потухла по дороге. К счастью, хан Тобчи не был осведомлен о том, что на свете бывают шнуры, горящие быстро. И потому не требовал от Григория, чтобы замок взлетел на воздух немедленно. А только поинтересовался:

– Поджег?

Григорий кивнул.

– Поджег. Надо немного подождать. Сейчас все будет.

Тобчи снова повернулся в сторону непокорного венгерского замка и вперил в него взгляд. Тем временем, осажденные венгры, узрев нырнувшего в траншею мужика с факелом, стали догадываться о том, что их дело труба. И скоро случится что-то непоправимое. На деревянную крышу траншеи обрушился град стрел и даже камней. Венгры надеялись убить пробиравшегося по ней человека с факелом. Но, тщетно. Через некоторое время Митька вылез обратно. Потухший факел он выбросил по дороге.

– Ну, что, поджег? – яростным шепотом спросил у него механик, оглядываясь на Тобчи и Дрона Давыдовича.

– Вербку-то? – переспросил Митька. – Ясное дело, поджег.

Отряхнувшись от земли, он поинтересовался:

– А чего теперь будет-то?

– Скоро узнаешь, – туманно ответил Григорий, и, подобно монгольскому хану вперил взгляд в стену венгерского замка, – главное, чтобы дождя не было.

– Не, – успокоил его Митька, – дождя не будет.

Потянулись томительные минуты. Забубенный уже порывался сам лезть в траншею, ему казалось, что самодельный фитиль потух и два бочонка китайской смеси так никогда и не взорвутся. Или их мощности хватит только на безвредный фейерверк. Каждый взгляд Тобчи заставлял механика напрягаться так, словно ему уже подписали смертный приговор.

Венгры почуяли неладное. Они забегали по проходам на стенах, почти не прячась от монгольских лучников, державших их передвижения под постоянным снайперским обстрелом. И в этот момент китайские бочонки взорвались.

Мощности хватило. Сначала под ногами у Забубенного заходила ходуном земля, затем из-под стены вырвались языки пламени. И только после этого раздался оглушительный грохот, за которым последовало обрушение. Подкоп был сделан к той части стены, что примыкала к уже сломанным воротам. Взрыв начисто снес кусок стены замка почти в десять метров длиной. Кроме того, ударной волной снесло к чертям и временную постройку, запиравшую вход через разрушенные ворота. Теперь, вместо крепких ворот и длинного фасада замка венгерского жупана зияли две отличных бреши, а между ними сиротливо возвышался чудом уцелевший обломок стены.

Хан Тобчи не стал медлить. Он резко вскинул руку, и монгольская конница лавой устремилась в обреченный замок. Дальнейшее было делом техники.

Обернувшись к Забубенному, Тобчи удовлетворенно кивнул механику и похвалил.

– Молодец, Кара-Чулмус! Хороший вызвал огонь.

Услышав эту похвалу, Забубенный на минуту вновь ощутил себя степным духом по имени Кара-Чулмус, за которого выдавал себя, находясь в стане монгольской армии посреди бескрайних половецких степей. Давно это было, еще до битвы на Калке.

– Ну, теперь готово дело, – одобрительно пробасил Дрон Давыдович Бок, тоже глядевший во все глаза на разрушенную стену, – ловко ты этот подкоп устроил. Ловко.

Забубенный решил похвалить всех участников спецоперации перед начальством. Может, какая награда им выйдет.

– Да все хорошо постарались. И артиллеристы ваши черниговские молодцы, что ворота вынесли. И подрывная команда отлично справилась. Да и монгольским товарищам спасибо за порох. Если бы его в обозе не оказалось, мы долго бы еще камнями кидались. А тут, раз и готово. Полкрепости снесли за мгновение. Хорошее дело взрывчатка.

Парень Митька, который только что своими руками все это дело соорудил, долго смотрел на провалы в стене и не мог поверить, что такое бывает. А когда к нему вернулся дар речи, он вымолвил только одно слово:

– Сила.

Тем временем монгольские отряды ворвались в замок и оккупировали двор, выкосив всех венгерских партизан, что имели неосторожность встретить их с оружием в руках. Но кое-кто засел на стенах и в башнях, продолжая сопротивляться. И таких еще оставалась

немало. Монголы, конечно, иногда спешили, но предпочитали оставаться в седлах до последней возможности. А потому зачистка замка приостановилась.

Услышав такое донесение от прискакавшего нукера, Тобчи посмотрел на воеводу черниговцев и сказал:

– Пришла пора твои воины в дело пускать. Добей остальных, очисти дорогу.

Дрон Давыдович Бок молча кивнул, он и сам наперед знал, что без его помощи тут не обойтись.

– Егорша, – крикнул он старшего ратника, что уже ходил к воротам замка с тараном, – сходи, глянь там, что к чему.

Здоровенный детина Егорша, косая сажень в плечах, вынул меч и легонько рубанул им воздух прямо перед собой.

– Сделаем, Дрон Давыдович.

И кликнув с собой отряд человек в пятьдесят добрых молодцев из пеших черниговских ратников, он устремился в пролом. Ребята с виду были непростые, а специально обученные. При себе имели веревки с крюками, несколько лестниц странной конструкции, похожих на раздвижные, и еще какие-то приспособления непонятные даже техническому гению механика-чародея. Дрон Давыдович в очередной раз удивил Забубенного своей подготовкой и продолжением его новаторского дела.

Спецназ по захвату оборонительных сооружений справился со своей задачей на все сто процентов. Как выяснилось спустя пару часов, за которые Егорша сотоварищи вынес несколько дверей, залез на две оборонявшиеся башни и проник в подземелье, замок был хоть и небольшой, но имел множество потайных помещений. А в этих помещениях имела еда и вода, а также множество галерей, позволявших защитникам менять дислокацию и появляться в самых неожиданных местах. Холм под замком, как оказалось, был изрыт людьми так, словно там проживало семейство кротов. Но их это не спасло. Да и предварительная бомбардировка Забубенного помогла – несколько зданий во дворе были разрушены, что облегчило доступ в остальные.

Довольно быстро черниговский спецназ уничтожил последние очаги обороны замка и даже захватил в плен нескольких знатных пленников. Когда их приволокли пред светлы очи монгольского хана и русского воеводы, они были крепко связаны веревками, выглядели жалко, но пытались сохранять гордый вид. Григорий осмотрел их внимательно и пришел к выводу, что перед ним два каких-то рыцаря, один венгерский, наверняка местный жупан, а второй, кажется, немецкий – с крестами на груди и спине. В этой теплой компании был еще мужик в красном балахоне, очень похожий на монаха.

– Кто такие? – спросил монгольский хан на родном наречии, но его никто не понял, кроме Забубенного.

Все пленники, кроме злобно смотревшего исподлобья жупана, в ответ что-то залопотали. Видно, все кроме жупана, почему-то надеялись на снисхождение, а противодействие монгольским солдатам не считали преступлением. Вполне возможно, они были просто международными наблюдателями, а против монголов в глубине души ничего не имели. Вот, наверное, об этом каждый и пытался рассказать монгольскому хану, но каждый делал это на своем наречии. А потому Тобчи ничего не понял.

Забубенный тоже ничего не понял – немецкий он знал совсем плохо, только в рамках школьной программы. А латынь, хоть и знал, но тоже в общих чертах. Вот если бы часок поговорить с этим латинским монахом о спорных моментах из Блаженного Августина, может, чего и вспомнил бы.

Но Тобчи опять удивил Забубенного своей непосредственностью. Он не стал напрягать свой мозг, как великий механик. Тобчи был ханом и военачальником, а потому думал только о своих профессиональных обязанностях. Для раздумий об остальных проблемах у него было достаточно людей, чьи мозги он мог напрягать сколько угодно. И стоило ему только взмахнуть рукой, как между ним и пленниками возник толмач, одетый вполне по-европейски: короткие штаны, чулки, башмаки, рубашка и куртка из дорогой ткани. На голове

зеленый берет. Даже тонкая золотая цепочка блеснула на груди. Ни дать, ни взять, обнищавший венецианский купец на службе у монгольского хана.

Забубенный припомнил этого мужичка, тот обретался в обозе монгольского хана и постоянно крутился неподалеку. При допросе пленных переводчик очень даже нужен. А за время знакомства Забубенный узнал о монголах достаточно, чтобы быть уверенным – несмотря на мифы европейцев об их отсталости, степняки очень чутко слушали окружающий мир и знали, что происходит в Европе и остальных сопредельных государствах. Они повсюду имели своих засланных казачков и агентов разного уровня. Монголы ведь постоянно путешествовали по чужим странам. Входили в контакт с местным населением. А при таких контактах надо как-то общаться с теми, кто выжил после знакомства. Стран на земле, пока, много. Языков – тьма тьмущая, а империя Чингисхана простиралась уже почти от восточного до русского моря. Вот и приходилось монголам держать при себе постоянный штат военных переводчиков.

Обычно в переводчики к монголам попадали через плен, но, как сюда попал этот стилига в зеленом берете, Забубенный не знал. Да и какая разница, главное, чтобы переводить умел. «Венецианец», похоже, умел.

– Ты хозяин замка? – спросил Тобчи сначала у венгерского рыцаря.

«Толмач-венецианец» по приказанию Тобчи перевел. Венгерский жупан кивнул.

– Как ты здесь оказался, ведь наши отряды уже давно ушли вперед?

В ответ венгерский жупан поднял голову и смерил сидевшего на коне монгольского хана взглядом, полным такой ненависти, что Забубенный ожидал немедленного плевка в лицо монгольского оккупанта. Но плевка не последовало, впрочем, как и ответа на вопрос. «Ну, все, – решил Григорий, – отвоевался местный жупан».

Тобчи и, правда, выждав необходимые для ответа секунды, сделал жест стоявшим рядом нукерам и главу венгерских партизан уволокли в сторону обоза, но, почему-то не убили сразу на месте за неповиновение. Значит, монгольский военачальник имел свои виды на этого пленника. На остальных пленных это произвело неизгладимое впечатление, они уже считали свою судьбу решенной – копье или виселица. В лучшем случае, сломанный позвоночник. Однако восприняли приближение развязки по-разному. Немецкий рыцарь, привычный к смерти, стоял молча и, видимо, молился, отсчитывая последние секунды своей жизни. А монах заголосил и, судя по жестам, даже стал угрожать.

– Что он говорит? – осведомился Тобчи.

«Венецианец» некоторое время послушал визгливые вопли монаха и, переварив, сообщил самую суть вкратце.

– Он говорит, что гнев верховного понтифика, наместника Бога на земле, падет на головы нечестивых монголов, дерзнувших разорить страну, которая находится под защитой римского престола.

– Это все, что он говорит? – уточнил монгольский хан.

– Нет, – продолжал толмач, – он говорит, что его зовут Ферштитч, он епископ Добрецена. И он призывает монголов послушаться голоса божьего и оставить его в живых.

«Да монах-то не так прост, – подумал Забубенный, – получается он еще и епископ. С папой римским на короткой ноге. То-то я смотрю ряса у него какая-то вычурная с золотыми нашивками и шапка странная».

– Как он оказался в замке? – спросил Тобчи.

– Приехал вчера по делам своего прихода, – перевел толмач.

– Епископ меня обманывать. Добрецен уже позади нас и давно разрушен, – выказал осведомленность в делах текущей войны монгольский хан, – ты просто не успеть убежать к королю Андрею в Эстергом?

Уличенный во лжи епископ задрожал и снова что-то визгливо выкрикнул.

– Он хотел уехать к королю Андрею, но жупан Войчич насильно оставил его в своем замке, – перевел «венецианец» в зеленом берете, – для поддержки духа осажденных. Вот он и остался выполнять свою миссию. Но, говорит, что убеждал Войчича не оказывать

сопротивления монгольским войскам.

– Это чего ж, сдаться что ли уговаривал? – уточнил Дрон Давыдович и прибавил, – хорошая подмога воинам этот епископ. Если б меня так уговаривали, я бы сам его повесил, как предателя, прости Господи. Взял бы грех на душу.

«Венецианец» посмотрел на Тобчи и спросил:

– Переводить это епископу?

– Не надо, – отрицательно мотнул головой хан, – он и так понял.

По сузившимся злобным глазкам епископа действительно было видно, что он отлично все понял. И теперь искренне призывал огонь с небес на головы всех присутствующих, и больше всего на жупана Войчича, за то, что тот не дал ему вовремя удрать подальше от этих проклятых монголов.

Неожиданно блуждающий взгляд епископа остановился на воеводе черниговцев, сказавшем последние слова. Осмотрев его внимательно Ферштитч снова что-то прошипел.

– А вы, русичи, скоро все ощутите на себе гнев небес и верховного понтифика, – автоматически перевел толмач, – крестоносное воинство идет в ваши земли. Оно наведет там порядок.

– Да пушай идет, – не смутился Дрон Давыдович Бок, – встретим. А к понтифику твоему мы, того и гляди, сами в гости скоро пожалуем.

Епископа перекосило от злости. Он, похоже, и на этот раз все понял без перевода. Теперь, несмотря на положение пленника, Ферштитч готов был выскочить из своих пут и растерзать воеводу черниговцев. Но Тобчи уже утомил его допрос.

– Отвести в обоз. Возьмем с собой, пригодится.

Два рослых нукера уволокли вырывавшегося из всех сил епископа Добрецена в сторону крытых телег. Поскольку приговор ему не перевели, епископ решил, что его ведут на казнь.

На месте остался только молчаливый представитель германского рыцарства. Рыцарь смотрел в небо, не проявляя никакого интереса к тем, кто его захватил. Ничего не просил. Но, взглянув на его физиономию, Забубенный почему-то сразу подумал, что это не просто презрение к победившим врагам и показная рыцарская гордость. Этот железнобокий товарищ что-то такое знал, о чем ему совсем не хотелось рассказывать ни монголам, ни русским. И раз уж его угораздило попасть в плен, то он предпочитал унести эту тайну с собой в могилу. Или в канаву. Как выйдет.

Черт его знает, почему так показалось Забубенному, но он приблизился к воеводе черниговцев Боку и сказал:

– Темнит что-то рыцарь.

Между тем рыцарь просто молчал.

– Как его зовут, и что здесь делает рыцарь тевтонского ордена? – спросил монгольский хан через переводчика.

«Так это тевтонец, – подумал озадаченный механик, – а я-то никак вспомнить не мог, какие у них на бортах кресты, красные или черные. Получается черные».

Рыцарь медленно опустил свою белобрысую голову и перевел взгляд с неба на монгольского хана, сидевшего на лошади и возвышавшегося над ним, благодаря этому на добрых полтора метра. Словно вспоминая свое имя, рыцарь немного подумал и медленно, с расстановкой, проговорил одну длинную фразу на отрывистом немецком наречии. Григорий Забубенный, как ни напрягал память, ничего знакомого на слух не уловил.

– Его зовут Клаус фон Штир. Он рыцарь «ордена дома Святой Марии Тевтонской», – сообщил «венецианец», – находится в землях венгерского короля по личному поручению великого магистра ордена Германа фон Зальца.

– Каким поручением? – напрямую поинтересовался Тобчи, даже не пытаясь обмануть фон Штира и показать рыцарю, что ему абсолютно неинтересно, зачем он здесь оказался. Для монголов, славившихся своей хитростью, это было как-то слишком просто.

Забубенный даже удивился. «Да хрен он чего по своей воле скажет, – пронеслось в

голове у механика, – по роже видно. Тут другими методами надо работать. С фашистами надо их же языком говорить. Гестаповским».

Однако Тобчи торопился снова выступить в поход. И теперь, после взятия замка, его ничто не задерживало. Только молчаливый тевтонский рыцарь.

– Этого тоже в обоз, – приказал, немного помедлив, монгольский военачальник, – Отвезем всех Субурхану. Там заговорят. А нам пора.

И соединенные русско-монгольские войска, перетряхнув замок от самого нижнего подземелья до самой высокой башни, и запалив его на прощанье, снова выступили в поход к лагерю Субурхана.

Время уже, по прикидкам великого чародея-механика, подходило к обеду. И Забубенный был бы не прочь перекусить хоть китайской лапшей, хоть холодной зайчатиной, но ему никто такой возможности не предоставил. Приходилось ждать до вечера. Поэтому Григорий взгромоздился на своего магического коня, тронул поводья и пристроился рядом с ханом Тобчи и его переводчиком-«венецианцем», который в своих одеждах смотрелся на лошади еще смешнее, чем пеший.

Однако хан был молчалив после осады и ушел в медитацию, мерно покачиваясь из стороны в сторону на своем скакуне. А с его верными нукерами или переводчиком Забубенный не хотел беседовать. Чтобы как-то скоротать время перехода от замка на берегах Тисы до Кичкемета, где расположился главным лагерем Субурхан, Григорий откочевал в расположение черниговских ратников. И скоро Мэджик затрусил рядом с конями воеводы и верного Егорши. До монгольского лагеря было еще идти и идти, а Забубенный испытывал желание с кем-нибудь поговорить о жизни, чтобы дорога была веселее.

Скоро он узнал, что во время зачистки венгерского замка черниговские спецназовцы под руководством Егорши нашли несколько бочонков золота и принесли их в обоз. С Тобчи, понятное дело, поделились добычей. Кроме того, в одном из подземелий нашли какой-то сундук, а в нем бумаги. То ли нервного епископа, то ли молчаливого тевтонца. А может и самого жупана. Но, поскольку никто из спецназовцев читать не умел, отдали их монгольскому переводчику. Воевода не возражал, Тобчи потом расскажет. А не расскажет, так и Бог с ним. И так понятно, что этот епископ нам не дружка. Да и остальные тоже.

Увидев пленных в обозе, Григорий вспомнил малоуспешный, по его мнению, допрос.

– Странное дело, – даже возмутился Забубенный, выпрямившись в седле, – столько времени допрашивали. Ни черта не узнали, да еще никого и не казнили. Да, сдает хан Тобчи. Добреть стал. Меня вон в свое время, за любую мелкую провинность хотели прирезать. Или даже свои, черниговцы, чуть что – сразу грозят на кол посадить.

– Это верно. На кол всегда успеть можно, – успокоил его Дрон Давыдович.

У Забубенного от таких шуток по спине пробежал холодок.

Глава шестая. В лагере Субурхана

До лагеря Субурхана оказалось еще два дня пути. Но эти два дня прошли спокойно.

Удалившись от берегов Тисы, экспедиционный корпус русско-монгольских войск направился в сторону Дуная, не встречая на своем пути никакого сопротивления. Горы и холмы постепенно сглаживались, а местность становилась более пологой, переходя в обширную равнину междуречья, умеренно поросшую лесами.

Инцидентов с замками у переправ больше не повторялось. Как помнил механик, из письма Субурхана главный военачальник венгерского короля Андрея, воевода Фильня, стягивал все силы к двум деревенькам Буда и Пешт, за которыми маячила цитадель современных венгров Эстергом. Получалось, что половину земли венгров войска монголов уже оккупировали. Но, как гласила народная монгольская мудрость, война не закончена, пока не уничтожен последний вражеский солдат. А этих солдат было еще довольно много.

На первой же ночевке Забубенный обнаружил минеральный источник. Ночевку Тобчи велел организовать в небольшом лесочке, росшем по краям скалистого холма, что в тот день

еще попадались на пути войска. Отряды разбили лагерь, выставили дозоры. Несколько разъездов хан велел на всякий военный случай отправить объезжать близлежащие рощи, поля и попадавшие среди них деревеньки.

Григорий устроился в шалаше, срубленном для него черниговскими ратниками, привязал Мэджика к дереву, перекусил, наконец, чем Бог послал, и пошел до ветра. Миновав первое кольцо охранников, Забубенный спустился к подножию холма. Удалившись от места стоянки метров на двести, он случайно провалился в какую-то пещеру. Хорошо, что она была неглубокой, а то несчастный механик мог бы заживо свариться. Поскольку оказалось, что пещера полна воды, и воды горячей. Откуда-то из-под земли бил настоящий гейзер, пахнувший так едко, что даже нос щекотало, хотя Григорий уже привык к терпким запахам этой эпохи.

Мокрый с ног до головы Забубенный в потемках еле выбрался наверх, оглашая всю округу древнерусскими выражениями и пошел обратно, успев замерзнуть по дороге. Но, к счастью, идти было недалеко, и скоро он вернулся в лагерь, где обсох и согрелся у костра.

На утро, пока еще не поступило приказа выступать в поход, Григорий сбегал на место вчерашнего инцидента и все внимательно осмотрел. Из-под земли действительно бил горячий источник, запах которого и вкус воды, наводили Григория на мысль о минеральных водах. Тем более, что стены пещеры были почти везде каменными, а вода кристально чистой.

Поскольку в прошлый раз особого вреда эти серные запахи его здоровью не нанесли, то, пользуясь случаем, Забубенный решил немного подлечиться. Он разделся, залез в эту горячую, бурлящую яму, и оставался там до тех пор, пока не разнеслась команда «по коням!». За это время механик так расслабился в горячей воде, нанюхавшись лечебных запахов, что еле смог собрать всю волю в кулак, одеться и добрести о своего коня. И весь день ему хотелось спать до такой степени, что дважды он едва не выпал из седла на полном скаку.

Как выяснилось позже, венгерские минеральные воды пошли ему на пользу, – перестала болеть поясница и копчик, замученный седлом. В мозгу просветлело, так, словно кто-то протер его чистой тряпочкой, смахнув пыль. Правда, ненадолго. Требовались новые процедуры, но возвращаться обратно к месту стоянки монголы отказывались, как ни расписывал механик хану Тобчи целебные свойства местных минеральных вод, а разыскивать новый было некогда. «Надо будет в лагере допросить этого пленного жупана, – подумал в досаде Забубенный, – он наверняка знает, где тут основные курорты расположены».

В тот же день к вечеру, преодолев еще несколько обширных полей, местами даже напоминавших степные просторы, русско-монгольское войско выехало на вершину плоского холма, откуда им открылся вид на огромный монгольский лагерь, похожий на степной муравейник. Тысячи походных юрт и телег покрывали все поле до самого горизонта, почти перекрывая собой вид на немалый по местным меркам городок Кичкемет, захваченный Субурханом.

– Где-то я все это уже видел, – проговорил себе под нос Забубенный, ехавший теперь рядом с ханом Тобчи, и разглядывавший лагерь монголов сквозь поднимавшуюся над ним пыль, – и не так уж давно. Всего год прошел.

Сторожевые разъезды главного монгола встретили дружины Тобчи и черниговцев еще на подходе, проводив к воротам лагеря, который, как, оказалось, был довольно хорошо укреплен. По всему периметру была построена крепкая на вид стена, за которой раскинулся целый параллельный Кичкемету город. Юрты образовали кварталы и улицы, по которым передвигалось в разные стороны конное войско, поднимая клубы пыли. В западной части виднелся осадный обоз на отдыхе. Рядом с массивными телегами, которые в походе тащили всевозможные вьючные животные от волов до верблюдов, возвышались многочисленные катапульты, баллисты и прочая осадная техника, которую обслуживали в основном пленные китайские инженеры. Здесь же Забубенный увидел и милые его сердцу осадные башни – тоже китайский вариант, но в его исполнении и доработке. Похоже, в этом лагере была

сосредоточена вся наступательная и осадная мощь экспедиционного корпуса.

Окинув взглядом весь этот арсенал, Забубенный не смог удержаться от пророчества.

– Ну, все. Венграм хана.

Отряд Тобчи въехал на территорию походного укрепления, которое могло соперничать со многими стационарными крепостями средней руки, и растворился в нем. Прибывшие навстречу от Субурхана гонцы пригласили хана Тобчи с воеводой черниговцев и чародеем Забубенным на торжественную чайную церемонию по случаю их прибытия. Церемония, само собой, намечалась в большом шатре главного хана.

– Ставь своих людей на постой, – посоветовал Тобчи, – и приезжай. Шатер стоит в центре лагеря. Долго не задерживаться. Субурхан не любит ждать.

Дрон Давыдович Бок молча кивнул.

Русичам отвели обширное пространство в западной части лагеря, неподалеку от осадного обоза, куда они пристроили свои немногочисленные орудия, увеличив и без того немалую ударную мощь отряда Субурхана. Механик-чародей не удержался. Сбегал к этому хранилищу древней техники. Прошелся разок вдоль осадных башен собственной работы. Даже любовно погладил некоторые из них рукой по железным обручам, как делал раньше с капотами автомобилей.

Тем временем, воевода велел своим помощникам Миклухе с Егоршей обеспечить строительство черниговского лагеря да прокорм. И только увидев своими глазами, что процесс пошел, Дрон Давыдович Бок вместе с Забубенным поспешили в гости к Субурхану. В конце концов, надо было поспешать, ханы действительно не любят ждать. Это Забубенный уже знал точно.

Пока они скакали к шатру Субурхана, Григорию в голову пришла мысль о том, почему их пригласили именно на чайную церемонию, а не на корпоративное распитие кумыса. «Странно, – пронеслось в голове у просвещенного механика, – они ведь обычно пьют кобылье молоко. Наверное, слишком много воевали с китайцами, вот и набрались. Культурные стали. Не ровен час, Субурхан перейдет на кофе со сливками и марципаном».

Когда же, миновав охрану с каменными лицами, Забубенный оказался в шатре, то увидел идиллическую картину. Посреди огромного шатра, в центре сидели все три военачальника, посланных некогда Чингисханом на усмирение половцев: Субурхан, Джебек и Тобчи.

Перед ними на низком столике, инкрустированном китайскими драконами, было расставлено несколько маленьких белых чайников и целая армия совсем маленьких чашечек без ручки. Таких, которые нужно брать двумя пальцами, очень осторожно, чтобы не раздавить.

– Ну, здравствуй, Кара-Чулмус, – усмехнулся по-доброму Субурхан, не вставая со своего места, – давно я тебя жду в гости, а ты все не едешь. И ты, воевода, здравствуй.

Хан указал на две походные табуретки напротив.

– Садитесь. Отдыхайте. Рассказывайте.

Забубенный по русской привычке хотел было обняться с Субурханом. Давно не виделись, с того самого момента как Забубенный спас ему жизнь, вытащив из реки, после неудачного приземления воздушного шара. Но монгол не любил этих нежностей. Поздоровался и то ладно. Этот водку пить не будет за встречу. Забубенный, хоть и носил статус духа-кровопийцы по имени Кара-Чулмус, на генералитет монголов давно ужаса не наводил. Потому Григорий спокойно сел на свою табуретку и стал разглядывать чайный сервиз и всякие сухофрукты в сахаре, разложенные в небольшие плошки.

Неожиданно, даже не выслушав рассказов прибывших, Субурхан, отхлебнув чая, заговорил сам, обращаясь к воеводе черниговцев:

– Много солдат ты привел воевода, знаю. Хорошо. Великий князь слово держит. А люди твои мне будут нужны. Они у тебямышленные, я слыхал. Крепости брать обучены. Хорошо.

Помолчал немного Субурхан, покосился на Тобчи:

– Ждал я вас до последнего мгновения. Но теперь будет великая битва. Последняя битва для венгров.

Он опять отхлебнул чая, и чашка опустела. Все молчали, ожидая продолжения. Великий монгол заговорил, на сей раз, обращаясь к Забубенному:

– Видел сколько осадных машин у меня теперь?

Механик кивнул:

– Видел. Даже потрогал. Хорошие машины.

– Одну из тех, что ты сделал, повредили в прошлом бою. Надо починить.

– Починим, – легко согласился Григорий, потирая руки в предвкушении знакомой и любимой работы.

– И еще две сделать. У Эстергома стены крепкие.

– Сделаем, – опять кивнул Забубенный, – хоть дюжину.

– Нет, дюжину не надо. Пока хватит двух. Времени мало. Выступаем через три дня. Все, что тебе надо, уже готово. Слуг и помощников дам, сколько захочешь. Жить будешь в отдельной юрте при осадном обозе. А еще...

Великий монгол вдруг осекся и помолчал, словно бы в нерешительности, вспоминая какие-то события наводившие ужас даже на него, бесстрашного полководца. Но все-таки нашел в себе силы продолжить.

– А еще я хочу, чтобы ты построил мне новый воздушный шар. Даже три шара. Ты же обещал научить монголов летать по небу.

Григорий и сам вздрогнул. Последний полет экспериментального воздушного шара системы «Забубенный», работающего от печного привода на дровах чуть было не закончился плачевно для обоих первопроходцев воздушного пространства: чудо-механика Григория Забубенного и первого монгольского летчика по неволе Субурхана. Но, несмотря на дикий ужас, который вызвал у Субурхана этот первый в истории полет, тяга к небесам у него осталась.

«Да, – подумал про себя Григорий, – подсел парень на авиацию. Полеты это как наркотик, даже круче. Так, глядишь, скоро не воздушные шары, а космические ракеты начнем строить в Великой Степи. И первым космонавтом будет какой-нибудь Джанибек. Не зря ведь китайцы в монголов уже стреливают первыми ракетами. А монголы народ любознательный. Все, что видят полезного, запоминают, а потом используют против изобретателей. Аналитики, блин».

Но вслух Григорий естественно сказал:

– Построим. Дайте срок.

– У тебя будет все, что надо, – подтвердил свое намерение Субурхан, – только построй для нас летающие шары.

Это означало неограниченный кредит. Забубенный кивнул. Он чувствовал себя самым счастливым механиком на земле. Именно так и рождаются великие проекты. И фантазии уже начали уносить его в космос. Но тут в разговор вступил молчавший до той поры Джебек, вернув механика на землю.

– Тобчи рассказывал, что ты извел всю нашу запальную смесь на подрыв одного замка? Забубенный кивнул.

– Да там и было то всего два бочонка. Зато, как шарахнуло – любо дорого посмотреть. Джебек усмехнулся.

– Замок хорошо, но венгров там было мало. А нам надо взять Эстергом, там много солдат и крепкие стены, а смеси больш нет.

– Ну, предупреждать надо, – покосился на Тобчи механик, озадачившись, – кто же знал, что это весь ваш боезапас для минного дела.

Монголы помолчали. Выпили по паре глотков ароматного китайского чая. Легкой тенью возникла служанка, заменила пустые чайники на полные, и исчезла, словно ее никогда не было.

– Эстергом мы взять и так, – высказался, наконец, Тобчи, – разбить конницу короля,

уничтожить все силы венгров, и город сдадут. Так было всегда и со всеми. Будет и сейчас. А из того замка мы привезли тебе Субурхан много ценный груз. Трех знатных пленных – папский легат, венгерский жупан и рыцарь тевтонцев. Их захватили храбрые люди воеводы.

Субурхан одобрительно посмотрел на Дрона Давыдовича, который с удовольствием потягивал чаек, в душе сетуя на то, что чашки больно маленькие. Русскому человеку не хватает.

– А еще привезли секретные бумаги, – продолжал Тобчи, – половина из них переписка пленного епископа с папой римским. Он призывает папу прислать быстрее на помощь венграм войска, чтобы остановить нас и уничтожить. Папа уже собирает крестоносцев в итальянских, польских и немецких землях. Он объявить новый крестовый поход против нас и русичей.

Забубенный удивленно покосился на воеводу черниговцев: ну, дает этот «толмач-венецианец», на ходу все письма епископа перевел. Хотя, если они была на латыни, то ничего удивительного, просто прочитал. Вот если бы там шифр какой был, то повозился бы с ним этот «венецианец». И не разгадал бы наверняка. Паписты эти, которых на Руси прозывают папешниками, хитрые очень. Если захотят правду скрыть, то запечатают ее так, что никто с ходу не догадается. Тут криптографы нужны. А лучше специальный шифровальный отдел монгольской разведки.

Словно в ответ на его мысли Тобчи сообщил:

– Остальные бумаги мы прочесть не смогли. Они зашифрованы и принадлежать немецкому рыцарю. Его зовут Клаус фон Штир. Он тевтонец и не хочет ничего говорить о своем поручении, которое ему дал магистр ордена.

Субурхан нахмурился, мгновенно забыв о полетах на воздушном шаре.

– Не хочет говорить?

– Этот Ферштич, пленный епископ разрушенного нами Добрецена, – продолжал излагать хан Тобчи, – сообщил, что тевтонец прибыл в замок венгерского жупана Войчича перед самой осадой по тайному приказанию самого Фридриха, императора священной римской империи. И собирался отбыть дальше вглубь Венгрии. Но цель тевтонца он не знает.

– Ты веришь этому епископу? – недовольно фыркнул Джебек.

– Тевтонцы стоят за императора и часто воюют против папы. Поэтому епископ и не любить тевтонцев.

Монголы опять замолчали. Субурхан обдумывал полученные сведения.

– Вот сволочь, – проговорил вполголоса Забубенный, узнав о предательстве папского легата, – в одном замке осаду держали, а он своих предаст.

– Да не своих, – объяснил ему Дрон Давыдович, – этот рыцарь ему такой же друг, как и мы с тобой. Только с виду они одной веры, а на самом деле враги. Папа с императором власть над людьми поделить не могут.

– А почему? – поинтересовался Григорий, – не решили еще, кто круче?

– Наверде того, – усмехнулся в усы политически подкованный Дрон Давыдович, – решить-то, решили. Только каждый про себя решил. Вперед себя выставляет и уступать не хочет.

Наконец, долго молчавший Субурхан принял решение.

– Разжигайте костры, зовите колдунов, – приказал он. – Я хочу знать, куда ехал этот тевтонец.

И посмотрев на воеводу черниговцев и Забубенного, добавил:

– Чайная церемония окончена, езжайте к своим людям. Но, как стемнеет, возвращайтесь к моему шатру. Будет весело.

Русичи поблагодарили за чай и вышли из шатра монгольского хана. Забубенный осмотрелся. Солнце медленно клонилось к закату.

– Стемнеет-то уже скоро, – философски подумал вслух Григорий, взглянув на стоявшие у выхода мумии рослых охранников.

– Поехали, – высказался конкретно Дрон Давыдович, залезая в седло коня, привязанного к специальному брусу рядом с шатром Субурхана, – посмотрим, как там наши и вернемся.

– Поехали, – кивнул Забубенный, – мне вроде отдельную юрту пообещали рядом с осадными машинами. Это же рядом. Так что, нам по пути.

В дальнем углу монгольского лагеря жизнь была ключом. Под руководством Миклухи с Егоршей черниговское войско возводило шалаши, палатки и выстраивало из обозных телег целые улицы. Кое-кто из ратников, особо утомившись за время последнего перехода, уже валялся под телегами, похрапывая. Остальные ждали, когда приготовится ужин. Повсюду горели костры, и разносился щекочущий нос запах какого-то мясного варева. У Григория, который всегда любил поесть, рот мгновенно наполнился слюной. Но еда в лагере еще не поспела, поэтому он временно расстался с черниговским воеводой, у которого и без него дел было невпроворот, решив осмотреть свое новое жилище. Договорились встретиться перед шатром Субурхана, когда стемнеет.

Как найти свою юрту, Григорию никто не сказал, но Забубенный решил, что просто поедет вперед и сам догадается. Так оно и вышло. Легко и просто. Проезжая мимо одной из больших юрт стоявших рядом с фантастическими конструкциями осадных машин, Забубенный услышал вежливый окрик.

– Ждем уважаемого Кара-Чулмуса. Все готово. И еда тоже.

Григорий тормознул Мэджика. У входа в юрту столпилось человек десять, одетых не совсем так, как привыкли одеваться монголы. Одежда на них была почти русская. И все лица были ему знакомы. Где-то он их раньше видел. Особенно старшего. Наконец, вспомнил.

– Здорово бродники! – приветствовал их степной вампир, слезая с лошади. – Привет, Плоския. И тебя сюда притащили. Как делишки? Не затупились еще ваши топоры мастерские? А то скоро снова понадобятся.

Бродники на всякий случай попятнулись на приличное расстояние.

– Благодарствуем, – ответил Плоския, что был видно по-прежнему за старшего, – топоры в порядке. Если что подсобить надо, подсобим.

Забубенный внимательно посмотрел на некогда заносчивого вождя бродников, вместе с ханом Тобчи бравшего его когда-то в плен. Но неожиданный поворот судьбы, долгое пребывание в рабстве, а затем и в услужении у вампира-степняка, наложили на характер этого человека несмываемый отпечаток. Из вождя он быстро стал слугой и свyksя с этой ролью. Говорят, из особо одаренных слуг получают иногда вожди. Но из обломанных вождей, несмотря на былую гордость, тоже иногда получают хорошие слуги. Из этого точно получился.

– Ну, веи, – приказал Забубенный, снова входя в позабытую роль Кара-Чулмуса, – показывай владения.

Плоския откинул полог юрты, пропуская своего хозяина вперед. Сам осторожно вошел следом. Забубенный осмотрелся. В полумраке юрты, почти не пропускавшей снаружи дневного света, все было обставлено по-монгольски правильно. Когда глаза немного привыкли, Григорий смог оценить это. Тем более, что осмотру помогали несколько тусклых свечей, горевших в центре на специальной подставке. «Аварийное освещение, – подумал Григорий».

Пол юрты был устлан толстыми коврами, наверняка, персидскими, – монголы, приходя в любую страну, по праву завоевателей забирали все лучшее. Сбоку были навалены подушки для сна или сидения. Для удобства последнего виднелись также три невысокие табуретки. Рядом с ними стоял прочный столик на коротеньких ножках, на котором Забубенный узрел знакомый чайник с чашками, только попроще. В юрте у Субурхана был гораздо изящнее. А над столиком – о радость голодного путешественника – возвышался на металлической треноге целый казан плова, распространявший такой аромат, что Забубенный позабыл обо всем на свете.

– Все готово, – повторил стоявший позади Плоския. – Прислуживать за едой вам

всегда будет Тайчин. Это указание Субурхана.

Сообщив это, предводитель бродников испарился.

Григорий поначалу не обратил никакого внимания на его слова. Да и о чем тут думать, когда перед тобой целый казан плова. И механик отбросив в сторону мешавший сесть нормально меч, запустил руки в горячий плов, пригоршнями засовывая его в широко открытый, как у голодного кукушонка, рот. И только немного насытившись, заметил неслышно отделившуюся от стены тень. Это была маленькая китаянка в живописном халатике, которая склонилась перед Забубенным в уважительном поклоне и тихо произнесла по-монгольски:

– Меня зовут Тайчин. Я ваша служанка.

У поглощавшего плов механика-чародея еда застряла в горле, и он даже поперхнулся от неожиданности. Но, откашлявшись, все же выдал из себя:

– Гриша, – и добавил, – механик.

Глава седьмая. Детектор лжи по-монгольски

Спустя пару часов, Забубенный и воевода черниговцев, спешившись, стояли неподалеку от шатра главного монгольского военачальника. Небольшая поляна перед ним за это время значительно изменилась. На ней развели несколько огромных костров, параллельно друг другу и очень близко. Они горели сейчас, в сгустившемся сумраке, словно жерла вулканов, выбрасывая в черноту снопы искр.

Место действия оцепили отрядом воинов. Внутри находились только избранные, – три монгольских предводителя сидя, и Забубенный с воеводой черниговских ратников, чуть в стороне, стоя за их спинами. Рядом с монгольскими ханами топтался знакомый толмач в зеленом берете. А, кроме того, неподалеку обретались еще пятеро каких-то подозрительных монголов древнего возраста.

Это были дряхлые лысые старики с седыми бородами, одетые в грязные балахоны, обвешанные бусами и всевозможными феньками сверх всякой меры. Они ходили, покачиваясь, вокруг горевших костров и размахивали руками под собственное заунывное пение. Двое из них были вооружены большими бубнами, в которые периодически ударяли без всякого музыкального ритма.

– Это, кто такие? – не выдержал и поинтересовался вполголоса Григорий у хана Тобчи, сидевшего ближе всех к нему на специальном сиденье, похожем не то на ритуальный трон, не то на походную табуретку, – приглашенные музыканты?

Тобчи зыркнул на него злобно, давая понять, что механик нарушает какой-то ритуал. Но, ответил.

– Это колдуны, – прошипел он, – они должны проверить, правда ли говорить тевтонец.

– А он уже согласился говорить? – удивился Григорий, посмотрев на связанного рыцаря, которого держали с той стороны костров под руки двое дюжих монголов. На его лице плясали отблески огня, и Григорию показалось, что прежней решимости, держать язык за зубами, у доблестного Клауса фон Штира уже нет.

Тобчи проглотил слюну.

– Скоро согласится. Ему надо только пройти между кострами. А старикам следить за огнем. Огонь скажет правду.

Забубенный осмотрел предполагаемый маршрут движения тевтонца и понял, что рано или поздно его белая хламида с крестами загорится, а с ней и он сам. Что там должно происходить дальше, механик поостерегся уточнять. Основное было понятно. Обычная пытка с участием колдунов. «Получается, что это какой-то детектор лжи, только по-монгольски, – уяснил себе Забубенный, – ну что ж, посмотрим, какую правду скажет рыцарство на этой проверке».

Наконец, великий монгольский военачальник Субурхан, молча наблюдавший за приготовлениями и долго слушавший песнопения колдунов, – Забубенный заодно выяснил,

что он здесь не один с духами общается, – жестом приказал начинать.

Солдаты, державшие связанного рыцаря, отпустили его и подтолкнули копьями вперед. Четко указав маршрут движения. И Клаус фон Штир, рыцарь «ордена дома Святой Марии Тевтонской», встал перед своим последним выбором.

Стоял он, впрочем, не долго. Еще один несильный удар копьем в спину напомнил фон Штиру, что останавливаться по правилам проверки нельзя. И он шагнул на узкую тропинку между кострами, пропав ненадолго за пламенем первого. Дряхлые монгольские старики в балахонах тут же стали стучать в свои бубны еще громче и звонко трясти бусами, впившись глазами в языки пламени. Огонь начинал говорить им правду.

Сам рыцарь тевтонского ордена, между тем, молча миновал первый костер и шагнул мимо второго. Ему было жарко. Белая орденская хламида уже кое-где занималась дымком. Потрескивали и волосы на голове.

– Куда ты ехал? – громко спросил Субурхан. Толмач, стоявший рядом, также громко перевел вопрос на немецкий.

Рыцарь промолчал и, сделав еще шаг, вновь исчез за пламенем костра. Когда он появился, его белая накидка уже горела по краям. Клаус фон Штир завертелся, пытаясь сбить огонь, но желтые языки стали лизать его только сильнее. Он метнулся в сторону, чтобы выскочить за пределы линии огня, но двигавшиеся параллельно монгольские воины, ловко действуя копьями, быстро вернули его на исходную позицию между кострами. Фон Штир начал запекаться. Ему было больно. Но он еще терпел.

Субурхан медленно повторил свой вопрос. Толмач также медленно перевел его тевтонцу, который находился уже в самой середине огненной линейки. Доблестный Фон Штир крутился вокруг себя, пытаясь сбить разгоравшийся огонь и бросая по сторонам затравленные, полные дикой злобы, взгляды. Ох, как он сейчас ненавидел монголов. С каким удовольствием он сам вздернул бы их на дыбе и вытянул из них по очереди все жилы, особенно из Субурхана, но сегодня был явно не его день. И сейчас в нем боролись дикая жажда жизни и преданность долгу, великому магистру и самому императору. Но после шестого костра, когда огонь охватил тело тевтонского рыцаря целиком, и даже веревка, которой были по-прежнему связаны руки фон Штира, начала тлеть, жажда жизни победила.

Тевтонец опрометью бросился бежать сквозь костры и рухнул под ноги Субурхану, весь объятый пламенем. Даже на Забубенного пахло обгорелым мясом так сильно, что он отодвинулся.

– Говори, – спокойно сказал монгольский военачальник, словно не замечая страданий тевтонца.

– Я ехал в замок, что стоит всего в двух днях пути отсюда в горном селении Печ, на границе с Хорватией.

Субурхан помолчал, давая рыцарю выговориться. Фон Штир больше не запирался – у него уже волосы горели на голове.

– Что в этом замке? – уточнил Субурхан.

– Там сейчас находится Констанция, жена нашего императора Фридриха, – выкрикнул он, морщась от боли.

Субурхан довольно ухмыльнулся, погладив свою редкую бородку.

– Жена императора Фридриха? – переспросил он, задумчиво, – Зачем она здесь?

Фон Штир извивался на земле от боли, но разговор был еще не окончен.

– Приехала к королю Андрею, с каким-то поручением от императора. Я не знаю. Но не успела уехать, – вы продвигались слишком быстро.

Субурхан снова самодовольно усмехнулся.

– Да, у нас быстрые кони. Что должен был сделать ты?

Фон Штир мотнул головой, но выдавил из себя.

– Узнав о ваших победах и быстром продвижении вглубь страны, великий магистр фон Зальц послал меня спасти Констанцию. Вывести из Венгрии на побережье Далмации, где ее ждет галера имперского флота. Но я не успел.

– Ты был один? – уточнил Субурхан.

– Нет, со мной было еще три рыцаря и отряд из тридцати человек, но они все погибли в стычке. Недалеко от замка жупана Войчича на нас неожиданно напали монгольские разведчики. Почти все погибли, а мне с двумя слугами едва удалось укрыться в замке жупана. Остальное известно.

– Почему сам король Андрей еще не вывез Констанцию к морю? – спросил Субурхан, но, подумав мгновение, сам же ответил, – можешь не говорить. Я знаю, почему.

А вот Забубенный даже не догадывался. И с удовольствием послушал бы. Впрочем, Григорий допускал, что предводителю монгольского экспедиционного корпуса было ведомо многое из области тайных дипломатических отношений с монархами, о чем он даже и не догадывался. Да и незачем это знать простому механику. Хотя, все же было интересно.

Между тем, глядя на извивавшегося под ногами рыцаря, от тлевших остатков одежды которого поднимался дым, монгольский военачальник продолжал допрос.

– Много солдат в замке?

– Нет, – мотнул обгоревшей головой тевтонец, – человек пятьдесят. Но сам замок хоть и небольшой, но хорошо укреплен и стоит в гористой местности.

– Королева может уехать, не дожидаясь тебя?

Рыцарь на секунду замолчал. Но, раз предавши, можно было уже не останавливаться.

– Магистр тайно послал ей письмо, что я скоро приеду и выведу ее на побережье Далмации. Она будет ждать еще два дня.

– Хорошо, – довольно усмехнулся Субурхан, даже хлопнул себя по коленям, – тогда мы выведем ее сами.

Таким довольным Забубенный его давно не видел. Видно Субурхан не ожидал, что такая хорошая добыча как жена императора Фридриха сама приплывет к нему в руки. А о том, что монгольский военачальник уже просчитывает спецоперацию по захвату Констанции, у Забубенного не было никаких сомнений. Зачем она ему, – позабавиться или для каких-то дипломатических игр, – не ясно. Но то, что до побережья Далмации Констанция не доедет, это был уже решенный вопрос. Даже, несмотря на то, что территория, на которой находился замок, была еще под контролем венгров.

Глядя на стонавшего рыцаря тевтонского ордена, Григорию вдруг пришла странная мысль о том, случись с ним похожая ситуация, за сколько бы он продал свою родину? Дело в том, что Григорий очень любил сладкое и страдал без своих любимых шоколадок, которые в прошлой жизни поглощал тоннами. А потому, поразмыслив, механик быстро пришел к выводу, что, если его надолго лишит сладкого, то за одну банку сгущенки он бы родину еще не продал. Но вот за две...

Субурхан, между тем, закончил допрос пленного тевтонца и повернул голову в сторону монгольских шаманов в балахонах. Те, постучав немного в свои бубны, долго изучали языки пламени и, наконец, затрясли головами, – пленник говорил правду. Духи огня подтвердили это. Монгольский военачальник еще раз довольно кивнул. Он сам знал, что тевтонец не солгал, но теперь и духишний раз уверили его в этом. В воздухе запахло новой экспедицией.

А Забубенный радовался тому, что допрос окончен и скоро он сможет удалиться в свою комфортабельную юрту, еще разок перекусить на сон грядущий и отдохнуть с дороги. А может быть и поближе познакомиться с миловидной служанкой Тайчин.

– Унесите его, – приказал Субурхан и без всякого уважения к поверженному противнику пнул ногой рыцаря, отдавшего свой секрет.

Фон Штир взвыл от боли, откатившись на пару метров, и затих. Мгновенно из темноты возникли суровые монгольские нукеры и, подхватив опаленного огнем рыцаря ордена дома святой Марии Тевтонской, опять исчезли во мраке. Штир сделал свое дело.

Но Субурхан уже забыл о нем. Жестом отпустив колдунов, он погрузился на мгновение в раздумья, но, вскоре встал и сделал пару шагов в сторону разгонявших ночной мрак костров. Обернулся.

– Джебек, – обратился он к сидевшему монголу, – нельзя терять время. Выдели три сотни нукеров и немедленно отправь к этому замку. Пусть найдут его, возьмут и привезут мне жену Фридриха.

Субурхан подумал о чем-то и добавил, неожиданно повернувшись к Забубенному.

– Замок недалеко в горах, но хорошо укреплен. Ты, Кара-Чулмус, возьми одну метательную машину, отряд черниговских воинов, что брали замок венгров, и на рассвете отправишься следом.

– Я?! – у Забубенного глаза полезли на лоб от удивления, он даже промямлил раздосадовано, – а может как-нибудь без меня обойдутся? Я хотел тут, с дороги...

Но Субурхан бросил на него такой взгляд, что Григорий мгновенно понял: это то самое предложение, от которого нельзя отказаться. Субординация у монголов была понятием непоколебимым. Похоже, именно они ввели моду на смертную казнь за неподчинение приказам командира. «Ну, вот, ё-мое, приехал отдохнуть, – огорчился Григорий, – отсидеться при осадном обозе техническим советником. В целебных источниках побарахтаться».

– На рассвете, ты выйдешь с одним оружием и отрядом черниговцев в поход, – звенящим шепотом повторил Субурхан, – вернешься с добычей – награжу по хански.

«Интересно, это как? – скептически подумал Забубенный, – а вдруг добыча ускользнет?». Но о том, что произойдет в этом случае, Григорий решил пока не думать. Ибо он достаточно хорошо мог себе это представить. Так хорошо, что лучше и не представлять.

– А ты воевода, – повернулся Субурхан к стоявшему рядом с механиком Дрону Давыдовичу, – вели этим людям собраться, да подготовиться. Старший среди них будет подчиняться Кара-Чулмусу, то есть, Григорию, по-вашему. А сам Григорий сотнику, которого выберет Джебек.

Воевода черниговцев молча кивнул. Он лицо подневольное.

– Сотником в этом походе будет Каюк, – быстро определился с назначением монгольский предводитель Джебек.

– Хорошо, – кивнул Субурхан и снова посмотрел на механика.

– Это важный поход Кара-Чулмус, – проговорил с нажимом монгольский военачальник, – очень важный. Сейчас он даже важнее постройки летающих шаров. Помни об этом.

– Да уж, постараюсь, – ответил Забубенный, а про себя подумал: «Попробуй тут забыть».

– Иди, отдай приказ готовить машину, а потом у тебя есть время отдохнуть до рассвета, – приказал Субурхан, – утром нукер сообщит, где тебя будет поджидать Каюк.

«Дал же бог фамилию, – удивился Забубенный, шагая рядом с воеводой черниговцев в сторону привязанных лошадей. Но тут его осенило, – интересно, это что же получается. Я командир артиллеристов и второе лицо в отряде? Вот это поворот».

Хотя Забубенный совсем не жаждал делать карьеру военного, но минут пять он гордился своим назначением, стараясь не думать об ответственности, которая лежала на монгольских командирах.

Погруженные каждый в свои думы воевода и механик сели на коней и поскакали в расположении черниговских ратников сквозь казавшийся бесконечным в ночи лагерь монголов. Прибыв на место, они обнаружили, что Миклуха с Егоршей времени даром не теряли. За несколько часов отсутствия чародея-механика и воеводы в западной части монгольского лагеря вырос целый русский город из шалашей, палаток и походных шатров разного калибра. Повсюду горели костры, кипело в огромных котлах вкуснейшее варево, вызывавшее свербеж в нозах и желудках проголодавшихся воинов. Жарились на вертелах жирные туши диких кабанов, заготовленных по дороге специальной командой охотников, состоявших при черниговском воинстве. Впрочем, Миклуха с Егоршей не стали дожидаться возвращения начальства, – походный ужин был уже в самом разгаре. Но, едва за приметив воеводу, Миклуха тотчас вырос, словно из-под земли, отделившись от компании у одного из

костров. Резво подскочил к Дрону Давыдовичу и доложил по всей форме.

– Лагерь готов, воевода. Машины метательные в обозе у монголов стоят. Всех ратников разместили на ночлег, – отрапортовал Миклуха, – народ насыщается опосля похода. Устал немного.

– Пущай насыщается, – одобрил Дрон Давыдович, – и отдыхает пущай. Заслужил.

– И ты, Дрон Давыдович, отдохни, – посоветовал заботливый Миклуха. Повернулся, указав на большой шатер, отстоявший от места разговора на сотню шагов, – шатер твой походный готов. Трапеза для тебя там накрыта.

Но воевода решил побыть с народом.

– Ты мне сюда чего-нибудь принеси, – сказал Дрон Давыдович, слезая с коня, – у костра посидеть хочу. На звезды посмотреть. Да Егоршу кликни, разговор есть.

– А чего его кликать, – удивился Миклуха и указал на соседний костер, трещащий в дюжине шагов, – вон он сидит. Медвежатину жрет, лентяй. Эй, Егорша, подь сюда, воевода кличет!

Здоровенный Егорша, только что впившийся зубами в огромный кусок запеченной на костре медвежатины, недовольно оторвался от своего ужина. Отложив кусок мяса в сторонку, он встал и, сделав несколько шагов от костра в сторону воеводы, пропал в темноте.

– Здесь я, воевода, – раздался голос Егорши совсем рядом с Забубенным, – чего звал, Дрон Давыдович.

Воевода черниговцев отвел Егоршу подальше от костра и негромко проговорил, указав на Григория, сидевшего в седле своего Мэджика и предававшегося грустным размышлениям о предстоящем походе за женой немецкого императора.

– Завтра на рассвете возьмете одно оружие из обоза и вместе с Григорием отправитесь на секретное дело. По тихому. Людей возьми десятка четыре. Посмекалистей, да покуражней, из тех, что с тобой крепости берут. Дальше в степи вас монголы повстречают и проводят до места.

– Далеко ль пойдем? – уточнил Егорша деловито.

– К венграм в тыл. Замок один в горах шерстить надо. Дня на два, может, на три сходите. Это если гладко все пройдет. А там, как повернется.

Егорша кивнул, осмысливая информацию.

– Да, вот еще что, – добавил воевода, – старшим в этом деле сотник Каюк будет. А его помощником Григорий, так Субурхан приказал. Так что, ты его слушай и помогай. Да присматривай. Он чародей известный, но больно задумчивый.

Егорша бросил взгляд на задумчивого чародея, который предавался медитации, сидя на лошади, не обращая внимания на то, о чем беседуют вполголоса собеседники, и сказал:

– Сделаем, Дрон Давыдович.

– Ну, добро, – подытожил черниговский воевода и присел к ближнему костру, куда ему, по приказу распорядительного Миклухи, уже поднесли медовухи и мяса.

Егорша решил не откладывать совещание с новым полевым командиром Забубенным на завтра и, шагнув поближе к лошади чародея, заинтересовался:

– Чего делать-то надо, Григорий?

– Прикажи одну машину приготовить к походу. Из тех, которыми замок жупана обработали. Да отдыхай пока, – отдал первое приказание Григорий, начинавший входить в роль монгольского командира. – Утром прискачет нукер с донесением, я за тобой отправлю. Будь готов на рассвете выступать.

Егорша кивнул с пониманием.

– Ясное дело. Пойду, заряжу ребятушек, да медовухи выпью на дорожку. Видать куражное дело будет.

– Не то слово, – подтвердил Забубенный, – будет, где твоим молодцам разгуляться. Не сомневайся.

– Оно и хорошо, – сказал Егорша, направляясь к костру, – а то я скучать не люблю.

И уже оттуда до механика донеслись громкие выкрики командира спецназовцев.

– Петруха, а ну тащи мне медовухи, расслабиться надо! Дело грядет куражное.

Забубенный немного озадачился началом подготовки спецназа к секретному походу, как бы не перепились все, да не проспали. Но потом решил, что монголы проспать не дадут. А черниговские спецназовцы тоже ребята тертые, сколько за ночь не выпьют, утром все одно будут как стеклышко. Ну, во всяком случае, Григорию очень хотелось в это верить.

Проводив взглядом Егоршу, которому он перепоручил подготовку осадного орудия к походу, великий механик тоже решил немного расслабиться и повернул коня в сторону своей командирской юрты.

У входа его поджидали бродники в количестве дюжины человек и их начальник.

– Будут ли у Кара-Чулмуса какие-нибудь приказания? – поинтересовался верный Плоския, принимая поводья Мэджика согнувшись в приветственном поклоне.

– Есть я не хочу. Буду спать. Проследи, чтоб не беспокоили. А будить только на рассвете, когда прискачет нукер от Субурхана, – сказал Забубенный, и добавил, как бы невзначай, – Кстати, готовьтесь в поход, завтра утром выступаем. Со мной поедете.

– Будет сделано, – подтвердил Плоския.

Григорий шагнул в юрту, откинув полог. Внутри царил мягкий полумрак, едва разгоняемый тусклыми свечами. Отцепив меч, механик бросил его на пушистый ковер. Затем, снял с себя рубашку и начал стаскивать сапоги. В этот момент от стены отделилась знакомая тень. Присев на корточки, Тайчин стала помогать Григорию, стягивать запыхавшуюся обувку.

– Да ладно, – мягко оттолкнул ее Забубенный, еще не непривычный к этим барским обычаям, – сам справлюсь. Я же не ханского рода. Пролетарий, можно сказать. Все больше при моторах. А там, милая моя, без собственных рук никак не обойтись.

Отойдя на несколько шагов назад, озадаченная Тайчин с надеждой поинтересовалась.

– Хозяин хочет выпить ароматного чая?

Забубенный присмотрелся к хрупкой фигурке. В своем красном халатике китаянка выглядела очень соблазнительно. Особенно для измученного походом одинокого механика, давно не видевшего красивых женщин.

– Хозяин хочет немного отдохнуть, – проговорил Забубенный, рассеянно посмотрев сначала на разбросанные по ковру подушки, а затем попытавшись взглядом проникнуть под красный халатик. Несмотря на долгий переход, спать ему сейчас почему-то совсем расхотелось.

Тайчин поняла его правильно. Легким движением она развязала пояс, и халатик сполз на ковер. Под ним, к удивлению механика, обнаружилась сложная система нательных рубашек. «Как все запущено», – поморщился Григорий, приготовившись очень долго доставать из них предмет вожделения.

И только ближе к рассвету, утолив свою страсть и расслабившись, механик, наконец, забылся сном в обнимку с китаянкой.

Глава восьмая. Спецоперация монгольской разведки

Утро пришло внезапно, словно атака монголов. К счастью, это был всего лишь один дружественный нукер с сообщением от Каюка. Верный Плоския, ненавязчиво поскребся о полог юрты, покашлял, стараясь привлечь внимание хозяина. Но Забубенный уже проснулся. Высвободил руку из-под невесомой головки дремавшей Тайчин, встал, и, накиннув верхнюю одежду, вышел на свет божий.

Едва рассвело, лагерь еще спал, окутанный легким туманом из которого то и дело выплывали потусторонние фигуры часовых. У самой юрты нетерпеливо дожидался пробуждения Кара-Чулмуса почтовый нукер. Завидев, наконец, адресата, нукер приблизился, дернув лошадь за поводья, и бесстрашно протянул степному вампиру небольшой свиток не то кожи, не грубой бумаги. Едва Григорий дотронулся до него, – нукер с гиканьем ускорился, словно этот была повестка в армию или в суд, от которой механик уклонялся десять лет.

Посмотрев вслед улетучившемуся почтальону, Забубенный развернул свиток и, зевая, уставился на совершенно незнакомые письма.

– Отлично, – констатировало второе лицо в отряде, уразумев, что знает только устный монгольский и никогда не видело письменного, – и что вся эта писанина означает?

Еще не успев как следует испугаться спросонья, Забубенный обернулся в сторону топтавшегося рядом Плоскини, подозвав его жестом.

– Глянь-ка, ты же у нас известный толмач, – Григорий протянул вождю бродников секретное донесение из штаба, – чего тут накарябано?

Плоскиня осторожно взял свиток и, быстро пробежав глазами, сообщил.

– Каюк захватил пленных и выяснил все подходы к замку. Он движется дальше, и будет ожидать тебя в лесу рядом с ним. По дороге уничтожил небольшой разъезд венгров. Для охраны осадного обоза выслал сотню солдат, которые встретят Кара-Чулмуса на полпути от лагеря.

– Значит Каюк меня уже ждет, быстрый какой, – нахмурился Забубенный, – впрочем, неудивительно...

И обернувшись к броднику, приказал.

– Давай коня, и сами собирайтесь. Выступаем. Да за Егоршей пошли.

Плоскиня убежал выполнять приказания, а Григорий вернулся в юрту и обнаружил там накрытый стол с легкими закусками и китайским чаем. Крякнув от неожиданности – и когда только Тайчин успела все соорудить – Забубенный с удовольствием выпил чашечку ароматного чая и позавтракал ножкой какого-то запеченного на костре животного, правда, холодной.

Пока он этим занимался, поглядывая на крутившуюся вокруг него хитроглазую Тайчин, снаружи слышался шум и скрип большой, с трудом передвигавшейся повозки. А вскоре раздался и нетактичный удар по косяку юрты, такой, что все сооружение завибрировало.

– Эй, Григорий, – раздался снаружи голос Егорши, – подымайся! В поход пора.

Механик-чародей спокойно дожевывал свою ножку, вытер сальные руки об штаны, допил чай и, чмокнув в щеку внезапно покрасневшую Тайчин, – словно и не было бурной ночи, – вышел наружу, прицепляя меч.

Напротив юрты степного вампира выстроилась конная ватага добрых молодцев из черниговского войска в полном вооружении. Позади них виднелась камнемётная машина системы «Забубенный». А у самой юрты стояла повозка с бродниками, вдоль которой прогуливался Егорша, поигрывая, вместо утренней зарядки острым мечом.

– Ты чего орешь, – вместо приветствия шикнул Забубенный, входя в роль командира, – сказали же тебе вчера: дело секретное. Тихое.

– Это я горло прочищал, – сообщил Егорша беззлобно, – думал, дрыхнешь еще.

– А я думал, вы сами проспите подъем, – поделился своими опасениями механик, – вчера, небось, накуасились?

– Маненько, – прищурился Егорша, почти скрыв глаза между опухшими веками и щеками, – нам для куражу это надобно. А проспать мы не можем, раз на дело собрались серьезное. Тут мы ребята четкие.

Григорий еще раз осмотрел четких ребят, рожи были что надо, – такие маму родную прирежут, глазом не моргнут. Да и командир у них подходящий.

– Ладно, – закончил утренние прения механик-чародей, – выступаем. Каюк уже замок нашел, ждет нас. Поторапливаться надо.

– Оно понятно, – кивнул Егорша залезая на коня.

Плоскиня подвел Мэджика к Забубенному, подержал стремя, уточнив, не желает ли Кара-Чулмус путешествовать в повозке. Но Григорий устроился в седле. А, бросив взгляд на повозку, приготовленную бродниками специально для него, решил, что переседет туда, если устанет. Пусть пока порожняком пойдет. С утра ему захотелось проехаться на коне в голове колонны. Ощутить себя хоть ненадолго предком Буденного или Котовского, поскольку предком Чингисхана ощутить себя уже не получится.

Раздался хлесткий удар бича погонщика и камнеметное орудие, влекомое упряжкой из шести крепких лошадей, предтеч тамбовских тяжеловозов, с тяжелым скрипом стронулось с места. За ней тащилась повозка, груженная боеприпасами – вдруг на месте нужных камней не окажется. А за ней пристроились бродники на двух телегах. В голове и хвосте, разбитые на два равных отряда, двигались конные спецназовцы. В таком порядке отряд особого назначения растянулся змеей, извивавшейся между монгольскими юртами, и направился к южным воротам обширного лагеря.

Довольно быстро, миновав охрану и оставив стены за спиной, отряд выплыл сквозь висевший еще туман в чистое поле, которое казалось сейчас бескрайним. Забубенный велел ратникам держаться поближе к телегам – кто его знает, что там таится между окрестных холмов. Двигаться в тумане приходилось в полной тишине для соблюдения конспирации, только скрип плохо смазанных колес выдавал местонахождение обоза. Хотя один раз кто-то из заскучавших ратников в конце колонны затынул, было, походную песню. Но Егорша и без приказа Забубенного быстро разобрался с ситуацией. Звонкая оплеуха, оборвавшая песню, послужила Григорию гарантией, что вряд ли еще хоть один ратник откроет рот без приказа. Похоже, в этом подразделении у Егорши с дисциплиной было не многим хуже, чем у монголов. Что порадовало великого механика.

Спустя несколько часов туман почти совсем рассеялся, но к тому времени черниговцы уже вошли в лес. Пока все было тихо, хотя бдительность терять не следовало. Вокруг начиналась вражеская территория. Венгры, конечно, к самому лагерю Субурхана вряд ли подойдут, но вокруг него наверняка шныряли их разведчики, следившие за передвижениями оккупационной армии. И отряд из трех телег, да еще с камнеметной машиной, представлял интерес для храбрых жупанов, жаждавших реванша.

Когда минул полдень, Забубенный немного расслабился и разрешил сделать привал на поляне, прикрытой со всех сторон от любопытных глаз пышными деревьями. Расставив дозоры, ратники слезли с коней и разлеглись на травке, слушая пение птиц. Пока все шло хорошо. Передвигались они не со скоростью курьерского поезда, конечно, но и на месте долго не стояли. В лесу пока тоже никто не повстречался, хотя дорога была наезженная, видать в мирное время здесь часто сновали телеги в сторону Хорватии и обратно, обеспечивая торговые сношения с соседями.

– Лес сухой стал, – поделился наблюдениями Егорша, сидевший на поваленной сосне, – да редкий. Видать в гору идем.

– Ясное дело, – кивнул Забубенный, стоя жевавший травинку, давая отдых утомленному копчику, – замок-то в горах. Только, как долго до него еще, не понятно. Каюк никого не прислал с известиями. Видно, мы еще до полдороги не прошли.

– Конечно, не прошли, – подтвердил Егорша, словно знал наперед расположение замка и местные пути-дороги, – для монголов полдороги это одно, а для нас – совсем другое. Разумею, что будет это к вечеру, не раньше.

Григорий осмотрелся по сторонам.

– Ну, тогда поспешать надо.

Егорша кивнул, вставая.

– Подъем, лентяи! – крикнул он зычно на всю поляну. – Пора далее двигать.

А, перехватив осуждающий взгляд Забубенного, пояснил:

– Да помню все, Григорий, – дело секретное, тихое. Мы ж в лесу. Кто нас тут услышит?

– Мало ли кто, – назидательно проговорил Григорий. – Ты не ори так больше.

– Не буду, – легко согласился Егорша и ушел в дальний конец поляны, подымать обозных людей.

Не успел Григорий залезть на коня, как оттуда раздалось зычное:

– А ну подымайтесь шибче, олухи, не то королева утечет.

«Да, – раздосадовано подумало второе лицо в отряде, – к обеду все ратники, включая последнего бродника, будут знать, куда мы идем и зачем. Если еще не в курсе. Конспираторы, елы-палы. Главное, чтобы Субурхан не прознал, а то обидится еще и не

наградит по хански».

Снова оказавшись в седлах и телегах, отряд двинулся дальше. Дорога действительно выше забирала в гору, но потом неожиданно пошла вниз. Лес становился все реже, и вскоре обоз выехал в узкую расщелину между холмами, один из которых был почти лысым, а другой усыпан густыми елками. Дорога огибала левый холм и пропадала. Откуда-то снизу доносился приглушенный гул.

Егорша сделал знак остановиться. Забубенный не возражал. Обоз замер, утихли скрипы. Командир спецназа, став непривычно серьезным, прислушался и медленно обвел взглядом лошину, пытаясь проникнуть взглядом сквозь густые ели, словно что-то его насторожило. Забубенный тоже прислушался – снизу явственно доносился шум воды.

– Да это же речка, – догадался механик-чародей, – переправы нам только не хватало с такой бандурой.

Но Егорша не ответил, еще немного помолчал. А потом сделал какой-то непонятный Григорию жест и, повинаясь его приказу, пятеро лучников выдвинулись вперед. Присев у самого края лесной дороги, что изгибалась у подножия поросшего елками холма, лучники наладили свое оружие и застыли, словно молчаливые изваяния, вглядываясь в лес.

– Ты чего, Егорша, – забеспокоился Григорий, – увидел, что ли кого? Да тихо там, ни души. Померещилось.

Подождав еще немного, Егорша дал команду – можно ехать.

– Береженого бог бережет, – назидательно заметил черниговский воин.

– Ну, да, в курсе, – кивнул Забубенный, – а не береженого – конвой стережет.

Пропустив вперед дюжину конных ратников, озиравшихся по сторонам, Егорша и Забубенный двинулись следом. За ними в лошину вползли телеги с осадным оружием и камнями. Отряд уже почти миновал узкое место и повернул за холм, откуда Забубенный, даже сквозь густые заросли, увидел довольно широкую речку.

– Ну, точно переправа, сейчас намучаемся, – констатировал Григорий и упокоил Егоршу. – А на холмы ты зря грешил. Там все чисто.

Но внезапно позади раздались крики. Механик и командир спецназа обернулись. По склону лесного холма, размахивая мечами, в сторону телег и метательного оружия неслись какие-то дикие воины. На некоторых поблескивали шлемы, доспехи и кольчуги, но основная масса была одета в шкуры и кожаные рубахи.

– Опять венгерские партизаны, – расстроился Забубенный, разворачивая коня вслед Егорше, который уже ускакал обратно к обозу, – а ведь уже почти полпути проехали.

– Лучники к бою! – орал командир спецназа на скаку, но лучники и без команды уже валили одного за другим венгерских партизан, которые, к счастью, атаковали пешим строем. Из трех десятков до остановившегося обоза добежало только два, – холм был невысоким. Но и этого хватило, чтобы пробить слабую оборону. И началась сеча.

А за первой волной с холма покатились вторая. Черниговцы, в общем-то, не были застигнуты врасплох, подозрения Егорши оправдались. Ожидая врага, ратники стояли на изготовку, попрятавшись за телегами, и только перед оружием выстроилась дюжина черниговцев с копьями, – нельзя было допустить, чтобы враг изрубил его на куски. Нечем будет брать укрепленный замок. На них и пришелся первый удар.

С ходу венгры обрушились на головы черниговцев. Трое сами налетели на выставленные копья ратников с такой силой, что тем даже не пришлось ничего делать, кроме как перекинуть через себя и телегу уже мертвые тела. С остальными вышло посложнее. Отбив копья, венгры добрались до телеги с оружием, зарубив по дороге двух спецназовцев. А с остальными схватились врукопашную. Атака распалась на поединки.

Венгры дрались, как бешеные, но и черниговцы были не лыком шиты. Одного ратник Петруха задушил своими руками, потеряв выбитый меч. Другому заехал по голове палкой, сдернув ее с телеги. Но венгра спас шлем. Тогда Петруха подхватил с земли свой упавший меч и довершил дело, проткнув завернутого в белую кожу вояку. Меч вышел из спины нападавшего, а шкура в этом месте окрасилась в багрянец. Выдернув окровавленный меч,

Петруха набросился на другого венгра в кольчуге, что размахивал топором во все стороны и уже близко подобрался к орудию.

Между тем налетела вторая волна, слегка прореженная притаившимися за телегами лучниками, но все равно мощная. Численный перевес был на стороне венгров, и сражавшимся вокруг обоза ратникам приходилось все хуже, хотя они бились искусно и положили уже почти половину партизан. Оттеснив весь арьергард обозных защитников на другой холм, нападавшие развивали успех. И только вокруг метательного орудия еще стояли черниговцы, не делая шагу назад. Но их было уже очень мало, человек шесть, не больше, как сумел разглядеть Забубенный, прискакавший на подмогу. И среди них крутился Егорша. Бешено вращая своим мечом, он положил уже троих нападавших, – одного крутого вояку в мощных доспехах, и двоих «шкурников».

Не успел прискакавший к месту схватки Григорий обнажить меч, как ему на плечи, откуда-то сверху, прыгнуло мохнатое чудовище и, свалив с коня, стало душить. Железные пальцы венгра вдавливали кадык в горло, стремясь утопить его навсегда. Механик извивался, лягался, но тщетно – нападавший был куда как сильнее. Забубенный уже стал задыхаться, почувствовав приближение смерти. Цепляясь остатками сознания за жизнь, механик вспомнил про нож, который с недавних пор носил в сапоге. В специальном кармашке, сделанном на всякий случай. И вот этот случай настал.

Изогнувшись, словно его уже охватили предсмертные судороги, Забубенный выхватил нож и пырнул душителя под ребро. К счастью, на нем не было прочных доспехов. С натугой, но острый нож пробил кожаную жилетку, вонзившись под ребра. Хватка на горле чуть ослабла. Тогда Григорий, уже почти потеряв сознание, выдернул нож и всадил его еще и еще раз. Пальцы на его шее разомкнулись, а в остекленевших глазах косматого венгра ярость сменилась пустотой. Оттолкнув от себя обмякшее тело, Забубенный сам провалился в небытие.

Когда он пришел в себя, облитый водой из ведра, то долго сидел, ничего не понимая. Дикая глаза убитого венгра еще сверкали перед ним.

– Что Григорий, испужался? – подбодрил его Егорша, возвышавшийся над ним, словно скала, – ничего, у ратных людей бывает всякое. Такая работенка. Ничего не попишешь.

Егорша помолчал немного, вздохнул.

– Да, немало полегло моих ребятушек. Если б не монголы, то и все бы сгинуть могли. Вовремя твой Каюк подоспел.

Забубенный не поверил ушам.

– Каюк?

– Ну, ребята его, которых он нам на встречу послал. Мы же до полдороги как раз чуток не дошли, они нас у реки поджидали. На переправе. А тут как раз венгры нарисовались. Вовремя их сотник шум услышал да поспешил нам на выручку.

Забубенный осмотрелся по сторонам, пытаясь собраться с мыслями.

Вся лощина вокруг обоза была усеяна трупами в доспехах и шкурах. Вдоль телег сновали оставшиеся в живых ратники, отыскивая раненых в этой куче бездыханных тел. А на вершине холма сидела на лошадях группа монголов, озирая окрестности в поисках новых врагов. Но их не было. Лихим наскоком монголы спасли ситуацию, уничтожив всех нападавших и рассеяв по лесу оставшихся. Но и там их догнали и добились всех.

– Похоже, никто не ушел, – закончил Егорша свой рассказ о том, что пропустил механик, пока валялся в беспамятстве.

– Орудие спасли? – Григорий осторожно потрогал свой кадык, на котором уже наливались сочные синяки.

– Спасли, – устало кивнул Егорша, – надо дальше двигаться, а то вечереет уже. Подзадержались мы тут. А нам еще переправляться, да и за рекой, видать, путь неблизкий.

Забубенный поднялся, покачнувшись. Один из бродников, топтавшийся неподалеку, подвел ему коня. Этот бродник был механику не знаком. Лицо видел, но как звать не знал. Да и зачем, Плоскини хватало.

– А где Плоския? – поинтересовался у него Забубенный.

Бродник молча указал на груды мертвых тел.

– Значит, закончил свой поход уже, – расстроился Григорий, – не пережил встречи с венграми. Да, не повезло вашему предводителю. Кто же мне теперь будет переводить монгольские донесения?

Бродник молчал. «Немой что ли, – подумал Григорий с раздражением, – или просто боится?». Он посмотрел на верного Мэджика, но трястись в седле механику-чародею сейчас не хотелось.

– Я на повозке дальше поеду, – сообщил он Егорше.

– А у тебя там местечка не найдется? – неожиданно спросил командир спецназа, – а то я тоже устал маленько. Намахался мечом. Откинуться охота.

– Хорошему попугчику всегда рады, – кивнул Забубенный и приказал броднику, – Давай мою повозку.

Пообщавшись перед выездом с монгольским предводителем, которого звали Хулачу-хан, – к счастью, он не привез никакого письма от Каюка, все рассказал на словах, – Забубенный узнал, что до замка действительно еще полдня пути. А с камнеметной машиной в обозе, можно было и не успеть.

– А если не успеем? – уточнил дотошный механик, – в лесу ночевать будем, что ли? Венгры то, небось, о нас уже прослышали. Могут и новый отряд прислать.

– Каюк велел мне встретить обоз с оружием и охранять тебя, Кара-Чулмус, – успокоил Забубенного монгольский сотник, – Я останусь с обозом, даже если придется ночевать в поле. Мы отобьемся, если придется.

– Ну, черт с тобой, – махнул рукой великий механик, – поехали. Все равно обратной дороги нет.

И погружившись в телегу, отправился дальше, на поиски жены императора Фридриха, по неосторожности захватившей в эти дебри во время вторжения монголов.

«И чего ее сюда понесло, – размышлял великий механик, глядя, как телега форсирует в брод довольно широкую речку, – неужели не знала, что половина страны уже под монголами. Знала ведь, наверняка, но все равно поехала. Странная женщина. Или муж послал кого-то с тайной миссией к родственникам, а жену так отправил, для отвода глаз. Кто их там разберет, этих немцев».

Миновав реку, которая казалась довольно бурной повсюду, насколько хватало глаз, кроме места переправы, обоз поднялся вдоль полого берега на холм и углубился в лес. «И откуда эти монголы тут все мели знают? – еще раз удивился осведомленности монголов Григорий, – хотя им ведь без этого никак. Да и шпионов у Субурхана достаточно».

На другой стороне реки лес снова обступил со всех сторон отряд, усиленный монгольской конницей. Воздух потемнел, кроны деревьев все сильнее скрывали свет постепенно опускавшегося за край земли солнца.

– Чего это за речка была? – спросил у проезжавшего мимо телеги монгольского всадника Забубенный.

Тот, как мог, объяснил, но название звучало незнакомо для слуха Григория, – то ли Дунан, то ли Туной. И вдруг механика осенило «Это, наверное, Дунай. Он как раз где-то здесь должен протекать, в этих местах. Хотя для верности надо бы местных расспросить». Но, впрочем, жгучего желания расспрашивать местных у Забубенного почему-то не возникло. Он вообще сейчас предпочел бы больше не видеть ни одного местного. Особенно в шкурах и с мечами.

Полулежа на телеге Григорий, от скуки стал рассматривать черниговцев, двигавшихся в обозе, и обнаружил, что действительно в бою у переправы погибло немало народа. Егорша, судя по всему, не досчитался почти половины своих людей. Да и бродников осталось человек пять. Силы отряда таяли на глазах, а дело еще даже не началось.

– Что там за замок такой, интересно, – поделился механик сомнениями с Егоршей, – возьмем ли быстро?

– Возьмем, – успокоил его командир спецназа, – людей, конечно, поубавилось после сечи. Но возьмем. Не бойсь, Субурхан будет доволен. А если заминка произойдет, так мы же бандурина эту не зря волочем? Разок приложишь его по воротам своим камешком, они и отпрутятся, а Григорий?

Но Григорий промолчал в ответ. Незаметно его сморил сон и Забубенный провалился в сладостное небытие, дав организму отдых после нелегкого дня. Когда он открыл глаза, то вокруг была уже почти ночь. Обоз стоял у подножия какого-то холма, поросшего густым лесом, а ратники в сумерках сновали между телег, разбирая барахло.

– Хулачу велел на ночлег вставать, – сообщил Егорша, – до замка сегодня не дойдем. Я пойду дозоры ставить.

– Добро, – согласился Забубенный, – только не громко.

И его снова срубил сон.

Глава девятая. Замок в горах

Ночь прошла без происшествий. То ли во вчерашней сече действительно удалось перебить всех нападавших, и никто не сообщил своим о пробиравшемся в сторону Хорватии отряде, то ли не добрался еще этот счастливчик до своих. То ли не ожидали венгры такой стойкости от небольшого отряда, но никто на место ночевки черниговцев и монголов не напал.

Забубенный хорошо выспался, так и не вылезая из телеги. За ночь его тело и душа отдохнули от пережитого. Механик был свеж, сделал зарядку по системе каратистов стиля Киокушинкай, чем озадачил наблюдавших за ним спецназовцев и даже монголов, выпил кувшин кумыса и был готов к продолжению похода.

Егорша, отвечавший за спокойный сон механика-чародея, сам тоже неплохо выспался, расставив дозоры и поручив охрану лагеря толковому ратнику, по имени Иван и по прозвищу Нема делов. Этот Иван Нема делов был в небольшом отряде черниговцев такой же правой рукой Егорши, как и сам Егорша у воеводы. А прозвище свое Иван получил за то, что был человеком позитивным и на любой, даже неразрешимый, вопрос всегда отвечал одинаково: «Нема делов!».

Пробудившись на рассвете и, перекусив наскоро, чем бог послал, отряд снова двинулся в путь. Засвистели бичи погонщиков, закрипели колеса. Дорога постепенно вышла из леса и стала петлять между холмов, высота которых все возрастала с каждой новой верстой. Деревья на холмах еще росли во множестве, там и сям, но местность стал все больше напоминать хорватские предгорья, хотя земля эта была еще венгерская.

– Далеко ль осталось до Печи этой? – поинтересовался механик у Хулачу-хана, который ехал сейчас рядом с Забубенным, пересевшим снова на своего верного Мэджика.

– Нет, – ответил немногословный монгол, – скоро будем.

– А где сам Каюк? – продолжал расспросы Забубенный.

– Он недалеко от замка, перекрыл все дороги и ждет нас.

– Понятно, – кивнул Григорий, – то есть без нас в замок не войти.

– Замок хорошо укреплен.

– А селение? Там, говорят, должна быть какая-то деревенька.

– Селение Каюк взял. Там уже наши воины.

– Это хорошо, – согласился Григорий, – значит, выходы закрыты, чтоб никто не убежал, а подходы свободны. Про венгров что слышать?

Хучачу помолчал, утомленный долгим разговором, но все же ответил.

– Пока ничего.

Удовлетворившись этой информацией, Григорий стал смотреть по сторонам, изучая местные ландшафты. Солнце быстро поднималось, нагревая воздух. Холмы становились все желтее, то и дело на поверхность выходили каменные разломы. Механик вспомнил кое-что из прошлой жизни об этих местах. Когда-то он слышал, что здесь есть неплохие

горнолыжные курорты с прекрасными видами на горные кручи, поросшие лесом. Горы здесь были живописные, немного напоминали Кавказ и совсем не походили на высокий и скалистый Тянь-шань, с его безжизненными вершинами. Но это было понятно – зеленый лес рос почему-то только до высоты двух тысяч метров, как выяснили наблюдательные ученые, а выше расти никак не хотел.

Поднявшись на очередной лесистый холм, Забубенный увидел спешивший им навстречу разъезд монгольских всадников, а недалеко за ними группу каменных домишек, приютившихся у края высокого скалистого холма. Видимо это и был городишко Печ, куда так стремился тевтонский рыцарь Клаус фон Штир. Только вот замка, сколько не смотрел, Григорий пока не видел.

Приблизившись к отряду, монгольские всадники из дозора обменялись парой слов с Хулачу-ханом и усаkali обратно, видимо, обрадовать заждавшегося Каюка, вынужденно скучавшего без активных действий. Впрочем, результаты его первых военных действий в районе городка Печ Григорий увидел, как только авангард отряда черниговцев въехал на территорию некогда живописного селения. Почти половина домов были сожжены и разрушены, во дворах, а иногда и прямо на дороге, валялись трупы венгерских солдат, видно, квартировавших здесь и попавших под неожиданную атаку монгольских нукеров. Присмотревшись, Забубенный с отвращением заметил, что у всех солдат отрезано правое ухо. Еще не осознав, зачем это было сделано, Григорий хотел было спросить у Хулачу, которого вид отрезанных ушей несколько не смутил, но вдруг заметил сидевшего у обочины спешившегося монгола с каким-то мешком. С деловым видом нукер из отряда Каюка сидел на земле и пересчитывал отрезанные уши.

– Чего это он делает? – не удержался Забубенный.

– Считает поверженных врагов, – буднично ответил монгольский хан, – мы так всегда делаем, после сражений. Разве ты не знал, Кара-Чулмус?

Ошарашенный Кара-Чулмус промолчал. Он действительно не знал, что у монголов после каждой битвы велся строгий учет своих потерь и потерь противника. Только своих погибших пересчитывали простой переключкой во время общего построения, а врагам отрезали уши и пересчитывали на досуге. Такое проведение статистических мероприятий Забубенного несколько покорило, но повлиять на это он никак не мог. «Дикие нравы, – только и подумал механик, – нет, чтобы так прошерстить все поле и просто посчитать. Уши-то зачем резать?». Хотя, справедливости ради, прочитанное в прошлой жизни напомнило Григорию, что были в древности и другие товарищи по прозванию вандалы, так те отрезали убитым в бою противникам носы с аналогичными целями. И отбивали их даже у статуй. Вот почему все древнеримские статуи такие безносые. Что уж говорить о некоторых индейских и африканских племенах, которые вообще отрезали побежденному врагу самое дорогое. Забубенного передернуло от этих воспоминаний, и он постарался забыть об увиденном как можно скорее. Тем более что, миновав городишко Печ, отряд выехал в небольшую долину между холмами и взору механика предстал таки долгожданный замок во всей своей красе.

Замок местного жупана стоял на соседнем с городком холме, одна сторона которого была практически отвесной и заканчивалась крутым обрывом, а другая, более пологая, защищена глубоким рвом. Метрах в ста от стен замка начинался лес. Где-то за деревьями шумела река.

«Интересно, – неожиданно для себя подумал Григорий, снова входя в роль военачальника осадного обоза, – как у товарищей осажденных с водой? Надолго ли запасов хватит». Как показывала многолетняя практика долговременных осад, о которой Забубенный, естественно, только читал, замок мог держаться довольно долго, если он был хорошо укреплен, и в нем было достаточно воды. Еда, конечно, тоже нужна, но все-таки вода считалась основным стратегическим запасом.

А этот венгерский замок, хоть и казался относительно небольшим, судя по всему, был укреплен неплохо. Над поднятым мостом возвышались две мощные башни, дальше всю вершину холма опоясывала приличная стена с квадратными зубцами. В глубине, за первой

линией обороны, виднелась цитадель – еще одна стена и главная квадратная башня, служившая арсеналом и жилищем местного жупана. Над цитаделью гордо реял красно-белый флаг с гербом в виде креста и короны. Где-то между первой и второй линией обороны должны были находиться скрытые от глаз конюшни, псарни и другие хозяйственные постройки.

Забубенному сразу бросились в глаза редкие фигурки в белых балахонах с черными крестами, рассредоточенные по всему периметру стены. Между ними мелькали солдаты в красно-белых телогрейках, видно, ратники из местного венгерского воинства. Вооружены они были в основном луками и арбалетами. С последними Григорий еще не сталкивался. Стрела, пущенная со стены, ссадила с седла одного из передовых нукеров, угодив ему в грудь. Рассмотрев ее, Григорий удивился – она была довольно короткой и толстой, немного похожей на болт, но дело свое сделала. Долетела и пробила легкий доспех конника.

– Арбалетчики шуткуют, – прокомментировал первый контакт с осажденными Егорша, – далеко, однако, бьют. Надо бы укрыться куда-нибудь от греха подальше.

Но Хулачу-хан уже заворачивал своих людей в сторону леса. По дороге Забубенный заметил несколько свежестроенных деревянных стен-укрытий, в которые с гулким хлопаньем впивались арбалетные стрелы, пока отряд по открытой дороге передвигался к лесу.

Едва только появилась новая опасность, мозг Забубенного заработал с удвоенной силой. И он машинально стал присматривать позицию для камнеметного орудия. И почти сразу увидел небольшую возвышенность, за которой вполне можно было разместить орудие без ущерба для своей живой силы. И вид на ворота и башни оттуда открывался отличный. Григорий сообщил Хулачу-хану, что встанет здесь.

Хулачу, недовольный остановкой отряда, окинул взглядом холм, но возражать не стал.

– Я доложу хан Каюк, – буркнул он, – он решит, как быть.

– Давай, – кивнул Забубенный, – докладывай.

А провернувшись к Егорше, приказал.

– Разворачивай артиллерию прямой наводкой. Будем бомбить ворота.

Понятливый Егорша взялся за дело и через двадцать минут орудие уже было готово стрелять. Телега с камнями стояла рядом. Тут же обретались и проверенные ратники-артиллеристы уже принимавшие участие в подобном эксперименте во время осады предыдущего замка венгерского жупана. Здесь остались и уцелевшие бродники, из которых механик решил сделать свой штаб и собственное почтовое отделение для сношений с другими частями, если не хватит монгольских почтовых нукеров.

Забубенный выбрал себе наблюдательную позицию рядом с вершиной холма и обозрел окрестности. До главных ворот и стены замка было по восходящей метров триста. Не больше. Конечно, стрелы осажденных сюда иногда долетали, но холм надежно защищал от прицельных попаданий почти всю орудейную прислугу.

В это время прискакал нукер от Каюка. Хан требовал Забубенного на военный совет. Григорий не стал противиться, он и так уже нарушил субординацию, но надеялся, что монгольский военачальник его простит, поскольку он работал на общую победу.

Сев на коней, Забубенный и Егорша прискакали на лесную поляну, где Каюк устроил свой походный штаб. Там стояло несколько шатров, окруженных повозками на случай вылазки осажденных и толпилось человек сто всадников, рассредоточившихся между деревьями. Григорий не стал спрашивать, где остальные. Наверняка, квартируют в Печи, да несут дозоры вокруг замка, чтобы никто не убежал.

Не успел Забубенный спешиться, подскакав к главному шатру, и зайти внутрь, как сидевший там со своими помощниками Каюк, оторвался от карты и рывкнул на него вместо приветствия.

– Мне сказали, ты уже поставил орудие, Кара-Чулмус?

Забубенный немного огорчился, решив, что сейчас его опять начнут казнить, но отступить было некуда.

– Да, поставил. А зачем в лес его тащить, оно же здоровое, его здесь и поставить негде, – сказал он, проглотив слюну, – а там позиция хорошая. Стрелять удобно. Деревья, опять же, не мешают. И до ворот в самый раз.

– Смотри, Кара-Чулмус, – пригрозил Каюк, – если осада затянется, тебе не сдобровать.

– Да, знаю, знаю, – ответил привычный к угрозам механик, – и про кол знаю, и про ханскую награду. Ничего, перезимуем. Семь бед – один ответ.

Каюк выслушал русские присказки, коряво переведенные механиком на монгольский язык, и теперь озадачился сам. Помолчав немного, он осторожно намекнул Григорию:

– Зимовать мы здесь не должны. У нас есть всего два дня.

Но в бутылку не полез – все-таки именно Забубенный отвечал за осадную технику и считался профессионалом своего дела, а значит, ему и решать, где, в конце концов, ставить орудие. Кивнув на развернутую карту, добавил:

– По моим сведениям, в трех днях пути отсюда находится большой отряд венгерской конницы. Он идет сюда. Так что, мы должны взять замок сегодня или завтра на рассвете. А потом быстро отступить.

Григорий озадачился:

– А орудие? Бросить что ли?

– Если не успеем увезти, да, – спокойно сообщил Каюк, – тебе известна наша цель, Кара-Чулмус.

«Известна мне твоя цель, – подумал Григорий, – немецкая фроляйн королевских кровей». Но вслух ответил рассудительно.

– Ты бугор, тебе виднее.

Уловил очередную аллегорию Каюк или нет, Забубенный не понял, но это было уже не важно. После выяснения основных вопросов, монгольский хан перешел к обсуждению диспозиции. Штурм предполагалось начать немедленно, поскольку каждый час был дорог, – информация относительно подхода венгерских войск, отправленных королем Андреем на освобождение замка была приблизительной. Сейчас она уточнялась, но Каюк предпочитал рассчитывать на худшее, а потому торопился. Забубенный с обозом и так прибыл на полдня позже расчетного, но тут уже Каюк механика не винил. Доклад Хулачу-хана выслушал, общие потери подсчитал.

– Раз ты уже выбрал позицию, начинай обстрел ворот немедленно, – приказал Каюк, – ты должен пробить их как можно быстрее. А твои люди пусть готовятся к штурму.

Забубенный согласно кивнул. А Егорша, стоявший за спиной механика, поинтересовался, разглядывая наспех сделанную карту местности, лежавшую перед монгольским ханом:

– Имеются тут подходы скрытные к стенам? Или здесь, от леса, ближе всего?

Каюк обвел заскорузлым пальцем небольшую территорию замка на карте и, ткнув в два кругляшка, обозначающие башни у ворот, сказал:

– Скрытно к стенам не подойти. Ближе всего от холмов, за которыми можно укрыться, до ворот. И вот здесь, от речного берега до крайней башни. Справа и сзади пропасть, слева речка и лес. Ров, без воды, но есть везде.

Каюк помолчал.

– Арбалетчики на стенах бьют далеко.

– Это я заметил, – вспомнил убитого стрелой монгола Забубенный.

– Так что, ты должен пробить ворота Кара-Чулмус. Солдат на стенах мало. Пробьем брешь, подавим стрелков. А дальше мои нукеры уничтожат солдат в замке и захватят центральную башню. Так будет быстрее всего. Мы будем наблюдать и ждать от тебя сообщений, Кара-Чулмус.

– Ну, – согласился Григорий, – тогда за дело. А то, время не терпит, как я понимаю.

Снова оказавшись на позиции, Забубенный велел артиллеристам проверить все, что нужно и подготовиться к стрельбе, а сам выполз на край холма и присмотрелся к тому, что творилось в стане противника. Егорша присел рядом. Едва они появились на холме, как

арбалетчики начали обстрел позиции камнеметного орудия. Но подручные Егорши успели выставить защитные деревянные стены. Так что, стрелы то и дело свистели над головами, но втыкались только в дерево или каменистый холм, не причиняя людям никакого вреда. Пока все ратники были живы.

– Эх, жаль, бинокля нет, – пожаловался Забубенный, – рассмотреть бы все поближе.

– Зачем тебе эта бинокля, – удивился Егорша, – итак хорошо все видать. Солнце у нас за спиной, аккурат в глаза их солдатам светит. Все как на ладони.

Егорша вытянул вперед руку.

– Смотри, вон три тевтонца на левой башне, арбалет заряжают. Сейчас пальнут. Еще пятеро венгров в правой с мечами да луками. На стене не больше дюжины воинов, тех да других. А сколько в крайней большой башне, правда, отсюда не видать. Глухая она, зубцы мощные. Но, думаю и там пяток душ, не больше.

Егорша помолчал, что-то прикидывая в уме. Над его головой просвистела стрела, звонко стукнув о камень, переломилась. Видно тевтонцы на левой башне зарядили свой арбалет.

– Ворота, конечно, хорошо, – высказался, наконец, командир спецназа, – только и мы, может, на что сгодимся. Мои ребята страсть как любят лазать по отвесным стенам. Осмотреться бы. Вдруг, да найдется лазейка.

– Ну, ты осматривайся, – подытожил механик, отползая за бугор, – а я начну пока. Пристреляюсь.

Он спустился с холма и крикнул.

– Заряжай ребяташки, наводи на дверку, что между башнями.

Обслуга завозила, подтаскивая первый камень к орудию. Егорша, между тем, кликнул пятерых ратников, и, приблизившись к Забубенному, сообщил.

– Григорий, ну так я пойду. Прогуляюсь вокруг замка.

Забубенный, уже увлеченный процессом, кивнул.

– Иди, прогуляйся. Только смотри на монгольский разъезд случайно с той стороны не нарвись, а то еще пришибут по случайности, за тевтонцев примут.

– Не бойсь. Не пришибут, – успокоил его Егорша, исчезая за холмом.

– Только ты не долго, – крикнул ему вслед Григорий, – вдруг понадобится.

– Я мигом! – раздалось уже из-за холма.

Механик-новатор Григорий Забубенный, закончив первую грубую настройку орудия, решил сделать пробный выстрел, чтобы подправить прицел, если понадобится.

– Давай, родная! – крикнул он, махнув рукой своим артиллеристам.

Орудие качнулось и, разогнувшись, выбросило снаряд вверх, в сторону замка. Быстро пролетев положенные триста метров камень врезался в левую башню, на которой сидели тевтонцы с арбалетом, выцеливая кого-нибудь из людей Забубенного. Удар оказался неслабым и пришелся под самый зубец башни. Зубец был не очень массивным, от удара он треснул, и, покачнувшись, словно гнилой зуб, разломился на две половины. Отвалившийся кусок рухнул вниз, а вместе с ним рухнул и один из тевтонцев, выронив из рук меч.

Когда его тело, в белом балахоне, развевавшемся на ветру, долетело до земли, то звук падения и удар железа о камни услышал даже Григорий на своей позиции.

– Молодцы, артиллеристы, – похвалил он своих солдат, – неплохо для начала. Один ноль.

Второй камень, пущенный орудием системы «Забубенный», ушел выше стены, но к удивлению главного механика и канонира по-совместительству, вызвал гораздо больше разрушений. Перемахнув через стену, камень упал на крышу какой-то хозяйственной постройки. Судя по грохоту обрушившихся перекрытий, воплям людей и ржанию коней, это была конюшня. Почти сразу вслед за выстрелом в замке раздался звук рога. Защитники готовились к осаде, решив, что монголы, скоро пойдут на приступ.

Но Забубенный так не думал. Он видел, как замелькали на стенах красные накидки венгерских солдат вперемешку с белыми плащами тевтонцев, но не обратил на эту суету

особого внимания. Он-то на приступ пока не собирался. Минимум, пару часов решил посвятить бомбардировке ворот. Готового тарана у Каюка пока не имелось, Григорий уточнял. Стругали сейчас нукеры какую-то исполинскую деревяшку, но когда закончат, это еще вопрос. Хотя, Каюк велел закончить таран к вечеру.

На случай совместной вылазки тевтонцев и людей местного жупана, желающих уничтожить камнеметное орудие, добрая сотня монгольских нукеров сидела в седлах в ближайшем лесу. Если что, подоспеют вовремя. Да и своих людей хватало. У орудия, не считая десятка артиллеристов, обреталась без дела чертова дюжина черниговских спецназовцев и бродники. А потому Григорий методично продолжал покрикивать на свою команду и настраивать прицел.

– Ниже бери, – приказал механик заряжающим, – надо в ворота попасть.

Однако, несмотря на все усилия, третий камень с чавканьем угодил в правую башню, поколебав ее, но не разрушив. На этот раз никто из оборонявшихся не упал в ров, только несколько кусков отвалилось от башни и просыпалось вниз.

Четвертый камень улетел в молоко. Точнее в пропасть, что виднелась справа от замка, вызвав там небольшой камнепад, который был абсолютно бесполезен. И только с пятой попытки подручным Кара-Чулмуса удалось таки попасть в ворота. Точнее в поднятый мост, который эти ворота прикрывал. Раздался страшный треск, но ничего не произошло. На атакованных бревнах осталась лишь глубокая вмятина.

– Ничего, – подбодрил канониров Забубенный, – лиха беда начала. Давай следующий.

Но шестой камень опять улетел в пропасть. Еще два угодили в левую башню у ворот, подровняв там два зубца и расплющив одного тевтонского арбалетчика. Девятый попал в стену, отколов от нее кусок. И только десятый снова попал в поднятый мост, вышибив, наконец, сразу два бревна одновременно, словно кегли в боулинге. Бревна были центральными, так что в мосту образовалась приличная дыра прямо посередине, сквозь которую теперь просвечивали массивные, окованные железными пластинами ворота замка.

Второй час бомбардировки был на исходе. Механик захотел есть, но перерыва на обед, похоже, не полагалось. Каюк ждал результатов. А наблюдательный механик, не мог не заметить, что только каждый пятый камень, выпущенный его чудо-машиной, попадал точно в цель. Вырисовывалась определенная закономерность, согласно которой он должен был разломать поднятый мост не раньше, чем еще через два часа. А потом приняться за сами ворота. Сколько времени уйдет на них и что вообще останется от замка кроме ворот за это время, – было непонятно. Хотя, до темноты могли успеть. Вот только штурмовать тогда придется ночью. Но Григорий уже втянулся и не думал о последствиях.

– Заряжай! – крикнул он, закончив подсчеты.

В этот момент из-за холма появился взмыленный Егорша сотоварищи.

– Григорий, – окликнул он командира, – погоди камни швырять. Разговор есть.

Глава десятая. Ночной штурм

После короткого совещания с начальником черниговского спецназа Забубенный узнал, что левая крайняя башня, самая близкая к лесу, была довольно хлипкой. Недавней кладки, но строили впопыхах, торопились. А потому если по ней крепко приложить то, может рухнуть быстрее, чем стена. Но Егорша не требовал обрушить всю башню. Достаточно было перенести огонь на нее и заставить тевтонцев понервничать. Подумать, что монголы изменили направление главного удара и собираются штурмовать стену рядом с башней.

– Ты мне, главное, башню расшевели да вмятин в стене наделай, чтобы было за что цепляться, – уговаривал главного канонира Егорша, – Даже если и не рухнет, то камней в ров накидаешь. Все легче. А к вечеру...

Егорша наклонился к Забубенному и заговорил заговорщическим шепотом.

– А к вечеру снова на ворота перекинешься и будешь долбить их, покуда не рухнут. Тевтонцы решат, что надули их, засомневаются. К воротам обратно побегут. А я тем

временем, башенку-то захвачу да засяду там. Подходы уже посмотрел, валежника, ров закидать, наготовил на всякий случай.

Забубенный включил свой внутренний калькулятор и прикинул время, необходимое на выполнение задачи.

– А ну как не захватишь, а я время профукаю, да камни закончатся? – посомневался Забубенный, – Каюк меня не поймет.

– Не бойсь, Григорий, – успокоил его начальник спецназа, – на стену я подымусь, башню захвачу. Вот потом надо бы тебе уже ворота развалить, да монголам внутрь ворваться. Я, конечно, отвлеку рыцарей на себя и продержусь чуток, но не знаю, смогу ли всю ночь там провести, если у тебя заминка выйдет.

– Ладно, – созрел Забубенный, – бери всех своих молодцев и двигай к башне. С Каюком я договорюсь.

Черниговцы, скучавшие без дела при орудии, быстро собрались и ушли по краю леса со своим командиром. Условившись с Егоршей о начале операции и сигналах, Григорий кликнул почтового нукера и на словах объяснил ему новый план штурма. Нукер ускакал в штаб, но быстро вернулся. К удивлению Забубенного, Каюк план отвлекающего маневра полностью одобрил. Монголы вообще ценили инициативу на поле боя и всякие военные хитрости. И даже при железной субординации командирам давали полную свободу действий, а также возможность ввязываться в любые мелкие авантюры, если это не мешало основному ходу сражения. У каждого была поставленная четкая цель, а каким маневром он добивался ее выполнения, генеральный штаб не волновало. Главное, чтоб добивался. Да и ответственности за инициативу с Забубенного никто не снимал. И он это тоже понимал. Куда же он с подводной лодки денется.

Поэтому, решившись, Забубенный велел немедленно переставить орудие. И взять на прицел дальнюю башню. Канониры подивились – ворота-то были еще целехонькие – но, надо так надо. И взялись за перестановку камнеметной машины. Глядя, как корячатся его верные помощники, Забубенный подумал о том, что на досуге надо будет заняться усовершенствованием трансмиссии. Ибо развернуться на месте, без помощи массы народа, машина была неспособна. Но, несмотря на эти мелкие трудности, спустя короткое время орудие уже смотрело в нужную сторону.

– Давай, – снова махнул рукой Забубенный, и первые камни полетели в дальнюю башню.

Как и предполагал прозорливый Егорша, защитники озадачились. На стенах засуетились красно-белые плащи. Но, Григорий, не обращая на это внимание, продолжал бомбить башню и прилегающий к ней кусок стены.

Его камни с громким уханьем врезались в крепость и кромсали стены, корежа и расшатывая кладку. Башня и правда оказалась хлипкой. После трех попаданий приблизительно в одно и то же место – удивительная меткость выстрелов, после которых Забубенный в тайне даже загордился своим детищем – от башни отвалился целый кусок, обнажив ее внутренности – лестницу и часть этажа с арсеналом. А следующий камень – невероятно – артиллеристы умудрились вогнать прямо в пролом, из которого тут же раздались вопли раздавленных людей, а с другой стороны в башне обнаружилась небольшая сквозная дыра.

– Молодец, Иван! – похвалил главного канонира Забубенный, – выживем, награжу похански.

– Нема делов! – бодро ответил тот.

Однако скоро методичный обстрел был неожиданно остановлен. Уязвленные тем, что их арбалетчики ведут постоянный огонь по позициям нападавших, но так никого и не смогли серьезно зацепить, а сами несут потери от противника, который еще даже не пошел на штурм, осажденные решились на отчаянную вылазку. Григорий услышал лязг и скрип опускаемого моста и, обернувшись на звук, увидел как, балансируя надо рвом, по крайним уцелевшим балкам моста выбегают из замка воины. В первой волне Забубенный насчитал

человек двадцать – дюжина разъяренных венгров и пять пеших тевтонских рыцарей в плащах с черными крестами. Арбалетный огонь со стен усилился, стрелы зажужжали с удвоенной силой.

Григорий напрягся и осмотрелся по сторонам. Черниговцы с Егоршей далеко, ждут сигнала. Людей у него самого осталось немного. А бежать венграм от силы четыре сотни метров, треть из которых они уже преодолели в страстном желании заставить замолчать эту машину, которая своими камнями уже разнесла им половину замка. Забубенный потрогал свой кадык, отгоняя совсем свежие неприятные воспоминания. А венгры, размахивая мечами, приближались.

Но, к счастью, Каюк не хотел лишиться своей единственной камнеметной машины. Он ее слишком долго ждал. Не успели первые венгры приблизиться на сто метров к позициям артиллеристов, как из-за холма, что прикрывал со спины канониров, выскочила и рассыпалась лавой перед воротами сотня монгольских всадников. Часть из них оказалась лучинками, которые на полном скаку разили бегущих венгров стрелами. Первый ряд атакующих был мгновенно скошен. Второй остановился. Атака захлебнулась.

Оценив расстояние до позиций противника и до спасительных ворот замка, нападавшие развернулись и рванули обратно, но было поздно. Монголы уже отрезали их от стен крепости и методично насаживали на копья, несмотря на отчаянный арбалетный огонь со стен, которым пытались помочь защитники крепости. Поняв, что никто не вернется, а монголы могут ворваться на плечах рыцарей в крепость, защитники закрыли ворота и подняли мост. Оставшиеся в живых перед воротами были обречены.

Монгольские всадники закололи и столкнули в ров всех венгров и рыцарей, взяв в плен только одного, но и сами потерял почти десяток всадников. На сей раз, арбалетки отыгрались на противнике, расстреливая в упор крутившихся перед воротами всадников. Доспехи на таком расстоянии уже не спасали. Арбалетный болт пробивал их насквозь. Пустив в ответ десяток стрел по стенам, монголы ускакали, увозя с собой пленного рыцаря. Вылазка не удалась.

«Интересно, – подумал Григорий, все еще продолжая поглаживать кадык, – сколько народа осталось теперь в крепости. Человек двадцать-то положили». Но, никто ему, естественно не ответил. Оставалось ждать только результатов допроса пленного рыцаря, а в том, что результаты будут, Забубенный не сомневался. Примеры он видел своими глазами.

– Заряжай, лентяи! – крикнул Забубенный, подражая воплям Егорши, – по башне пли!

И снова камни обрушились на многострадальную угловую башню, расшатывая ее до основания. Так продолжалось почти до темноты. За это время Забубенный разрушил весь верхний этаж башни, а также измочалил прилегавшие стены. Программа-минимум была выполнена. Осмотрев запасы камней, которые таяли на глазах, Забубенный послал бродников собирать все подходящие боеприпасы по окрестностям и вновь перенес огонь на ворота. Когда первый камень ударил в расшатанный остов подъемного моста, Григорий велел стоявшему рядом ратнику послать зажигательную стрелу в небо. Это был сигнал.

Тотчас в наступающих сумерках из леса выбежала дюжина спецназовцев и, побросав вязанки хвороста в ров, попрыгала вслед за ними. Затем в небо взметнулись крюки, зацепившись за многочисленные изъёмы полуразрушенной стены. И безмолвные тени стали карабкаться вверх. Когда их заметили осажденные, так долго боявшиеся высунуть голову из-за зубцов благодаря обстрелу Забубенного, было уже поздно.

Словно неизвестные Егорше ниндзи, черниговские спецназовцы взобрались на стену, и, лихо перемахнув через зубцы, быстро разобрались с двумя часовыми. Их трупы скинули в ров. Покончив с охранниками, Егорша обернулся на раздавшийся справа шум. Это начал обстрел Забубенный, который, окончательно разрушив подъемный мост, взялся теперь за ворота осажденного замка. Камни ударялись в препятствие гулко и часто, производя если не разгром, то приличный грохот, отвлекая внимание от миссии Егорши. У ворот сейчас суежились несколько человек в венгерских одеждах и один тевтонский арбалетчик. Но никто пока не обратил внимания на странные тени, сновавшие рядом с угловой башней. С другой

стороны у башни тоже никого не оказалось, видно последняя вылазка дорого обошлась защитникам замка.

– Отлично, – проговорил в полголоса Егорша, – вперед ребятки.

Спецназовцы осторожно приблизились к пролому и главному входу в башню со стены. Прислушались. Откуда-то снизу донеслись голоса. Егорша заглянул внутрь – несмотря на темноту, сквозь пролом в помещение попадало достаточно света. В верхнем ярусе никого не было. Только пара трупов, убитых камнями, их оружие и какие-то деревянные приспособления под потолком, похожие на блоки для поднятия грузов. Веревка от них спускалась в широкий колодец, что вел куда-то вниз.

– Кузя со Степаном, Лапоть и Здоровый, оставайтесь здесь, – приказал тихим голосом Егорша, – охранять подходы.

Четверо спецназовцев молча кивнули в темноте.

– Петруха, Михась и остальные со мной, – также тихо приказал Егорша и нырнул во чрево башни. Четверо оставленных охранников вошли вслед за ними и рассредоточились у проломов на верхнем ярусе.

Неслышно спустившись по винтовой лестнице, что вела вокруг колодца, на этаж ниже, Егорша, спрятавшийся за каким-то массивным деревянным приспособлением с блоками, увидел трех венгерских солдат. Они сидели прямо на полу, усеянном грязной соломой. Рядом с головой одного из них горела лучина, разгоняя вокруг него темноту, но, заставляя ее сгущаться по углам. Солдат, облаченный в кольчугу и шлем, чистил свой меч куском ветоши. Второй воин спал, подложив под голову мешок с соломой. Третий с аппетитом жевал кусок хлеба, запивая вином из баклажки. Его шлем валялся на полу, щит и меч стояли рядом, прислоненные к стене. Время от времени пьяный вояка что-то громко выкрикивал по-венгерски и даже пытался петь. Грохот обстрела, ослабленный массивными стенами, его совершенно не беспокоил. А зря.

«Ну, с этими проблем не будет», – решил Егорша и сделал знак своим людям. Петруха выскочил из-за его спины, метнувшись к тому, кто чистил свой меч, коротким и точным движением всадил ему клинок в шею. Падая, тот свалил лучину, которая упала, рассыпавшись на сотни искр. Пьяный протрезвел, потянулся к оружию, но не успел. Второй спецназовец зарубил его таким же точным движением. Спящий вообще не проснулся.

Егорша решил двигаться еще дальше в низ, но тут вдруг заметил, что в башне начинается пожар. Искры от лучины, рассыпавшись по соломе, подожгли ее, и огонь начал быстро лизать стены и деревянные балки.

– Тушите! – крикнул своим подопечным Егорша, но в этот момент Михась упал навзничь, издав хрип и схватившись за горло из которого торчала арбалетная стрела. В башню снизу ворвался рыцарь-тевонец в полном доспехе, со щитом и булавой, в шлеме, напоминавшем ведро с прорезями для глаз. Он сходу набросился на Егоршу. Позади рыцаря виднелись еще двое тевтонцев в шлемах, кольчугах и с мечами, видно, оруженосцы. А четвертым шел арбалетчик, который убил Михася.

Но тевтонцы не знали, что черниговцев здесь не так уж и мало. Подопечные Егорши атаковали их сверху, завязался неравный бой, но в узком пространстве рыцарь имел преимущество перед легковооруженными спецназовцами. Он вращал своей смертоносной булавой так лихо, что едва не убил Егоршу после первого же выпада. Правда, преимущество длилось недолго.

Метнув нож, один из ратников убил арбалетчика, перезаряжавшего свое оружие в дальнем углу. Остальные окружили оруженосцев тевтонского рыцаря и быстро закололи. Хотя один из них, яростно защищаясь, распорол точным ударом живот Петрухе и ранил в руку другого ратника. Теперь никто не прикрывал рыцаря со спины.

Тогда тевонец, пытавшийся загнать Егоршу в угол между деревянной машиной и стеной, отвлекся ненадолго и атаковал ближайшего черниговца, зашибив его мощным и неожиданным ударом настолько быстро, что даже Егорша не успел среагировать. С рассеченной головой спецназовец рухнул на пол. Теперь на полу башни валялось уже

множество трупов, через которые приходилось переступать. А огонь все разгорался, уже цепляясь за одежду сражавшихся. Башню заволокло дымом. Нужно было что-то делать.

Разобравшись с неожиданной помехой, тевтонец вернулся к поединку с командиром спецназа. Егорша был без щита, но зато меч в руке держал крепко. Отбивать удары тяжелой булавы было трудновато, и потому он прыгал и уклонялся от ударов тевтонца. Булава рыцаря свистела над его головой, то и дело врезаясь в стену, кроша камень и дерево. Все, что попадалось под руку.

Остальные уцелевшие черниговцы не вмешивались в поединок Егорши с тевтонцем. Уничтожив помощников рыцаря, они тушили пожар и, как могли, перевязывали раненного. Двое все ж таки стояли рядом с местом поединка, на всякий случай, поглядывали за ходом сражения.

Егорша пару раз приложил рыцаря в нагрудные латы и по ногам, но пока безуспешно. Доспех был хорошо сработан искусным мастером. Это сразу было видно. Да и оружие было необычное для рыцарей. Глядя на свистевшую над ним булаву, Егорша подумал, что перед ним наверняка какой-то епископ. Ведь булава – излюбленное оружие епископов, которым господь запрещает проливать кровь. Не в силах бороться с природной страстью убивать, воинствующие епископы взяли на вооружение булаву, которой можно было превратить противника в отбивную, переломав ему все кости и лишить жизни, даже не проливая крови. И сейчас это гуманное оружие угрожало Егорше и уже порядком ему поднадоело.

Изловчившись, он отпрыгнул поближе к деревянной машине с блоками и веревками. Судя по всему, она предназначалась для поднятия каких-то тяжестей. У командира спецназовцев возникла идея. Тевтонец, преследуя его, нанес удар, но Егорша увернулся и, рука епископа, разломав несколько деревянных блоков, запуталась в веревках. Егорша выбил у епископа щит, ударил по ногам и тевтонец завалился навзничь, выронив свое смертоносное оружие. Сдернув с него шлем, Егорша увидел искаженное злобой лицо белобрысого немца. Епископ попытался подняться, но удар по голове выключил его сознание.

Егорша даже не попытался его заколоть. Вместо этого он приказал:

– Сбросьте этого гада в колодец.

Уцелевшие после схватки ратники подтащили бездыханного тевтонца к колодцу и, перевалив через край, сбросили вниз. Колодец оказался глубоким, глухой удар раздался только через несколько мгновений.

А пожар разгорелся не на шутку – искры уже вырывались наружу через бойницы и пролом. Егорша приказал своим людям.

– Вы двое, сбегайте вниз, проверьте что там.

Вернувшись, они доложили, что там выход во двор, но рядом никого нет. Дальше они не сунулись.

– Хорошо, – сказал Егорша, отдышавшись после поединка с епископом, и глядя на огонь, который уже перекинулся на деревянную конструкцию, прислушался, – Тихо. Видать у Григория камни закончились. Здесь нам оставаться нельзя, сгорим. Да и заметят скоро, если уже не засекли. А потому идем на главные ворота. Подмогнем Григорию.

У Забубенного в этот момент действительно закончились камни. Он смотрел на пожар, разгоравшийся в угловой башне, и думал о том, что все пошло не совсем так, как рассчитывали черниговцы. Огонь горел ярко и был отлично виден на фоне почерневшего небосвода. Ворота он почти проломил, в них уже виднелись бреши, но нужна была еще пара попаданий, а камни закончились. Григорий кликнул обслугу орудия и снова отправил их искать булыжники в темноте. Обстрел временно прекратился.

В наступившей тишине Григорий неожиданно услышал звон скрестившихся мечей и крики, раздававшиеся из надвратных башен. Подозревая кое-что, он кликнул монгольских нукеров с луками, приказав:

– А ну, подсветите мне ворота, не видать ничего.

Пять горящих стрел пронеслись над башнями, ненадолго осветив их. Но этого было достаточно – Григорий заметил, что в башнях идет бой. Это черниговцы, которых там никто

не ждал, неожиданно напали на охрану ворот. Бой был жестоким и коротким. Внезапность сделала свое дело. Раздался лязг цепей и скоро, на глазах изумленного механика, измочаленный мост рухнул вниз, опустившись на ров, а сильно поврежденные, но не полностью разбитые ворота замка с грохотом раскрылись сами собой. В воротах появился Егорша с факелом в руках и помахал им над головой, призывая в атаку.

Еще не веря в неожиданную победу, Забубенный послал нукера в штаб с донесением. И почти мгновенно сотня монгольских всадников пронеслась мимо позиции камнеметчиков. Григорию примерещилось, что атакой командовал сам Каюк. Ночным вихрем монголы ворвались в открытые ворота и рассеялись по двору замка, быстро уничтожив единичных защитников, еще пытавшихся сопротивляться.

Остальные, увидев, что первая линия обороны пала, укрылись в цитадели. И как ни старался Каюк пробиться, сквозь закрытые ворота его конники проходить не умели. Замок почти пал, но королева была все еще недосыгаема. И он в ярости хлестал плеткой своего коня.

Последний оплот венгров и тевтонцев выглядел внушительно, – высокие стены, бойницы по верхнему краю, а широкая плоская крыша здания была превращена в площадку для арбалетчиков, которые сейчас пускали редкие стрелы по кружившим по двору монгольским всадникам. Венчала все большая квадратная башня, где, по предположению Забубенного, и находилась сама королева.

Григорий, проникший в крепость с остатками своих камнеметчиков, решил, что осажденных осталась и вовсе горстка. Арбалетный обстрел велся вяло – жалкая попытка показать, что еще хоть кто-то остался в живых оттянуть время нового штурма. Но Каюк не хотел ждать. Он велел подтащить готовый таран и скоро монголы стали долбить ворота, нанося по ним размеренные удары. Каюк вызвал Григория и велел оставшимся черниговцам попытаться захватить цитадель. Придумать новую хитрость, не дожидаясь рассвета.

В сомнениях осматривал механик массивные стены и думал о том, что для новой бомбардировки у него нет ни камней, ни времени. Да и вести ее придется наобум, не видя цели, ведь о том, чтобы втащить орудие во двор не было и речи. Хотя, скорее всего, оно и не понадобится. Надо немного подождать, монголы со своим тараном рано или поздно раздолбают эти ворота.

– Что думаешь делать? – спросил, прячась от арбалетчиков за углом разрушенной конюшни, Забубенный у Егорши, который тяжело дышал после нескольких непрерывных схваток, из которых он вышел победившим, но изрядно потрепанным.

– А что делать, – рассудил Егорша, – надо так надо. Такая работенка у нас. Чего зря ждать.

Собрав пятерых оставшихся в живых ратников и обвешавшись веревками, он исчез в темноте, направившись в дальний конец стены, к которому примыкала еще одна массивная постройка неизвестного назначения. И очень скоро Забубенный услышал шум схватки на верхней площадке цитадели. Один за другим вниз рухнули четыре воина в тевтонских плащах, разбросав по двору мечи, щиты и арбалеты. Крики, доносившиеся оттуда, не заглушали даже удары тарана. Видно, тевтонцы понимали, что это их последняя схватка и бились насмерть. Но черниговцы дрались лучше.

И, по прошествии малого времени, Григорий услышал стук в ворота уже с другой стороны. Монголы тоже его услышали и прекратили долбить ворота, которые вдруг с натужным скрипом отворились изнутри. На пороге стоял черниговский ратник с мечом в руках.

– Пусть свободен, – выдохнул он, опершись на окровавленный клинок.

Увидев свободный проход, пешие монголы бросили таран и устремились туда, размахивая оружием.

Глава одиннадцатая. Жена императора

Через полчаса все было кончено. Спешившись и уничтожив последние очаги сопротивления в цитадели, монголы ворвались в главную башню. Забубенный бежал вместе с ними на острие атаки и успел зарубить еще одного венгра. Но когда, перебив последних рыцарей и открыв настежь двери на самом верхнем этаже, опьяненные кровью солдаты ворвались в королевскую спальню, атака сама собой захлебнулась.

Посреди огромной комнаты на высоком кресле, похожем на трон, опутив голову, сидела женщина в длинном темно-синем платье, расшитом золотом. Ее черные волосы ниспадали на плечи. По стенам, как и везде в замке, горели факелы, освещая пышное убранство спальни, – шкуры на полу, головы диких зверей по стенам, огромную кровать с балдахином – и столпившихся за ней людей, видимо, слуг и служанок. Остановившиеся было на пороге монголы, вошли внутрь и обступили сидевшую в кресле женщину. Вопреки ожиданию обитателей спальни, они ничего не стали крушить.

Женщина осторожно подняла голову, словно боясь тут же получить удар в лицо, и встретила взглядом с захватчиками. Ее слуги или придворные, похоже, давно приготовились к смерти. Они стояли, как застывшие восковые фигуры, боясь шелохнуться или издать хоть малейший звук. Но один из них, дряхлый старик в одежде епископа, как показалось Забубенному, все же сделал шаг вперед и спросил по латыни, подавив приступ страха.

– Кто вы такие?

Как ни странно, Григорий его понял, ибо латынь изучал. Хоть и подзабыл основательно. Сзади послышались шаги. Воины расступились. В зал вошел Каюк, в сопровождении странно одетого человека в берете. «Толмач, – догадался Забубенный, и подумал – у них что, все переводчики одеваются по итальянской моде?».

Остановившись перед женщиной, Каюк указал на нее плеткой и, спросил, глядя в упор.

– Ты, Констанция, жена императора Фридриха?

Переводчик озвучил вопрос по-немецки. Забубенный, любивший изучать языки, понял и по-немецки, хотя это было трудно. Немецкий он учил еще в школе, в прошлой жизни.

Старый епископ неожиданно шагнул вперед и попытался закрыть собой королеву.

– Не смейте прикасаться к ней! – крикнул он.

Но монгольский хан не любил, когда его перебивали. Он сделал жест рукой и, появившийся из-за его спины воин одним ударом меча рассек епископу голову. Охнув, старик упал навзничь, забрызгав кровью подол королевского платья. Королева вскрикнула, закрыв лицо руками. Но, не упала в обморок, как ожидал Забубенный от субтильных барышень такого склада.

Каюк повторил вопрос. Женщина обреченно кивнула, не вымолвив ни звука.

– Хорошо, – сказал Каюк, – Тогда готовься. На рассвете ты поедешь с нами.

И подмигнул Забубенному, мол «Молодец, артиллерист. Хорошо сделал дело. Теперь – жди ханской награды». Григорий из вежливости тоже улыбнулся, но как-то криво. Странное дело, пока он рвался сюда, то думал только о боевой задаче. Как разрушить стену, да как проникнуть в замок. И вот теперь она выполнена на все сто. Констанция в руках монголов. Но Григорий отчего-то не испытывал большой радости. Чувство сродни жалости к этой женщине шевельнулось у него в груди. Сидела себе спокойно в замке, а тут на тебе – налетели монголы и увозят куда-то в плен, из которого, может, и не вернешься. Жизнь разрушена. «Да, – вздохнул механик, – нелегко быть женой императора».

Констанция, похоже, тоже так думала. Хоть и в затруднительном положении, но она действительно была женой императора, а это обязывало к действиям. Сразу убивать и насиловать ее никто не собирался. Слишком дорогая добыча. И она это понимала. А потому Констанция, тряхнув волосами, словно как-нибудь цыганка, подняла голову и смело взглянула на низкорослого монгольского хана, который без лошади не казался ей сейчас таким грозным.

– Вы монголы? – спросила она дрожащим голосом, проявив осведомленность в делах, – Зачем я вам нужна?

Но Каюк не вдавался в сантименты и лишних слов произносить не собирался. Видимо, его никто и не уполномочил вести переговоры. Да и какие тут переговоры. Всех, кто не согласен с правом монголов забирать все, что им нравится, уже убили. Добыча попалась, дело сделано. Оставалось только вывезти эту важную персону в безопасное место. А потому Каюк ответил просто.

– Скоро ты все узнаешь.

Констанция замерла в ожидании. Но Каюк больше ей ничего не объяснил. Ни, кто ее захватил, хотя она и догадывалась, ни куда ее увезут. Полная неизвестность. Между тем, решив, что он наговорил достаточно, Каюк велел всем выйти из спальни, кроме пятерых солдат, а затем покинул покои королевы сам, сделав знак Григорию последовать за собой.

Спустившись на один пролет по каменной лестнице, сплошь усеянной трупами тевтонцев, монгольский хан остановился и неожиданно сказал Забубенному:

– Я покидаю замок. Войска короля Андрея приближаются, и я должен остановить их.

– Так почему не уехать прямо сейчас, – высказал предложение механик, – успеем доскакать до переправы, а там и до лагеря недалеко.

Хотя механик-чародей дико устал и хотел есть, но готов был терпеть. Попасть в лапы к венграм не входило в его планы.

– Сейчас нельзя. Ночью опасно, можем попасть в ловушку и потерять все, – ответил Каюк, – Ты остаешься здесь. Я задержу венгров и вернусь на рассвете. С тобой в замке останется Хулачу и пятьдесят человек. Остальные уйдут со мной.

Забубенный напряженно слушал, пытаясь понять, куда клонит хитрый Каюк.

– Ты, Кара-Чулмус, остаешься командовать обороной замка и до рассвета отвечаешь за пленную королеву.

Забубенный остолбенел.

– Я отвечаю за королеву? Но лучше назначить старшим Хулачу-хана, он ведь опытный боец.

– Так хотел Субурхан.

На это Забубенный не нашел возражений. А Каюк продолжил:

– На рассвете, если я не вернусь, вы с Хулачу увезете королеву и будете пробиваться в ставку Субурхана. Я отправлю гонца, и вам на встречу вышлют отряд.

– Это, конечно, хорошо, – пробормотал Забубенный, – но, лучше бы нам уехать сейчас. От греха подальше.

Каюк прищурился и Григорий понял, что настаивать бесполезно. Монголы, ребята упертые. Если не хотят уезжать, ни за что не выгонишь раньше времени.

– А что с остальными делать, если тебя на рассвете не будет? – уже смирившись со своей судьбой, без энтузиазма уточнил Забубенный.

Ответ его потряс, хотя и был ожидаем.

– Нам нужна только она, Кара-Чулмус, – отрезал Каюк и зашагал вниз по лестнице. – Я сообщу Хулачу о своем решении.

Григорий понял его правильно – всех остальных следовало убить. Забубенный пригорюнился. «Да, приехал отсидеться по-тихому в осадном обозе, – отчитал себя еще раз механик за принятое решение, – подальше от великокняжеских разборок, а теперь разбирайся с этой международной обстановкой. Ну, Субурхан, собака. Политик чертов!»

Механик был крепко обижен поворотом событий, но, делать было нечего. Для начала нужно выбраться из этого замка, подальше от разъяренных венгров, а там будет легче.

Успокоив себя таким образом, Забубенный отправился обратно в спальню к королеве. Ему захотелось познакомиться с Констанцией, пользуясь случаем. Ведь по прибытию в лагерь Субурхана вряд ли его к ней допустят. Не того полета птица. Неизвестно, куда потом денет эту Констанцию монгольский хан. Может в наложницы, а может, использует как разменную монету в политических играх патриотов. Ему же, простому механику, еще никогда в жизни не приходилось видеть вблизи жену императора, да не простого, а Священной Римской Империи, как с вызовом именовал свою Германию и еще несколько

мелких вассальных княжеств ее муж Фридрих Второй.

Но не успел Забубенный сделать пять шагов по лестнице, как его нагнал Хулачу-хан. Вид у него был недовольный.

– Что мне делать, Кара-Чулмус? – задал он вопрос своему неожиданному начальнику.

Григорий озадачился – трудно быть командиром, если ты вообще не хотел воевать. А здесь, на войне, все от тебя чего-то хотят. Некогда расслабиться. Особенно, находясь почти в окружении.

– Ну, возьми своих ребят и отправляйся на стены, – с большим трудом сформулировал первый приказ Григорий, – закройте ворота, на всякий случай, чтобы никто не проскользнул. Они еще крепкие, я их не до конца разбил. И оставайтесь там до утра, пока Каюк не придет.

– Мы хотим разграбить замок, – намекнул хитрый Хулачу, – как победители. Кара-Чулмус разрешит?

– Грабьте, – махнул рукой Забубенный, – только сначала пожар в башне потушите. Мне нужен пяток нукеров для охраны императорских покоев. Я оставлю тех, что уже в спальне.

Хулачу ухмыльнулся, стегнул себя плеткой по сапогу и отправился выполнять указания нового начальника. А Григорий, наконец, взбежал по лестнице и появился на пороге спальни.

Картина здесь почти не изменилась. У окна, дверей и выхода на балкон стояли монгольские нукеры, гипнотизируя пленников тяжелыми взглядами. Королева сидела в своем кресле, закрыв глаза и сложив руки, видимо, молилась за упокой души епископа, плававшего в луже собственной крови. Остальные придворные прятались за балдахином бесконечной кровати.

Глядя на все это, Григорий как-то не отважился завязать знакомство с королевой и направился мимо всех на балкон, выходящий во двор замка. Надо было успокоиться. Лучше бы выпить.

Эта мысль не дала ему дойти до балкона. Забубенный остановился на полпути, обернулся и вдруг громко спросил, как умел, по-латыни, обращаясь к слугам, прятавшимся за королевской кроватью.

– Тут у вас водка есть? – потом поправился, попеняв на свою забывчивость, – Ну, или вино. Белое, хотя можно и красное.

Григорий помолчал в ожидании ответа.

– Портвейн, может быть?

Ответом ему была гробовая тишина. Видимо, механик говорил с акцентом или слово «портвейн» на латынь переводилось как-то иначе. Тогда Григорий повернул голову и – о радость – увидел в углу спальни на изящном резном столике хрустальный графин с какой-то красной жидкостью. Рядом стоял бокал. Решив, что он на верном пути, механик подошел к графину и, отгоня мысли о яде, который могли подсыпать оккупантам, отпил из горлышка. На вкус оказалось хорошее красное вино.

– Ну вот. На «Киндзмараули» похоже. А говорите, нет ничего, – впервые с начала штурма обрадовался Забубенный и мечтательно добавил вслух по-русски, – Эх, еще бы поесть чего-нибудь...

Королева вздрогнула при этих словах, но механик не заметил. Искать еду он не стал. И так был доволен. Взяв графин и бокал, он удалился на балкон. Очутившись на свежем воздухе, Забубенный поставил графин на массивную ограду широкого балкона. Затем налил себе бокал и выпил его залпом. За упокой души погибших черниговцев. Потом налил второй и, чуть помедлив, тоже выпил. Налил третий, и, на сей раз, решил подождать. Впитать уже принятое. Тем более, что приятное тепло быстро разливалось по груди, снимая стресс.

Григорий окинул взглядом захваченный замок. Ворота были уже закрыты. А вот угловая башня еще горела, тушить ее никто не спешил. Зато в отсветах догорающего пожарища были видны немногочисленные монголы, которые суеились во дворе, вытаскивая из главного жилого здания все, что нашли, – одежду, оружие, какую-то утварь. «И куда они все это денут, если придется улепетывать, – отстраненно подумал Григорий, потягивая

вино, – с обозом-то венгры враз догонят».

В этот момент захмелевший механик услышал позади какой-то шум. Обернувшись, он, к своему удивлению, увидел королеву, которая прорывалась на балкон, а двое дюжих монгольских охранников отталкивали ее копьями. Королева что-то говорила по-немецки, видно, просила пропустить, но монголы в языках были не сильны. Помнили только приказание: никуда ее из спальни не пущать. Даже на балкон. Вдруг выбросится. Григорий удивился. Потерявшая надежду королева вдруг ожила и стремилась начать какие-то переговоры.

– Эй, ребятки, пропустите ее! – крикнул механик, – я за ней тут прослежу. Не дам спрыгнуть.

Монголы расступились. Констанция ворвалась на балкон, но тут же резко остановилась, присматриваясь к Забубенному, на котором была сильно потерянная воинская одежда, да кольчуга сверху.

Механик-чародей тоже присмотрелся к жене императора Фридриха. Темновато здесь было. Но даже в отсветах пожара и неверного света, что лился от факелов из спальни, было видно, что Констанция недурна собой, хотя и не первой молодости. На вид жена Фридриха была лет на десять старше Забубенного, но стати ей было не занимать. Все-таки королева – неограниченная возможность занятий фитнесом и правильное питание делали свое дело. Эта женщина вполне могла называться красоткой. Даже свободное платье не могло скрыть приличных размеров грудь, талия была на месте, а длинные черные волосы до плеч, обрамлявшие слегка вытянутое лицо с горящими глазами, придавали ей сходство с испанкой, во всяком случае, в представлении просвещенного механика. «Похожа на Пенелопу Круз, – как-то вдруг неожиданно для себя отметил он сходство Констанции с известной актрисой из прошлой жизни, – только постарше чуток».

Констанция сделала шаг на середину балкона и неожиданно тихо спросила на знакомом наречии:

– Ты русич?

Забубенный едва не выронил бокал – королева вполне сносно говорила по-русски. Григорий от удивления еле нашел силы вымолвить в ответ:

– Вроде, да.

Констанция сделала еще шаг навстречу механику и тихо, чтобы не слышала монгольская охрана за спиной, произнесла:

– Спаси меня! Или возьми в плен и отвези к своему князю на Русь.

Забубенный не верил своим ушам. Он даже потер их на всякий случай и ущипнул себя за мочку, вдруг слуховые галлюцинации начались, – столько всего за один день приключилось. Но что-то подсказывало ему, что он все правильно понял. «Взять в плен?». Эта странная королева отлично говорила по-русски, а еще по-немецки, по-венгерски и на латыни. Возможно, знала и еще какой-нибудь язык. Фридрих, похоже, не препятствовал просвещению женщин в своем доме.

– Вы хорошо говорите на моем языке, – промямлил Забубенный, – но вы и так в плену у монгольского хана Каюка. А я лишь его подчиненный.

Констанция вдруг рухнула на колени посреди балкона, склонив голову. Забубенный вздрогнул, уронил-таки бокал. Тот улетел вниз и со звоном разбился о камни.

– Не отдавай меня монголам, воин, – шепотом проговорила женщина, – Я этого не переживу.

Похоже, она была готова на все, только бы не попасть в лапы к Субурхану. Вся ее королевская гордость улетучилась. Перед Забубенным сейчас была просто женщина в отчаянии. Видно, монголы вызывали у нее такой ужас, перед которым все остальное меркло. Но и в отчаянии она была красивой. Волосы разметались по плечам. Грудь под платьем часто вздымалась, словно ей не хватало воздуха.

«Жалко бабенку, – как-то отстранено подумал Григорий, глядя на стоявшую перед ним на коленях королеву и постепенно отходя от первого культурного шока, – столько знатных

мужиков за ней охотится. Но я-то что могу сделать? Я же не князь».

Тем не менее, подчиняясь какому-то неожиданному порыву, он протянул руку и погладил Констанцию по волосам. Женщина вздрогнула. А Григорий вдруг обошел ее и, войдя в спальню, приказал охранникам.

– Уведите всех отсюда и сами встаньте снаружи.

Монголы повиновались. Все-таки Григорий был здесь старшим. Они вытолкали из помещения всех придворных, среди которых Григорий заметил еще несколько красоток. А сами заняли пост снаружи, перед закрытыми дверями. Уволокли монголы также и труп епископа, оставив лишь кровавые следы на полу. В спальне воцарилась нервная тишина.

Услышав шум, Констанция вернулась с балкона. Она остановилась, увидев кровавые разводы на каменном полу, но желание спастись захватило ее целиком. Она готова была ради этого на все. Словно обезумев, королева шагнула к Забубенному, который в замешательстве стоял перед огромной кроватью, и толкнула его на необъятное ложе.

До рассвета, до решения ее судьбы, оставалось немного. А женщина – хитрое существо. Тем более императрица. Но все эти доводы как-то вдруг перестали волновать Забубенного. Он отступил перед неистовым напором этой женщины.

Стянув с себя кольчугу, Григорий сбросил исподнее и взялся за королевское платье. Но тут его ждало неожиданное препятствие. Древние модельеры шили на совесть и явно не рассчитывали на быстрое сближение кавалера с дамой, без всяких прелюдий. Тем более механика с королевой.

Минут десять Забубенный доставал королеву из платья. Такого количества завязок он в своей жизни ни разу не видел. Современные ему в прошлом платья и мини-юбки были, конечно, гораздо проще, но зато практичней. Раз и готово. А тут пока доберешься до предмета желаний, весь запал пропадет.

Но, не прошел. Неожиданный предмет желаний сам набросился на Григория с такой страстью, словно много лет не видел мужчин. «Да, – пронеслось в голове у механика, – жены императоров тоже бывают несчастными. Видно, не балует ее Фридрих вниманием».

Забыв обо всем, они предавались страсти. Долго. Невзирая на ветер, гулявший по обширной спальне, следящие за ними со стен глаза мертвых животных, и метавшееся пламя факелов. Они барахтались в разных углах бесконечной кровати, бились о высокую резную спинку и колонны, державшие балдахин, рискуя их сломать. Однажды даже скатились на ковер, но не могли остановиться. Пока оба не изнемогли от усталости и не расцепились, нырнув под мягкое меховое покрывало и откинувшись на подушки.

Забубенный был потрясен. Вот это женщина. Теперь он понятия не имел, что делать дальше. Ему было так хорошо, что он даже и думать не хотел о будущем. Лежал, поглаживая прильнувшую к нему Констанцию, которая мягко обвила его руку своими, не желая выпускать. Но первый луч солнца, проникший сквозь растворенные двери балкона, вернул Григория к действительности.

Наваждение скоро закончится. Быстро и жестоко. Эту женщину надо отдать, да еще и самому доставить Субурхану. Но это было уже невозможно. Просто невыносимо. Несмотря ни на что.

– Ты горячая, – проговорил впечатленный механик, – как настоящая испанка.

– А я и есть испанка, – томно прошептала Констанция, – я дочь короля Арагона Альфонсо Второго.

«Значит, предчувствие меня не обмануло, – подумал расслабленный механик, – все-таки испанка. С испанками у меня впервые». Но почему-то Забубенного волновало сейчас не ее происхождение.

– Твой отец альфонс? – удивился механик.

– Так его нарекли, – спокойно ответила Констанция, – и его отец тоже Альфонсо.

– Бывает же, – только и произнес механик.

– А почему ты здесь в Венгрии? – спросил Забубенный. – И почему венгры защищали тебя вместе с тевтонцами. Мне казалось, они не большие друзья.

Констанция вздохнула. Этот вопрос вернул ее с небес на землю и превратил из обжигающей любовницы снова в обычную королеву.

– Я была женой Эммериха, предыдущего короля Венгрии. Он погиб. Но я недолго была вдовой. Римский папа выдал меня замуж за молодого Фридриха, желая укрепить свою власть, но прогадал.

– Молодого? – удивился Забубенный.

– Это было давно, – усмехнулась Констанция, поцеловав механика в плечо и посмотрев ему в глаза, – пятнадцать лет назад. Вы с Фридрихом почти ровесники. А я старше его на целых десять лет.

Забубенный взглянул на лежавшую рядом женщину. Она была красивой и опытной. Да еще женой императора. Слишком опасное сочетание.

– Я здесь по делам Фридриха. А венгерский король Андрей – мой родственник. Он дал мне приют, но потом решил взять меня в заложницы. Так его научил римский папа, который поссорился с Фридрихом. Я недавно узнала об этом, из письма магистра тевтонцев, который служит моему мужу.

Констанция помолчала, поглаживая руку механика.

– Но пока Андрей не прибыл сам, он велел своим людям охранять меня. Тогда Великий Магистр Герман фон Зальц прислал отряд рыцарей, чтобы для вида усилить охрану, а на самом деле побыстрее вывезти меня из Венгрии на побережье, где в безопасном месте ждет галера. Я ждала только предводителя тевтонцев с главным отрядом, чтобы отправиться в путь. Но он не приехал, зато появились вы. Вот солдатам Андрея и тевтонцам и пришлось сражаться вместе против общих врагов.

«Господи, – с каким-то отчаянием подумал Забубенный, – ну почему все всегда происходит из-за женщин, либо из-за денег? Или из-за того и другого вместе».

Григорий пригорюнился, разглядывая сначала разгоравшийся рассвет за окном, а потом закрытые двери. Перед ним встал жестокий выбор. Теперь из этой спальни у него было только два пути. Первый – все-таки отдать Констанцию Субурхану. Но, если она расскажет великому монголу об этой ночи, то Забубенный не жилец. Субурхан не простит измены. Но и Констанция тоже его не простит. Не тот характер. Если он теперь отдаст ее монголам, она молчать не будет, в этом Забубенный не сомневался. Да и не мог он, как честный человек, уже так поступить. Отдать свою женщину другому – Забубенный так не умел. Не важно, чья она там жена, но хоть и недолго, Констанция была его женщиной.

Значит надо помочь ей бежать. Только как? Да и что будет с ним самим тогда?

– Фридрих меня не любит, – вкрадчиво произнесла Констанция, – но наградит тебя, если ты меня спасешь. Даст тебе все, что захочешь, воин.

Забубенный напрягся. Вспыхнула недавняя обида на Субурхана. Вспомнилась далекая Русь. Душа разрывалась на части.

– Как тебя зовут? – Констанция положила ему голову на грудь. Механик вдохнул запах ее волос.

– Григорий, – ответил он, вздохнув, – но не воин я, а механик.

Констанцию это не смутило. Она подняла голову и поцеловала его в губы.

– Фридрих любит механиков, – сказала Констанция и вдруг прошептала, понизив голос, – здесь есть подземный ход, Грегор.

Глава двенадцатая. Обратной дороги нет

Забубенный привстал на локтях. Кровь застучала у него в висках. И вдруг он понял. Поздно. Теперь у него не было выбора. Отдать Констанцию монголам он не мог, а это означало, что и вернуться на Русь он тоже не мог. Во всяком случае, прямо сейчас. Ибо, что бы там не случилось дальше, а сейчас он должен был помочь ей бежать. И сам бежать вместе с ней. Пока не вернулся Каюк. А там все как-нибудь устроится.

Забубенный вскочил. Натянул одежду, кольчугу, пристегнул меч.

– Где ход?

Констанция подалась вперед. В ее глазах появилась надежда.

– Здесь в подвале. В этой башне.

– А ключ?

– Спрятан в шкатулке.

– Одевайся, – приказал механик королеве, – и достань ключ.

Констанция подчинилась, выскользнула из-под мехов, которыми укрывалась, и быстрыми шажками босиком направилась к своему платью, которое валялось в углу спальни. Там, где они его бросили. Увидев обнаженную фигуру, Григорий даже замешкался, в голову полезли мысли совсем не по делу. Но, взяв в руки платье, Констанция замерла. Подняла на Забубенного озадаченный взгляд.

– Мне нужны фрейлины, чтобы одеться, – вдруг сказала она, – сама я не смогу.

Забубенный поверил, вспомнив свою недавнюю борьбу с этим платьем.

– Тебе нужны не фрейлины, – вдруг сказал он, – а другая одежда. В таком платье далеко не убежишь. Лучше какие-нибудь лохмотья. Есть что-нибудь подходящее?

Констанция озадачилась еще больше.

– У меня нет лохмотьев, – разочарованно сказала она, поеживаясь, – ведь я жена императора, ты забыл?

– Почти, – пробормотал механик, отводя взгляд от обнаженной красавицы, которая в задумчивости стояла посреди спальни, размышляя о том, что ей надеть даже за полчаса до возможной гибели, – только одежду все равно надо сменить. Надень платье служанки.

– Что ты задумал, Грегор? – поинтересовалась Констанция.

– Пока еще сам не знаю, – ответил Забубенный, – надо придумать, как избавиться от охраны. Главное, чтобы Хулачу раньше времени ничего не заподозрил. Ладно, залезь пока в постель. Я позову служанок.

Замерзшая жена императора нырнула под шкуры. Но беспокойство ее не покидало.

Выйдя на балкон, Забубенный осмотрелся. Ворота закрыты. Пожар в угловой башне стих. Монголы Хулачу-хана патрулировали стены и двор. Стояли на краю площадки, которую только вчера вечером отвоевал Егорша со своими орлами. Григорий попытался разглядеть, что творится в недалеком селении Печ, но там все было тихо. Никаких вооруженных отрядов пока не появилось. Ни монгольских, ни венгерских. Забубенный вернулся в спальню. Констанция смотрела выжидательно.

– Как ты узнала о подземном ходе? – К механику, волей неволей, вернулся ненадолго трезвый рассудок, – туда легко подобраться?

– Этот замок строили тевтонцы, когда пытались закрепиться на этой земле, – сообщила Констанция, – потом его отдали венграм, но секрет хода сохранили. Великий магистр тевтонцев прислал мне ключ от тайной двери, словно знал, что придется воспользоваться.

– Догадливый, – кивнул Григорий.

– За первой дверью еще три двери. Две ложных, а одна настоящая. Ход начинается сразу за ней и ведет под стенами и лесом на берег реки.

– Ход узкий? – поинтересовался механик.

– Я знаю о подземелье только со слов магистра, – ответила жена императора, – сама я туда никогда не опускалась.

– Ладно, попробемся, а что потом? – не удержался Забубенный. – Ты знаешь дорогу? Куда бежать? Да и лошадей нет.

Констанция помолчала, но недолго. Посмотрела на Григория, словно рублем подарила.

– Нам надо только выбраться из замка, Грегор, – сказала Констанция, слегка потряхнув волосами, – а недалеко отсюда, почти сразу за лесом, стоит имение Шубичей. Это друзья. Они помогут. Дадут лошадей. Проводят до побережья.

Забубенный направился к двери, подумав о том, что это имение Каюк мог давно сжечь, но другого плана не было.

– Среди моих слуг есть двое пажей, – вдруг добавила она, – обученных искусству

метать ножи. Они могут тебе пригодиться.

– Как их зовут? – механик остановился у самых дверей. У него уже созрел план.

– Иблио и Гюнтер, духовные сыновья покойного епископа, – королева перекрестилась, – но они не знают твоего языка. Позови их, если сможешь, вместе с фрейлинами, Изабеллой и Агнессой. Я сама сообщу им все.

Забубенный толкнул ногой дверь. Трое монголов стояли у дверей, двое в конце пролета на лестнице. А между ними сидели едва живые от страха семь человек – пять женщин и два худощавых подростка.

– Кто из вас Изабелла, – спросил Забубенный по латыни, в надежде, что его поймут, – и кто Агнесса?

Его поняли. Две девушки поднялись с холодных ступеней. Обе были в дорогих платьях, сразу видно, что не крестьянки, и обе красавицы. Одна блондинка, с длинными волосами, украшенными золотистым гребнем. Другая шатенка, невысокая, но статная девушка. Обе держались гордо, несмотря на свое положение.

Забубенный толкнул дверь и жестом указал внутрь. Девушки осторожно поднялись. Оглядываясь на монгольских солдат, вошли в спальню. Забубенный продолжил допрос.

– Иблио и Гюнтер, – проговорил он громко, указав на ту же дверь.

Пажи, пройдя между монголами, последовали внутрь.

– А этих, – приказал Забубенный двум монголам с лестницы, указав на оставшихся девушек, одетых попроще, – отвести вниз и ждать там.

Девушки, не поняли ни слова по-монгольски, но затрепетали. Уж больно грозен был Забубенный. Монголы ожили, и, подтолкнув копьями пленниц, повели вниз, надеясь, что им дадут разрешение позабавиться с теми напоследок.

Тут механик заметил двух черниговцев из отряда Егорши. Они молча подпирали стену, ожидая выхода механика. Один из них был с мечом, другой с арбалетом.

– А где Егорша? – спросил Забубенный, только сейчас вспомнивший, что не видел командира черниговского спецназа со вчерашнего вечера.

– В башню ушел оружие диковинное смотреть, – ответил один из ратников, – велел нам тут тебя дожидаться.

– Дай-ка мне свой самострел, – сказал Забубенный, – он мне может пригодиться. А вы оба идите к воротам, скажите, что я вас прислал на усиление. И передайте Каюку, что сам скоро буду.

Черниговцы подивились странному приказанию, на воротах народу хватало и без них, но подчинились. Приказ есть приказ. Перед дверями в спальню осталось только двое монголов, вооруженных копьями и щитами. Глядя в спины спускавшихся по лестнице черниговцев, Григорий подумал, что больше может с Егоршей и не увидеться.

Когда Забубенный вернулся в спальню, Констанция уже все рассказала своим придворным. Обе фрейлины с опасением, но и с надеждой посмотрели на механика. Но Констанция потратила время не только на рассказы. За ее огромной постелью, обнаружилась комнатка для прислуги, которой надлежало все время быть рядом. Там хранилась и одежда служанок. Ее личные наряды, как выяснилось, занимали целый этаж в башне, но этот этаж располагался ниже. «Впрочем, – решил Забубенный, – это только на руку».

Констанция с помощью Изабеллы и Агнессы уже почти переделалась в зеленое платье, попроще. Это, конечно, тоже был не спортивный костюм – в нем Констанция походила на жену обедневшего купца, но и не расшитое золотом чудо, в котором от нее за версту веяло королевским величием. В таком виде она могла затеряться среди других женщин.

– Фрейлинам тоже надо сменить имидж, – приказал Григорий, глядя на их дорогие платья, – пусть переоденутся крестьянками.

Когда Констанция перевела девушкам, что им придется расстаться со своими нарядами, Изабелла, скорчила недовольную гримасу и тряхнула своими золотыми волосами так, что гребень едва не вылетел из ее прически.

– И побыстрее, – приказал Забубенный, – время не ждет.

Придворные красавицы нехотя подчинились, удалившись в комнату прислуги, и стали с отвращением копаться в дешевых вещах.

– Ключ нашелся? – спросил механик.

Жена императора сняла с шеи довольно массивный ключ, висевший на золотой цепочке. Механик одобрительно кивнул.

– Эти отроки, – продолжал раздавать указания Забубенный, став поневоле снова командиром отряда, – Они действительно умеют кидать ножи?

Констанция перевела вопрос. Худощавые и белобрысые немецкие отроки молча кивнули.

– А ножи-то есть? – уточнил дотошный механик.

Отроки, наклонившись, вынули по тонкому стилету из своих высоких башмаков.

– Хитро, – кивнул Забубенный, а про себя подумал: «Интересно, кто же их научил? Надо будет держать ухо востро с этими отроками. А то пырнут в спину, и поминай, как звали». Вслух же сказал:

– Я выхожу первым и убиваю охранников у дверей. Дальше мы быстро спускаемся вниз и расправляемся там с оставшимися тремя солдатами. Я стреляю из арбалета. Вы метаете в них ножи. Надеюсь, попадете. И до рукопашной не дойдет. Другого шанса у нас не будет. Все понятно?

Констанция прошептала им что-то по-немецки. Отроки кивнули. В глазах у них появился нездоровый блеск. «Да они маму родную прирежут ради королевы, – подумал Григорий, – а, если придется, то и меня заодно». Эти отроки все меньше нравились Григорию, но делать было нечего.

Во дворе послышался стук лошадиных копыт. Одним прыжком Забубенный выскочил на балкон. Через открытые ворота в замок въезжал монгольский отряд. Изрядно потрепанный, но человек пятьдесят еще в нем насчитывалось. Впереди всех на скакуне восседал хан Каюк. «Все, – взял себя в руки Забубенный, – момент настал».

Он поднял свой заряженный арбалет, стоявший в углу спальни. Взял его в одну руку. Оружие было не из легких, но далеко носить его механик и не собирался. Во вторую руку он взял арбалет черниговского ратника. И, приблизившись, толкнул дверь.

Перед ним возникли две широкие спины в кожаных доспехах. Но убивать монголов в спину Забубенный не стал. Это было подло.

– Эй! – крикнул он негромко, и когда удивленные нукеры обернулись, спустил курки. Выронив из рук копья и щиты, мертвые нукеры повалились на каменные ступени. Путь был свободен.

Но Григорий не торопился бежать. На глазах у изумленных немецких отроков он перезарядил арбалеты, мысленно молясь о том, чтобы охранники снизу не заподозрили ничего в услышанных звуках, и, только после этого кивнул всем, кто был в спальне, задержавшись глазами на Констанции:

– Пошли!

Небольшой отряд с мятежным механиком во главе и отроками за его спиной осторожно направился вниз. Миновав три пролета, Забубенный увидел остальных пленных женщин из свиты Констанции. Они стояли в углу, напротив главного входа в башню. А за их спинами виднелась какая-то дверь, ведущая, видимо, в подземелье. Рядом расположились монголы, пожиравшие похотливыми взглядами пленниц. Есть ли кто-нибудь еще в дверях, Григорий сверху не видел, но особого шума пока не было. Значит, Каюк и Хулачу обмениваются информацией. Но это не надолго. Надо спешить. Иначе, скоро здесь будет очень многолюдно. Каюк придет за своей добычей.

И Забубенный спустил курок первого арбалета. Ближний монгол рухнул со стрелой в бок. Увидев Забубенного с арбалетами на перевес, другие монгольские нукеры среагировали быстро, но не мгновенно. Один поднял щит и спасся, арбалетный болт завяз в нем. А другого поразил метким броском один из отроков. Брошенный стилет вонзился в шею дюжему воину, умертвив мгновенно.

Но один охранник был еще жив. Он опустил щит и метнул копье в сторону нападавших. Григорий увернулся, бросив ненужные арбалеты на пол. Копье, прошив тело насквозь, пригвоздило к стене отрока. Кажется, это был Гюнтер. Из-за спины раздался женский крик, но механик не оглядывался, выхватив меч. Однако сразиться в рукопашную не пришлось. Иблио метнул свой стилет и последний монгольский воин, также пораженный в узкую щель между доспехом и шлемом, упал замертво. С охранниками было покончено.

Забубенный прыгнул вниз. Три освобожденные девушки в ужасе отпрянули от него, прильнув к стенам. Но Григорию некогда было их успокаивать. Он метнулся к массивной двери, что вела из башни наружу и дальше, через освещенный факелами коридор. У дверей никого, в коридоре тоже. Но в дальнем конце, за поворотом, слышны шаги. Вот-вот кто-то появится. Механик подналег и стал закрывать полуоткрытую дверь в башню. Она была тяжелой, но подалась. Рядом возник отрок Иблио и помог механику. Когда Григорий уже почти затворил дверь, в узкий просвет между ней и косяком он увидел, как в коридор, освещенный неровным светом факелов, вошел хан Каюк и десяток нукеров следом. Они сразу поняли, что дело не ладно, – дверь не могла быть закрыта. Нукеры рванулись бегом вперед, сдергивая луки, но механик успел задвинуть железный засов раньше. С той стороны в тяжелую дверь гулко вонзились две стрелы.

– Поздно, братцы, – сказал Григорий, обернулся к Констанции и сгрудившимся за ее спиной девушкам, бросил, – где дверь? Вон та?

Констанция обернулась на тяжелую дверь за своей спиной, но отрицательно мотнула головой.

– Нет, вот эта, – она указала на небольшую, едва заметную дверцу, обшитую деревянными планками, прямо под лестницей. Дверь почти сливалась со стеной, не привлекая внимания.

В этот момент монголы забарабанили во входную.

– Эй, открывай! Кто там засел? Сейчас всех разорвем!

– Доберитесь сначала, – тихо проговорил себе под нос Григорий, в душе радуясь, что при штурме эта дверь уцелела, и повернулся к своей любовнице, – давай ключ!

Констанция сняла с шеи ключ на золотой цепочке, протянула Григорию. Механик взял его, подивившись странной форме, и попытался вставить в отверстие. Ключ был действительно странный. Точнее, на первый взгляд, это было два ключа на одном шестке. Один имел почти крестообразное жало, другой острое, треугольное, с насечками, похожее на наконечник копья. При желании таким ключом можно было легко выколоть кому-нибудь глаз. «Неудобно, наверное, такой ключик на груди носить, – подумал Забубенный, ныряя под лестницу и тщетно пытаясь рассмотреть форму входного отверстия замка. Ближайший факел мерцал в дальнем углу башни, а здесь под лестницей царил полумрак.

Крики монголов с той стороны усилились. И вдруг что-то сильно ударило во входную дверь, едва не сорвав ее с петель. «А проход широкий, – промелькнуло в мозгу механика лихорадочное соображение, – Неужели они смогли втащить сюда таран или бревном стараться?

А ключ все не вставлялся. Ерзал, царапал, но не входил. Следующий удар заставил дверь затрещать. Однако после третьей попытки механик все же вставил ключ и с нажимом провернул три раза. Толкнул дверь. Она подалась. Без скрипа. Пахло сыростью и могильным холодом. Словно Забубенный открыл дверь в позабытый склеп. «И куда интересно на самом деле ведет этот ход?», – засомневался механик, однако новый удар во входную дверь, едва не расколовший ее пополам, заставил впечатлительного чародея позабыть о клаустрофобии. Монголы были страшнее вампиров.

Григорий внезапно рванулся назад и сорвал со стены единственный горевший факел. Осветил вход, за которым открылась небольшая комнатка и узкая лестница, каменные ступени которой уходили вниз, в темноту.

– Заходите, – приказал механик столпившимся перед входом женщинам, – Быстрее! Только тихо, не дышать.

Первой, нагнувшись, вошла Констанция, как и подобает. За ней, робея и дрожа от страха, фрейлины, а потом все остальные. Последним в небольшую дверку проскользнул великий механик, прикрыв ее за собой. К его удивлению, на двери оказалась защелка. И дверь отгородила их от внешнего мира, закрывшись сама собой. «Хорошие все-таки у немцев механики, умеют замки делать, – мысленно похвалил Забубенный коллег из Германии, – но, что будет дальше, черт побери». Последнее он сказал зря, – факел мигнул так, что чуть не погас.

Григорий приказал себе не вспоминать никакой чертовщины, пока не выберется наружу. Но это было легче сказать, чем сделать. Подземелье, в котором они оказались, представляло собой небольшую мрачную круглую комнатку с каменными стенами и тремя дверями, где едва поместились девять, нет уже восемь, человек. Несчастного Гюнтера оставили на лестнице умирать, несмотря на причитания фрейлин, – монгольское копье рассекло ему все внутренности и вышло из поясицы. Он был уже не жилец. А подземелье было точно таким, как и описывала Констанция. Если не считать затхлости воздуха и шороха потревоженных крыс. Значит, не соврал магистр. Да и зачем ему врать жене своего хозяина.

Забубенный прошелся вдоль дверей с факелом. Посмотрел на Констанцию.

– Какая же из них?

Жена императора пожала плечами. А Григорий походя отметил что в свете факела, даже в этих «обносках», Констанция была чудо как хороша. Ее волосы свободно ниспадали на плечи. А глаза горели каким-то демоническим огнем, словно она совсем не боялась подземелий. Механик даже чуточку озадачился, но, убрав факел от ее лица, успокоился. Никаких зеленых точек вместо глаз во тьме он не увидел.

Начать решил с левой двери. Григорий передал факел Иблию, а сам сосредоточился на замке. Но, едва он попытался вставить ключ другой острой стороной, как снаружи послышался страшный грохот – монголы выбили входную дверь и проникли в башню. Их подкованные сапоги застучали по каменной лестнице. К счастью никто не обратил внимания на маленькую дверку под ней. Пока. Надо спешить. Совсем скоро Каюк узнает, что королевы нет в замке. Ох, как он расстроится. И горе тому, кто подвернется под его горячую монгольскую руку.

Забубенный вставил ключ, но тот отказывался повернуться. Тогда механик перешел ко второй, покрытой плесенью, двери. Тот же результат. А в третью замочную скважину ключ отказался проникать вообще. Не подошел.

Механик растеряно посмотрел на Констанцию, затем на фрейлин, настороженно озиравшихся по сторонам и вздрагивавших при каждом шорохе. Девушки из прислуги держались спокойней, хотя им тоже не доставляло удовольствия лазать по мрачным подземельям и пугать крыс.

Григорий почесал голову. Подбодрил сам себя, – «Думай, механик, думай!». И вдруг придумал. Он перевернул ключ обратной стороной, и ключ вошел в замок. Щелчок. Дверь подалась. «Как все просто, – обрадовался механик, – такой же замок. Неужели немецким механикам лень было сделать что-нибудь позакovskyристей для такого случая?». Но в душе он был рад, что так быстро разобрался с этой дверью, за которой начинался подземный ход. Как он думал.

На самом деле, спустившись, на сей раз первым по узкому каменному коридору, Григорий через десять шагов обнаружил еще одну дверь. «Просто «Форт Байярд» какой-то, – раздосадовано подумал механик-чародей, – не хватает еще загадок в каждой комнате».

Но загадок не было, а новая дверь была. Кроме того, шедший последним отрок Иблию машинально закрыл за собой дверь и в тишине раздался характерный щелчок. Это означало, что теперь они заперты здесь, ибо двери открывались только с одной стороны. С обратной просто не было отверстий под ключ. Дорога в один конец. Механик это заметил еще в первой комнате, а вот Иблию нет.

Последние неясные звуки, доносившиеся снаружи, пропали. Теперь их точно никто не найдет. Но и сами они обратные тоже не смогут вернуться. Едва не выругавшись, Забубенный

приказал Иблию приблизиться с факелом. Затем нагнулся, и в мерцающем свете стал прилаживать ключ в имевшееся отверстие сначала одной стороной, потом другой. Почему-то не получалось. Ключ или не входил, или входил криво и не поворачивался. Провозившись так довольно долго, механик в отчаянии обернулся к Констанции и спросил:

– У тебя другого ключа нет?

Та отрицательно махнула головой.

– Может тут замок сменили на новый? – разочарованно протянул механик, но замок был старый. Родной. Ржавый. Только не хотел открываться. Но, взяв себя в руки и приглядевшись, Забубенный вдруг заметил насечки на краю треугольной головки ключа и такие же на одной из сторон замочной скважины. Приложил и они сошлись. Ключ проник внутрь, повернулся со звонким щелчком.

«Механики хреновы, – не сдержался Забубенный, вытирая пот со лба, – фашисты проклятые. Насечек понаделали». Отдышавшись, он взял факел из рук Иблию, толкнул дверь и осторожно шагнул во мрак, звонко стукнув ножами меча о косяк.

За дверью снова оказалась лестница, ведущая еще на один уровень вниз, но никаких новых дверей больше не было видно. Григорий потрогал стены, присмотрелся. Стены были добротные, выложенные камнем. Почти не обрушенные. Сразу было видно, что подземный ход строился на совесть и содержался в чистоте. Он был невысок, но и не заставлял пока сгибаться в три погибели. Забубенный сейчас стоял почти в полный рост, лишь слегка наклонив голову. Но это пока... Механик посветил вперед и смог разглядеть метров пятьдесят дороги, а дальше ход поворачивал в сторону.

– Ну, что барышни, – вздохнул Забубенный, – пошли. А то факел, не ровен час, погаснет.

И двинулся по проходу первым.

Глава тринадцатая. В подземельях замка

Метров сто он прошагал свободно, всматриваясь себе под ноги, затем каменный коридор повернул влево и пошел вниз. Пока что нигде особенно не сужаясь. Шагая под уклон, Забубенный то и дело останавливался и смотрел назад, не потерялся ли кто. Но Констанция и ее придворные бодро вышагивали вслед за механиком, как за путеводной звездой, боясь отстать даже на один на лишний шаг. Никто не хотел остаться в темноте. Особенно немецкий отрок Иблию, шедший замыкающим группы.

Фрейлины, подобрав подолы, передвигались в неестественных позах по подземному коридору, не понимая, кто вообще может пользоваться такими неудобными ходами, да еще без дневного освещения. Они с диким ужасом смотрели на щербатые стены, из которых то и дело вылезали корни деревьев, проросшие сквозь каменную кладку. Часто попадались норы, из которых выскакивали потревоженные мыши. К счастью, более крупных грызунов пока не встречалось.

Один раз Григорий даже вынужден был остановиться, поскольку услышал дикий вопль позади себя – это Агнесса увидела вылезавшую из щели мышь и свалилась в обморок. «Нашла время, – раздосадовано подумал Забубенный, вынужденный вернуться назад и осветить факелом место событий». Мышь, испугавшаяся не меньше Агнессы, уже испарилась в неизвестном направлении. Но фрейлина еще долго отказывалась идти дальше, пока Григорий не прикрикнул на нее и не погрозил кулаком. А Констанцию попросил перевести ей, чтобы Агнесса больше и не думала падать в обморок, если не хочет остаться здесь навечно. Ибо факел уже начинает гаснуть. И если притормаживать у каждой мышиной норки, его надолго не хватит. Только после этого бледная как мел Агнесса, согласилась идти дальше. Изабелла не так боялась мышей, за что Григорий был ей сейчас благодарен.

Что касается девушек из прислуги, то они шли в хвосте колонны и видели ровно половину того, что видели идущие сразу за факелоносцем Забубенным, а потому вели себя спокойней. Незнание – залог спокойствия.

Учитывая все это, Григорий не стал поднимать лишнего шума, когда увидел мирно ползущую змею. Почуввав свет, она попыталась скрыться, но каменная кладка помешала ей сразу улизнуть, а нора была, видно, далеко. Поскольку, направление движения колонны беглецов совпадало со змеиным, что-то надо было предпринять. Это был все-таки не уж, а настоящая гадюка. Мало ли что взбредет ей на ум. Это была ее территория. Не теряя времени, механик вытащил меч и разрубил ее пополам. А потом рубанул еще раз и отсек голову, откинув носком ботинка в сторонку. Но барышни, заинтригованные сверкнувшим в свете факела мечом, все же рассмотрели нашинкованную змею. Тихо обменялись мнениями по-немецки за спиной напряженно слушающего механика. Но, к счастью никто не упал в обморок. Может, змей они боялись меньше, чем мышей. А может быть, на всех хорошо подействовал инструктаж Агнессы.

По ощущениям Григория они уже прошли метров семьсот. Когда ход, после очередного поворота, опять пошел вниз, механик забеспокоился. «Он что, к центру земли ведет, что ли», – озадаченно подумал Григорий, а вслух спросил у Констанции:

– Какой длины ход? Долго еще идти?

Сама замученная этим затянувшимся походом по подземелью, Констанция отвела рукой со лба свисавшую прядь волос и, посмотрев на него, извиняющимся тоном пробормотала:

– Я не знаю точно. Он должен выходить на берегу реки.

Григорий пошел дальше, напрягая память. Реку он видел при осаде замка. Она протекала как раз на полверсты левее крепостной стены. Значит, они уже могли быть где-то под ней. Или совсем близко от выхода. Но вот делала река там поворот, огибая стену, или нет, он не знал. Но, прикинув угол наклона подземного хода и пройденное расстояние, Забубенный пришел к интересному выводу. Похоже, что этот ход, как питерское метро, проложен ниже уровня реки. Немецкие строители не торопились, работали на совесть. «Интересно, – подумалось вдруг Забубенному, – а тевтонцы потом этих строителей здесь же и похоронили для сохранения секретности, как их эсэсовские потомки, или все же отпустили, просто отрезав языки?».

Словно в подтверждение его мрачных мыслей, ход вдруг немного расширился, и свет факела выхватил два скелета, прикованные цепями к стене. На них висели какие-то обрывки истлевшей одежды. Констанция вздрогнула. Фрейлины тоже, схватившись за руки. Служанки даже вскрикнули, в страхе отведя глаза от скелетов. А Забубенный подумал: «Нет, это не строители. Вдвоем они такой ход не смогли бы осилить». И тут ему в голову пришла логичная мысль.

– Послушай, Констанция, – спросил он у внезапно побледневшей жены императора, – а вашей королевской семье не пропадали случайно претенденты на престол?

Констанция озабоченно молчала.

– Не исчезали ближайшие родственники, братья или сестры, неугодные Фридриху или папе римскому? – продолжал допытываться любознательный механик.

– Нет, – ответила, наконец, бледная Констанция, – разве что, три года назад в этих местах на охоте пропала жена герцога Рейнского и его молодой оруженосец. Их так и не смогли найти...

Григорий еще раз осмотрел скелеты. Вдруг на одном из них блеснула тусклым золотом цепь. Механик поднес потрескивающий факел поближе, и теперь стал виден золотой медальон с каким-то крупным камнем гранатового цвета в центре, окруженным камешками помельче.

– Дорогая, должно быть, штучка. Смотри, как играет, – сказал механик, разглядывая медальон, и резюмировал, – сдается мне, что мы нашли жену герцога и его молодого оруженосца.

И, в подтверждение своих слов, он пнул валявшийся под ногами кинжал в дорогах ножнах с богатой ручкой из слоновой кости.

– Зуб даю, они были любовниками, – добавил Григорий, глядя в глаза Констанции, – а

герцог их застал на месте преступления. Ну а дальше все просто. Оба пропали на охоте. Так часто случается с любовниками.

Жена императора отвела глаза, случайно скользнула взглядом по скелетам и невольно вздрогнула.

– Ладно, – закончил разговор Забубенный, – пора идти дальше. Время не ждет. А украшения, думаю, оставим владельцам. Я же не расхититель гробниц.

Пройдя еще метров пятьдесят, Забубенный вдруг услышал какой-то неясный гул. Затем, наступив на камень, он качнулся и случайно оперся рукой о кладку стены – по камням сочилась вода. Забубенный посветил под ноги – повсюду блестели мелкие лужицы. И в довершение наблюдений на факел упала крупная капля, заставив его шипеть и чадить.

– Елы-палы, – произнес по-русски механик, – ну точно, мы под самой рекой.

Спутникам можно было это не переводить. Они и сами все прекрасно видели. Забубенный пошел дальше, стремясь миновать это мокрое место быстрее. И наступил на длинный и скользкий хвост. К счастью, крыса его не укусила. Взвизгнув, убежала. Григорий с омерзением взмахнул чающим факелом – из-под ног с писком разбежались крысы. Штук пять. Целое семейство.

– Черт побери, – не выдержал Забубенный, – какая мерзость.

Но, обернувшись назад, предупредил:

– Сохраняем спокойствие! С крысами я разберусь.

И достав меч, чтобы барышням было видно, Григорий стал размахивать им перед собой и продвигаться вперед. Мерзкие твари, почуяв людей, уже разбежались по норам. Лишь пара грызунов, недовольных вторжением в свои подземные владения, еще шастала далеко впереди.

Миновав речку, подземный ход пошел вверх. Но, к ужасу механика, уже привыкшего передвигаться относительно прямо, стал стремительно сужаться. И, метров через сто превратился почти в нору, по которой на карачках полз великий механик с готовым потухнуть факелом. За ним, сохраняя молчание, ползла Констанция, и, проклиная все на свете, фрейлины императрицы. Острые камни и корни цеплялись за их платья, нанося им непоправимый урон. Кроме того, в подземелье стало гораздо грязнее, не говоря уж о всепроникающей сырости.

– Я этого не вынесу, Агнесса! – донеслось до Забубенного сдавленное шипение Изабеллы.

– Это отвратительно! – вторила ей сама Агнесса, карабкаясь вверх.

Григорий не был уверен в точности перевода, но, судя по тону, фрейлины явно были недовольны путешествием. Особенно крысами. Констанция, между тем, проявляла стойкость, хотя Забубенный чувствовал ее страх и отвращение. Но сан не позволял ей жаловаться на глазах у подчиненных, даже в полумраке. Ее служанки тоже жаловались на судьбу – их причитания доносились иногда до ползущего в голове колонны механика. О чем думал Иблию, Григорию было все равно. Зато всем было ради чего терпеть, на другом конце туннеля их ждала свобода.

Беглецы проползли так еще метров тридцать, и вдруг Забубенный уткнулся в деревянный люк, очень похожий на крышку от бочки. Он положил факел рядом, чтобы попытаться рассмотреть препятствие и найти щель для ключа, если понадобится, но факел внезапно потух, скатившись в лужу. Общий стон пронесся по подземелью.

– Спокойно! – крикнул Забубенный, – мы уже почти на поверхности.

«Хотя, какое, к черту, спокойствие, – выругался он про себя, – страшно, аж жуть».

Но помирать было рановато. Они прошли почти весь ход и должны были находиться недалеко от выхода. Забубенный боялся только одного – новых шуток тевтонских строителей с ключами. Поскольку без факела подбирать варианты было довольно трудно.

– Грегор, – позвала его Констанция, – что с нами будет?

– Все будет хорошо, – успокоил ее механик, ощупывая в темноте отсыревшие доски. – Кстати, давно хотел тебя спросить, где ты так научилась говорить по-русски?

Забубенный навалился плечом и подтолкнул крышку – безрезультатно. Она не двигалась. Либо там впереди был завал, либо здесь тоже требовался ключ. Механик опустил руку ниже, и его пальцы нащупали прорезь, укрепленную металлом. Отлично.

– Когда я жила с Эммерихом здесь в Венгрии, – донеслось до него сзади, – к нашему двору часто приезжали послы из русских княжеств. Да и многие наши дворяне были женаты на русских – дочерях князей Волыни и Галиции, даже Киева. Я часто разговаривала с ними, мне было интересно.

Механик достал ключ и с третьего раза воткнул его в отверстие нужным концом.

– Однажды к нам приезжал сам князь Даниил.

Забубенный вздрогнул, услышав знакомое имя.

– А он тебе, часом, не родственник?

Ненадолго повисло молчание. Констанция что-то поправляла в одежде.

– Нет, – послышалось, наконец.

– Слава Богу, – выдохнул Забубенный и повернул ключ.

К удивлению механика, ключ провернулся легко, невзирая на то, что этим замком вряд ли пользовались каждый день. Забубенный толкнул крышку, и она открылась наружу, освобождая проход. Кроме того, механику, замученному темнотой, вдруг померещился свет впереди. Он потер глаза, подождал немного, но свет не исчезал. Трудно было определить расстояние, но он виднелся примерно метрах в десяти и падал откуда-то сверху.

– Есть проход! – крикнул Забубенный, обернувшись назад.

По подземелью пронесся громкий вздох облегчения. Григорий прополз вперед пару метров и обнаружил, что находится в каком-то отстойнике. Это была не то комната, не то широкая яма, прикрытая со всех сторон земляными стенами. И только впереди и сверху виднелось что-то похожее на отдушину. Здесь уже можно было даже привстать. Что и сделал механик.

Обернувшись, он подал руку Констанции, вытащив ее из подземного лаза. Жена императора была вся перемазанна грязью. Платье порвано в нескольких местах. Длинные волосы слиплись сосульками. Ее никто не отличил бы сейчас от последней пастушки. Но Григория это не волновало. Он, пользуясь редкой возможностью, притянул к себе Констанцию и поцеловал в губы. Она ответила, но потом резко оттолкнула его – из открытого лаза, шурша оборванным платьем, вылезала Изабелла.

Механик вернулся к своим обязанностям героя и проводника. Он сделал несколько шагов вперед, приблизившись к светлому пятну. Когда глаза привыкли, Григорий смог рассмотреть свисавшие сверху корни огромного дерева, сквозь которые пробивался дневной свет.

Раздвинув корни, Забубенный осторожно вылез на свет божий. Осмотрелся. Подземный ход из замка выходил в глубокий овраг, поросший со всех сторон высокими деревьями, которые перекрывали обзор. Было тихо. И лишь с одной стороны доносился знакомый шум – там протекала река. Близко. Метров двести, не больше.

– Вот она, свобода, – сказал Григорий, глядя на трепетавшие от ветерка листья деревьев, и вдохнул полной грудью.

– Можно вылезать, моя королева, – добавил он, заметив выжидательный взгляд Констанции, – здесь пока тихо.

И механик помог ей вылезти из спасительной норы. А затем – фрейлинам и служанкам. Пролезать между корней в своих длинных платьях им было нелегко. Изорвались они в конце. Забубенный еле сдерживал смех, глядя на это чумазую компанию придворных императора Священной Римской Империи, которые в своих лохмотьях напоминали ему сейчас группу профессиональных свинопасов. Впрочем, для беглецов это было даже хорошо.

Забубенный испытал настоящее наслаждение, когда, выбравшись наружу, Изабелла осмотрела свой наряд и едва не упала в обморок. А ее подруга Агнесса все-таки упала. «Слабенькие они какие, – сочувственно подумал Забубенный, глядя как расперевживались фрейлины, – подумаешь, шмотки извозюкали. Главное, живы. Пока».

Констанция, похоже, разделяла настроения Забубенного. Она вырвалась из замка и была этому рада. Но они еще были в опасности.

Пока фрейлины и другие члены отряда чихали с непривычки, дыша свежим воздухом, и приходили в себя после длинного путешествия по темному подземелью, Григорий осторожно, словно всю жизнь ходил в разведку через линию фронта, выполз на холм. Осмотрелся. Раздвинув ветки деревьев Забубенный увидел, что они действительно миновали речку подземным путем. А теперь находились в надежно скрытом от посторонних глаз овраге. Отсюда был виден не только высокий берег реки, но и сам замок вдалеке. И то, что там происходило, заставило Григория удивиться.

Ворота в замок были закрыты. На другом берегу среди деревьев мелькали красно-зеленые куртки всадников, ничем не напоминавшие монгольские. Судя по всему, венгры успели подойти гораздо раньше, чем на то рассчитывал Каюк. Или это был еще один отряд, о котором он не знал. В любом случае военное счастье временно изменило монголам. Но Забубенный думал не об этом. Он ясно представил себе, как бесится хан Каюк, обнаружив внезапное исчезновение главной цели похода – Констанции со всеми остатками плененного двора. А если прибавить сюда исчезновение главного лица, отвечавшего за ее сохранность, то настроение хана никак нельзя было бы описать без применения крепких древнерусских выражений. Ведь отсутствие главного механика и пять трупов монгольских солдат недвусмысленно свидетельствовало о том, что королеве кто-то помог бежать. В этой ситуации окружение замка венграми – это мелочь, ерунда, которая вряд ли сильно расстроила привычного к сражениям хана. Как-нибудь пробьется или погибнет. Этого он вряд ли боялся, а вот не выполнить волю Субурхана...

Забубенный вспомнил про две банки сгущенки и альбом группы «Аукцион» из прошлой жизни под названием «Как я стал предателем». Вдохнул и посмотрел в другую сторону. Там, сразу за оврагом, начинался довольно густой лес. Возможно, замок друзей Констанции находился сразу за этим лесом, но Григорий сомневался в его сохранности, зная привычку монголов уничтожать все, что может служить оборонительными сооружениями для врага в радиусе нескольких верст от осажденного замка. Но выбирать было особенно не из чего. Назад нельзя. Только вперед. К побережью.

Механик вернулся и рассказал Констанции о том, что вокруг замка появились венгерские солдаты. Жена Фридрих помрачнела.

– Надо спешить. Я не хочу попасть в лапы к королю Андрею.

– Ну, – вздохнул Григорий, – надо, так надо. Тогда пошли.

И обернувшись к Иблию, который вымазался в грязи не меньше фрейлин и походил сейчас на монаха-отшельника благодаря своей худобе, добавил:

– Идем тем же порядком, ты замыкающий. Быть начеку.

Констанция перевела слова Забубенного на немецкий. Иблию кивнул, невольно потянувшись за ножом, который успел перед спуском в подземелье вынуть из шеи мертвого монгола, протереть и засунуть обратно за отворот высокого ботинка. Видно, немецкие отроки без ножа на улице не выходят. А королевские пажи и подавно.

– И фрейлинам скажи, чтобы не отставали, – враг близко.

Жена императора перевела все сказанное фрейлинам. На лицах красоток появилась гримаса страдания. Они никогда в своей жизни не ходили пешком так долго, да еще по лесам. Да еще в таком непотребном виде, без макияжа и причесок. Это было ужасно, говорили их кислые лица. Но механик был суров и непреклонен. Иначе сейчас не выжить. Сама же Констанция переносила тяготы и лишения довольно стойко, Забубенный даже втайне восхищался такой неприхотливостью жены императора, привыкшей к роскоши. Видно, бывали в ее судьбе и трудные времена. Или ради достижения цели она готова была вытерпеть что угодно.

Что будет после достижения этой цели, механик старался пока не думать. Что будет, то и будет. Пока они не далеко ушли от замка, можно было и не загадывать.

Первым покинув овраг Забубенный, короткими перебежками, озираясь, миновал

небольшое открытое пространство и нырнул под спасительную лесную тень. За ним открытое место преодолела Констанция, потом фрейлины и все остальные. Иблио, озираясь, последним оказался в лесу. К счастью, со стороны реки эта поляна перекрывалась деревьями, окружавшими овраг, и венгры с другого берега реки их увидеть не могли.

Поджидая, пока все соберутся, механик-чародей всмотрелся в окружающий лес. Это была, конечно, не беловежская пуца, где можно заблудиться, но для предгорий вполне приличный лес. Невысокие кряжистые ели росли вперемежку с редкими лиственными деревцами, названия которых Забубенный не знал. Не ботаник все-таки. Да это было и не важно. Главное – лес был достаточно густой, чтобы можно было скрытно передвигаться.

– Далеко до твоих Шубичей-то? – спросил дотошный механик.

– Замок должен быть сразу за лесом, – ответила Констанция, – но пешком я туда никогда не ходила.

– Догадываюсь, – кивнул Забубенный, – а лес-то большой?

Констанция пожала плечами.

– Понятно. Тогда пошли, – закончил разговор Григорий, вставая.

Небольшой отряд под предводительством беглого русского механика Григория Забубенного углубился в лес. Несмотря на реальную опасность погони со стороны венгров или даже монголов, шли они довольно медленно. Как ни старался механик войти в походный ритм, о котором помнил еще с прошлой жизни, когда лазил по горам с рюкзаком, ничего не получалось. Фрейлины – это не туристы. Они требовали постоянных остановок, и Забубенный вынужден был их делать. Иначе барышни грозили устроить истерику, а кричать на них было бесполезно. «Где бы раздобыть лошадей? – думал раздраженный механик, – а то мы так не только до побережья не дойдем, а скоро вообще костями ляжем, не увидев даже долгожданных Шубичей».

И механик, скрепя сердце, каждый раз уговаривал фрейлин последовать примеру своей королевы и крепиться, чтобы пройти еще немножко. Но скоро и «железная» Констанция начала сдавать, скрывать усталость у нее больше не было сил. А склон, по которому они поднимались, становился все круче. Найденная тропа шла вверх.

К счастью, часа через четыре отряд беглецов вышел на вершину холма, откуда открывался великолепный вид на простиравшуюся внизу долину. Там было довольно живописно – зеленый еловый океан опоясывал желтые горы, уходившие за горизонт. Солнце, поднявшееся уже высоко, раскалило воздух. В такое время хочется лежать в гамаке в теничке и пить сок. Но до этого было еще далеко.

«Там, наверное, уже Хорватия, – прикинул Забубенный, глядя на горизонт, и пытаюсь увидеть море, – а за ней и Далмация, о которой говорил фон Штир и Констанция. Интересно, сколько дней идти до этой чертовой галеры, и дождется ли она нас?».

Опустив взгляд, у подножия холма обрадованный Григорий разглядел небольшой замок, точнее имение, состоявшее из огороженного каменной стеной большого дома и каких-то хозяйственных построек. Вилла Шубичей выглядела вполне привлекательно для уставшего путника. Забубенного смутил только легкий дымок и запах гари, чувствовавшийся даже здесь.

– Это оно? – уточнил Забубенный, когда уставшая Констанция поравнялась с механиком.

– Да, – кивнула она.

– Отлично, – ответил Григорий, – тогда осторожно спускаемся.

И добавил после того, как обрадованные фрейлины подняли радостный визг, словно спасение уже пришло:

– Тише вы. На территорию войдем только после разведки.

Еще часа два ушло на спуск с холма в имение Шубичей. По дороге сомнения механика относительно сохранности этого загородного дома только крепили. Запах гари становился все отчетливее. А, спустившись в долину, они обнаружили на тропе, ведущей к дому, несколько трупов.

– Это слуги из имения, – испуганно сказала Констанция, опознав их по одежде.

– Понятно, – кивнул Григорий, – я так и думал.

Разыскав глубокий овраг, он велел всем расположиться тут в сторонке, а сам послал Иблио на разведку. Велел рассмотреть, что к чему, но в бой не ввязываться. Немецкий отрок вернулся довольно скоро и подтвердил опасения прозорливого механика. Имение было сожжено, все, кто там находился, заколоты. Кем именно, Забубенный не спрашивал, и так понятно.

Он посидел в задумчивости несколько минут, под взглядами убитых этим известием фрейлин и Констанции, но потом все же принял непростое решение.

– Пошли, – сказал он. – Надо посмотреть, может чего ценного осталось от твоих Шубичей.

Глава четырнадцатая. Рыцарь, давший обет молчания.

Ворота были открыты. Точнее выломаны. Поэтому в имение Забубенный с Иблио проникли легко. Женщины двигались сзади, на приличном расстоянии. В нос бил запах гари. Прямо на земле валялись несколько обгорелых трупов. Отовсюду еще поднимался дым пожара, хотя большой огонь уже погас. Они пришли на пепелище.

Во дворе Григорий остановился, чтобы осмотреться. Дом Шубичей был каменным, трехэтажным. Снизу кладовые, сверху два этажа с узкими, словно бойницы, окнами. Дом сильно обгорел. Дальше за ним виднелась длинная постройка с распахнутыми настежь воротами. Судя по всему, конюшня.

– Эти Шубичи, из купцов, что ли? – поинтересовался Забубенный у Констанции.

– Это была знатная и богатейшая семья Хорватии, – проговорила она очень медленно, – здесь находился только один дом из многих, которыми они владели.

– Понятно, – кивнул механик, – тогда они не сильно обеднели. Да и, может быть, спаслись. Вдруг их самих здесь не было, когда монголы напали.

Констанция показала на обгорелый труп под ногами и отшатнулась.

– Это младший из братьев, Ладислав.

– Понятно, – повторил Забубенный, – а сколько их всего было?

– Двое, второго зовут Стефан.

– Ну вот, – сказал Григорий, когда они с Иблио обследовали обгорелый дом и окрестные помещения, не обнаружив там никого больше, кроме убитых слуг, – может, хоть второй братец уцелел. Или вообще сюда не наведывался. Хорватия большая, ведь здесь только начинается. И замков у них достаточно по этим местам. Сама же говорила.

Констанция, сидевшая на поваленной и поломанной повозке, в окружении изможденных фрейлин и служанок, медленно кивнула.

– Может быть, но я видела его здесь, когда ехала в замок Печ.

– Убежал, наверное, – оптимистично предположил Забубенный, чтобы хоть как-то поднять моральный дух членов императорского двора. И добавил, сам впадая в задумчивость, – нам бы поесть чего...

Дальнейшие поиски ценных вещей преподнесли приятный сюрприз. Заглянув в конюшню, Забубенный обнаружил там целехонькую повозку с необходимой упряжью. Несмотря на бушевавший вокруг пожар она уцелела. Видно, каменная кладка конюшни не дала ей сгореть, а специально разбирать ее монголы не стали. Некогда было отвлекаться на такую ерунду. Ограничились тем, что убили всех и подожгли дом. Да и кому нужна повозка без лошадей. Лошадей-то они угнали наверняка. Во всяком случае, ни одной в конюшне не осталось. Хотя кони могли и сами разбежаться, двери-то были открыты.

Однако скоро случилось и второе чудо. Едва выйдя из конюшни, механик услышал неподалеку конское ржание и даже испугался, решив, что монголы все-таки вернулись сюда. Или прискакал отряд венгров, посланный королем Андреем разыскать беглянку. Но, бросив опасливый взгляд в нужном направлении, Григорий увидел одинокую кобылу, носившуюся

меж деревьев. Кобыла, видать, была из местных. Несмотря на пожар, далеко от дома не убежала. Посланный на ее поимку отрок Иблио справился со своей задачей и привел кобылу в стойло. А затем и впряг ее в телегу. Как оказалось, этот отрок не был белоручкой. И за несколько лет, проведенных при дворе, не забыл навыков, полученных ранее. Хотя Григорий сомневался, что пажи бывают из крестьян, но факт есть факт. Запрягать коней Иблио умел, а допытываться, где он этому научился, Забубенный не стал. Какая разница, главное, что у них теперь появилась повозка.

Вслед за этим радостным событием случилось еще одно. Поиски еды привели к тому, что Григорий лично обнаружил какие-то объедки в отдельно стоящем домике на другом конце имения. Домик пострадал меньше других, в дальней комнате, где стоял стол, Забубенный нашел почти нетронутую тушку не то утки, не то индейки, и еще ножку кабанчика со следами чьих-то зубов. Были здесь также слегка подгоревший хлеб, сморщенный от жары лук. И две баклажки вина. Не обратив никакого внимания на двух мертвых воинов, валявшихся под столом с рассеченными головами и одетых, как показалось Григорию, в какие-то знакомые плащи, Забубенный сгреб все со стола и принес к месту общего сбора. Он не был уверен в том, что именно такой едой кормят жену императора и ее придворных, но оголодавшие дамы были неузнаваемы. Они жадно набросились на еду и через несколько минут от индейки остались лишь чисто обглоданные косточки.

Поразмыслив во время обеда о том, что делать дальше, Григорий решил не оставаться на этом пепелище, а двигаться дальше к далматинскому побережью. Все-таки у них теперь была повозка. И кто-нибудь из повстречавшихся родовитых хорватских владетелей мог оказать поддержку беглой королеве. В конце концов, можно было попытаться и дальше идти лесами, маскируясь под отряд бедных пилигримов и питаясь чем попало. Но этот вариант вызывал у Забубенного большие сомнения. Вряд ли обессиленные всего одним переходом придворные смогут вынести тяготы пешего путешествия. Да и передвигаться по чужой стране без провожатых, постоянно скрываясь от чужих глаз, мог только какой-нибудь специально обученный спецназ. А никак не беглая королева, которая не хочет быть узнанной, но не имеет при этом никаких средств и возможностей. Григорий поделился своими планами с Констанцией, отозвав ее в сторонку.

– Да, надо идти дальше, – согласилась с ним жена императора, – у Шубичей есть и другие поместья. До них далеко, но можно добраться. Если только нам не помешают другие семейства, преданные венгерскому королю Андрею, ведь Хорватия сейчас в унии с Венгрией. Мы на земле Шубичей, они хоть и вассалы Андрея, но друзья императора Фридриха. А рядом владения Франкопанов, которые стоят за Андрея и могут легко захватить нас, отправив обратно в Печ.

– А кто такие Франкопаны? – поинтересовался любознательный механик.

– Это еще один знатный род, соперники Шубичей.

– Тогда понятно, – кивнул Забубенный, уяснив политический расклад в Хорватии, – значит, нам надо искать Шубичей, а Франкопанов избегать. Чего ж тут непонятного.

– Кстати, – добавил он, неожиданно вспомнив о странно знакомых плащах, – там, в домике, лежат еще два мертвых тела. Кажется, это тевтонцы.

Констанция изменилась в лице и попросила немедленно проводить ее туда. Убитые действительно оказались тевтонцами. Констанция даже вспомнила их имена, и, несмотря на запекшуюся на полу лужу крови, с брезгливым выражением на лице собственноручно осмотрела их тела и вещи, словно что-то искала. Но не нашла.

– Это связные от Фридриха, – пояснила она в ответ на вопросительный взгляд заинтригованного механика. Но не сказала, что именно они везли ей. Не став выяснять эти тайны мадридского двора, Забубенный хотел уже выйти наружу, но Констанция внезапно остановила его, схватив за руку.

– Тебе надо переодеться, – сказала она и, указав на одного из мертвых тевтонцев, который был почти одного роста с Григорием и меньше забрызган кровью, добавила, – надень его доспехи и плащ. Иблио поможет.

– Да зачем мне его доспехи? – Забубенный брезгливо воззрился на труп тевтонского рыцаря, – мне и свои не жмут.

– Рядом со мной здесь не может быть никого, кроме венгров короля Андрея или имперских рыцарей, – объяснила Констанция, – Когда мы выберемся отсюда и встретим кого-нибудь из хорватских вельмож, а они узнают меня, могут возникнуть подозрения. Подозрения – это вопросы.

Она посмотрела в глаза механику-чародею.

– Грегор, мы должны добраться до побережья, не отвечая на вопросы. Хотя бы на главные. Поэтому ты станешь рыцарем, давшим обет молчания.

Забубенный удивленно раскрыл глаза: «я стану рыцарем, да еще давшим обет молчания?». Но, переварив информацию, механик оценил легенду: «А что, не так уж и глупо все это выглядит. И, действительно, на вопросы отвечать не придется».

– Только вот, что будет, когда мы доберемся до галеры? – забеспокоился Забубенный, – ведь там будут другие рыцари, верно? Что я им скажу? Даже если я промолчу, они меня все равно расколуют в два счета. Я никогда не был рыцарем и не знаю традиций. Вряд ли они примут меня за одного из своих.

– Не бойся, Грегор, – королева приблизилась к механику, – нам надо только добраться до галеры, а там, очутившись вне опасности, я придумаю, как тебя спасти.

«Вот спасибо, – подумал озадаченный механик, – мы тебя-то еще не спасли». И тут Констанция сама прильнул к нему, одарив поцелуем.

– Ладно, – согласился Забубенный, отогнав сомнения, – сейчас переоденусь. Пусть Иблио придет, поможет.

Скоро, стянув с помощью немецкого отрока с мертвого рыцаря кольчугу и легкие доспехи, Забубенный облачился в них сам. Доспехи оказались довольно просторными. С помощью всяких завязок и подтяжек сели на механике вполне сносно. Ботинки тевтонца тоже пришлось в пору. «Как по мне сшиты», – даже промелькнуло в мозгу чародея.

Накинув белый плащ с черными крестами, и укрепив его на плече специальной пряжкой, Забубенный как смог оглядел себя и даже сплюнул – так он стал похож на ненавистных тевтонцев. В довершение своих превращений, Григорий, прицепив меч рыцаря и надев его шлем, прошелся по двору, привыкая к стесненным движениям.

К счастью, рыцарский шлем оказался не очень тяжелым. Он напоминал слегка вытянутое вперед ведро с прорезью для глаз, как и полагалось. Не хватало щита, который отыскать почему-то не удалось, и боевого рыцарского коня. Но Констанция мгновенно присочинила к легенде бой, в котором доблестный рыцарь, давший обет молчания, охраняя королеву и ее свиту, потерял свой щит и коня, став пешим.

– Тогда я поеду на телеге, пока никто не видит, – решил Забубенный, – А увидит, так сам поймет по нашему бедственному положению, что даже рыцари и королевы иногда ездят на телегах.

Констанция не возражала. Посадив ее и фрейлин на повозку, Забубенный снял шлем и сам пристроился спереди. Тихим шагом отряд двинулся дальше. За повозкой шли служанки, для которых не хватило места, да они и сами не посмели бы сесть рядом с королевой. А позади всех плелся Иблио, разыскивший на пепелище арбалет с тремя стрелами.

От имения Шубичей в глубь Хорватии шла небольшая проселочная дорога. По ней и направил единственного коня Григорий, настороженно озираясь по сторонам. Ведь встреча с каким-либо вооруженным отрядом, пусть и хорватов, тоже была нежелательна.

Солнце, межу тем, клонился к закату. Постепенно вечер вступал в свои права. Так никого и не встретив, отряд ехал тихонько по узкой лесной дорожке, иногда останавливаясь на привалы, чтобы пешие члены отряда могли отдохнуть.

После очередного привала беглецы снова тронулись в путь. Григорий старался пройти как можно больше, пока не стемнело.

Констанция и фрейлины дремали на повозке. Забубенный, которому было довольно жарко в доспехах, все же не снимал их, отцепив только плащ. Он не делал этого, повинуюсь

какому-то нехорошему предчувствию, и всматривался в лесную глушь, ожидая от нее всего, даже хищников. Места-то были глухие, звери непуганные.

И дождался. Кусты вдруг затрещали, и на дороге возник медведь. Самый настоящий, бурый медведь, каких Забубенный видел только в зоопарке. Там медведи были добрыми и забавными. Дети кормили их конфетами. Но этот мишка явно вышел на дорогу с намерением перекусить чем-нибудь посущественней. Он оскалил пасть и зарычал в сторону приближавшейся повозки. Лошадь от страха заржала, поднялась на дыбы. Забубенный с трудом удержав ее, соскочил с едва не перевернувшейся повозки и выхватил меч.

Увидев рычащего медведя, фрейлины за его спиной и служанки закричали так, что их, наверное, услышали на далматинском побережье. Только Констанция, не мигая, смотрела на зверя, как завороченная. Но Григорий решил, что это от страха.

Он и сам порядком испугался, но вариантов не было. От медведя не убежишь, его можно только победить. Главное, чтобы он был только один. И Григорий, нахлобучив шлем, приготовился к охоте, где сам был пока в положении дичи.

Глядя на огромного медведя, механик лихорадочно примеривался куда колоть, – в шею или в сердце. Только вот как к нему подобраться? Но медведь не дал ему времени на раздумья – рядом бил копытами отличный ужин, а надоедливый человечешка не давал до него добраться. Подпрыгнув на задних лапах, зверь с рычанием бросился вперед на стоявшего посреди дороги механика. Не успел Григорий опомниться и взмахнуть мечом, как огромная туша сшибла его с ног и навалилась всей массой, царапая доспехи когтями. Вот тут-то Забубенный и вспомнил павшего рыцаря добрым словом. В своих легких доспехах он бы и минуты не продержался супротив медведя, а сейчас тот в исступлении катал его по дороге, рычал, но пока не мог разорвать на части или укусить. Изловчившись, Забубенный все же нанес удар мечом и вспорол зверю бок. Раздался грозный рык, медведь залил подмятого под себя механика теплой кровью, но вместо того, чтобы ослабнуть, казалось, просто осатанел. Он ударил лапой по шлему так, что механик откатился на несколько метров в сторону, но не успел встать, хотя и не выпустил меча. Медведь прыгнул к нему и новым ударом перекатил его в другую сторону. Раненый зверь словно забавлялся с ним, как с железным мячиком, но в этот момент что-то свистнуло и с чавканьем впилося в тушу медведя. Тот завыл от боли. Забыл про Забубенного, рухнув на бок, и сам стал кататься по земле, пытаясь что-то выдернуть из своей шеи.

Григорий, еще не понимая, что случилось, вскочил на ноги из последних сил и осмотрелся. Шлем упал с его головы. Медведь, оглашая лесную чащу диким рыком, катался по траве. А в десяти шагах Иблию трясущимися руками перезаряжал арбалет. «Молодец, отрок, – промелькнуло в мозгу у измятого механика, – далеко пойдет».

И Григорий сам бросился к медведю. Решив покончить с этим делом, он размахнулся, рубанув его по голове. Но, промахнулся, и меч только скользнул по черепу. Но этим ударом Забубенный рассек все-таки шкуру на голове зверя. Тот вскочил, позабыв про стрелу, и впился зубами в металлический нарукавник доспеха, снова прижав механика к земле лапами. Забубенный ощутил, как зубы гнут металл, а он задыхается, придавленный такой массой, и приготовился умереть. Оскаленная пасть была совсем рядом. А этот медведь, наверное, был бессмертен. Но тут воздух снова рассек свист, и второй арбалетный болт впился в глаз раненного зверя. Медведь нервно дернул головой, обмяк и рухнул рядом с телом механика.

Еще несколько минут Забубенный лежал, слушая стук своего сердца. Он словно не видел тех, кто склонился над ним. Все плыло перед его взором, как в тумане. И только голос Констанции, вывел механика из пограничного состояния.

– Грегор, – шептала она, трогая его волосы, – ты жив?

Забубенный собрался с силами и пошевелил левой рукой, потом правой. Затем ногами. Все, вроде бы, слушалось. Хотя придавленная грудь болела сильно. Он приподнял голову и выдавил из себя:

– Кажется, да.

Подоспевший Иблию помог ему подняться на ноги. Опираясь на его плечо, Забубенный

доковылял до телеги, и, устроившись на ней, проговорил по-русски, забыв, что он рыцарь, давший обет молчания.

– Спасибо, парень, я твой должник.

Иблио кивнул, словно понял, что ему сказали. После всего случившегося нетрудно было догадаться.

Осмотрев себя, механик пришел к выводу, что немцы доспехи делать умеют не хуже русских. Как ни рвал его медведь, катая по земле и кусая, он смог только повредить кольчугу у плеча и почти прокусить нарукавник. Ну, придавил еще грудь, может, ребра помял. Но, кажется, ничего не сломал. Это было похоже на чудо. Хотя, не случись рядом расторопного отрока с арбалетом, немного погодя медведь вскрыл бы эту твердую скорлупку.

Григорий, посидев немного в окружении переполошенных служанок, которые промывали его раны, а точнее ссадины и ушибы, посмотрел на мертвого медведя. Туша была огромная. Жаль бросать столько мяса. Хотя и все не заберешь. Забубенный взглянул на небо, видневшееся между высокими соснами. Скоро наступит ночь. Надо подумать, где ее провести.

Покончив с обработкой ран, механик встал, разыскал свой меч и подошел к туше, возвышавшейся посреди поляны. Даже мертвый медведь наводил на него ужас. Но есть механику тоже хотелось ужасно. И он несколькими ударами отсек медведю ноги, а затем приволок и погрузил их в телегу. На дальнейшую разделку сил у него не хватило.

– Поехали дальше, – приказал Забубенный, – надо до темноты найти место для ночлега.

И отряд беглецов послушно двинулся дальше. Григорий в помятом доспехе сидел на телеге, управляя лошадью, которая едва сама не стала ужином. Напуганная лошадь фыркала, напряженно принимаясь к отрубленным частям тела медведя, лежавшим в повозке. А все остальные дамы, кроме Констанции, под охраной Иблио с последней стрелой в арбалете шли пешком позади. И механика это абсолютно не волновало. Джентльмен после встречи с медведем в нем временно умер. Зато еще жил командир отряда, который из последних сил искал место для ночлега, не желая ночевать там, где был убит зверь.

– Грегор, – спросила озадаченная его поведением Констанция, – что ты хочешь делать, если мы не дойдем до какого-нибудь замка?

– А они здесь есть? – спросил Забубенный.

– Да, но до замка Шубичей еще далеко.

– Тогда будем ночевать в лесу, – решил Григорий, и по его спине невольно пробежал холодок.

Ночевать в лесу после встречи с медведем было не очень весело. Констанция, похоже, тоже так думала. Но другого выхода просто не было. Сколько ни говори «Замок, найдись!», посреди леса он сам собой не возникнет. А вот достойную поляну разыскать до наступления сумерек вполне можно.

И поляну они скоро нашли. Большую, рядом с дорогой. Григорий вместе с Иблио набрали дров и развели огонь туристическими методами. Скоро на поляне пылал костер. Жарилось мясо убитого в неравном бою медведя. И от этого оно казалось еще вкуснее. Накормив оглодавших придворных жестким мясом, Забубенный, выполнив свой долг, повалился под телегу, предварительно бросив на землю плащ тевтонского рыцаря. Он бы конечно расставил дозоры вокруг лагеря, но не фрейлин же ставить дозорными. И механик лишь приказал Иблио поддерживать огонь до рассвета, чтобы отпугнуть зверей. Или как получится.

– Грегор, – спросила его озадаченная Констанция, – но где я буду спать?

– Как где? – удивился вопросу Забубенный, – на телеге, дорогая. А если не хочешь на телеге, – лес большой. Мох мягкий. Выбирай любое место.

– Но, Грегор, не могу же я спать...

Окончание фразы Григорий не услышал. Приготовление ужина после душевной встречи с медведем отняло последние силы. И ему было абсолютно наплевать, где разместится жена императора и вся ее свита. Изнемогая от усталости и невзирая на все

опасности, подстерегавшие его в ночном лесу, механик провалился в сон.

Спал он тяжело. Ему казалось, что во сне его пинали, толкали, пытались чего-то добиться от него, но он не проснулся до самого рассвета. Во сне ему пригрезилась какая-то неизвестная земля. Жаркая. Она начиналась сразу от каменистого берега моря, на котором стояла древняя крепость. Повсюду шумели пальмы, на них росли финики. Ветер перемещал барханы с места на место. По барханам бродили неприкаянные верблюды. В небе сновали розовые фламинго. Их было так много, что испуганный механик, попытавшийся было пересчитать эти розовые тела с крыльями, сбился со счета. Их было просто бесконечное множество.

Проснувшись, Забубенный стукнулся лбом о днище телеги, и, почесывая ушибленное место, пробормотал:

– Приснится же такое.

Затем осмотрелся, ощупал себя руками. Судя по всему, он был жив. За прошедшую ночь никто из обитателей чащобы его не съел и даже не укусил. Немного побаливали ребра после вчерашнего, но в остальном чародей чувствовал себя сносно. Можно было даже сказать, хорошо.

Прошедшая ночь выдалась сухой и теплой. Дождя не случилось. Вылезая из-под телеги отдохнувший Забубенный увидел Констанцию. Жена императора последовала совету и, свернувшись калачиком на подстилке из соломы, спала как ребенок.

– Ну вот, – высказался вслух довольный механик, – так поживешь недельку в лесу и человеком станешь.

От звука его голоса Констанция пробудилась и улыбнулась. Похоже, она тоже неожиданно выпалась и не держала зла на неучтивого механика.

– Просыпайся, моя радость, – сказал Григорий, – пора в дорогу. Галера с экипажем из отборных рабов на веслах уже утомилась ждать.

Констанция привстала и потянулась, совсем как обычный человек. Даже зевнула. Григорий остолбенел. Он и не подозревал, что жены императоров зевают как обычные люди. Это открытие его потрясло даже больше, чем вчерашняя встреча с медведем.

Разминаясь и размахивая руками, Забубенный прошелся по лагерю. Фрейлины, спавшие у телеги в обнимку, то ли от страха, толи чтобы согреться, тоже проснулись, и теперь осоловело смотрели по сторонам. Остальные служанки спали вповалку вокруг костра. Иблио спал там же. Костер еще дымился, значит, исполнительный отрок все-таки поддерживал огонь до самого рассвета. «Молодец», – мысленно похвалил его Григорий.

Как ни хотел он дать народу время поспать еще немного, нужно было собираться в дорогу.

– Подъем, барышни, – не очень громко, но отчетливо сказал механик, – Труба зовет.

Скоро все проснулись. И стали смотреть на Забубенного, словно ожидая от него каких-то действий. Вообще-то, механик предполагал после пробуждения совершить необходимый туалет, умывшись у журчавшего неподалеку ручья, и не медля двинуться в путь. Но эти странные люди, похоже, опять хотели есть. И удивлялись, почему никто не спешит нести им горячий завтрак в постель.

Григорий подошел к телеге. Пообщавшись с королевой, попытался растолковать ей, что придворные при желании могут наскоро перекусить тем, что осталось от ужина. Констанция вздохнула и, как ни странно, быстро смирившись со своей судьбой, перевела все сказанное на немецкий язык. Лица фрейлин и без того опухшие после сна, превратились в ставшие привычными гримасы. Им абсолютно не нравилась походная жизнь и еда у костра. Но альтернативой была только жизнь в рабстве в лагере у монголов, о чем им никак не удавалось забыть.

Поэтому аппетит у дам испарился и они нехотя собрались в путь. Есть никто не стал, кроме Иблио, чей растущий организм требовал пищи, невзирая на этикет. И самого Забубенного, которому было наплевать на этикет, когда хочется есть. Перекусив холодной медвежатиной и попив воды из ручья, Забубенный снова устроился на телеге, усадив туда

придворных. Отряд тронулся в путь, все дальше проникая на территорию Хорватии.

Глава пятнадцатая. Франкопаны и Шубичи

Не прошло и пары часов, как они прибыли в первое селение. Дорога, петляя между поросших лесом холмов, неожиданно устремилась под гору и, вынырнув из лесной тени, уткнулась в небольшой хутор из трех домов и нескольких сараев.

Забубенный притормозил от неожиданности, натянув поводья. Но было уже поздно. Проехать незамеченными мимо спящих дворов не удалось. Едва они появились на открытом месте, как их заметили местные крестьяне. Двое мужиков и три женщины в живописных лохмотьях копались в огороде. Услышав скрип тележных колес, они оторвались от своего занятия, с любопытством уставившись на пришельцев из леса. Хоть какое-то развлечение в этой глуши.

– Ну, вот и все, – резюмировал Григорий, – незаметное продвижение по территории противника закончилось. Придется вступать в переговоры.

И он посмотрел на Констанцию.

– Надо бы с ними переговорить. Нападать они, вроде бы, не собираются. А так хоть выясним обстановку.

Констанция кивнула. Забубенный тронул поводья, и телега с эскортом приблизилась к работникам. Крестьяне выжидательно выпрямились, рассматривая путников, чтобы знать, как к ним обращаться. Выглядели прибывшие и в самом деле странно: шесть хорошо, но грязно одетых женщин и один оборванный рыцарь. Но крестьяне чутьем признали в них вельмож. Жена императора, перейдя на какой-то незнакомый Забубенному язык, задала им вопрос.

– Перштич, – ответили крестьяне, поклонившись.

Констанция что-то уточнила. Те закивали головами. Она еще что-то спросила. Один из мужиков развернулся и указал рукой куда-то вдаль, присовокупив на своем языке еще пару слов. «Вроде бы о чем-то договорились», – решил ничего не понимающий рыцарь, давший обет молчания. Если немецкий он еще хоть как-то понимал, то это наречие было ему совсем незнакомо.

– Поезжай, – приказала Констанция, закончив переговоры. В глубине души Забубенный понимал, что надо бы дать им за услуги немного денег, но королева была сейчас бедна, а у рыцаря вообще изначально не имелось ни гроша.

– Что удалось выяснить у местного населения? – поинтересовался Григорий, когда хутор остался позади.

Королева облегченно выдохнула.

– К счастью, мы по-прежнему на земле Шубичей. Этот хутор названия не имеет, здесь живет братская община крестьян из рода Удрагов.

– Отлично, – кивнул Забубенный, – коммуна, значит. А что слышно по существу?

– Земля принадлежит к владениям Шубичей, замку под названием Перштич.

Забубенный попытался повторить название, но решил не травмировать свой язык понапрасну. Еще сломается.

– Они сказали, что два дня назад видели израненного жупана Стефана, который проскакал с несколькими людьми в свой замок, – добавила Констанция.

– Вот это уже интересно, – согласился Григорий, – едем в замок?

– Да, – кивнула Констанция, – осталось недалеко. Надо поторопиться, он мог уехать еще дальше.

– Так испугался монголов? – решил пошутить Забубенный, но осекся, посмотрев на своих спутников.

Констанция тоже не стала развивать эту тему, вернувшись к описанию дороги.

– Крестьяне говорят, что скоро на холме будет перекресток, где надо повернуть налево и будет виден замок Перштич.

– Ну, до этого перекрестка мы как-нибудь дотянем, – решил Григорий.

Но ехать пришлось довольно долго. Прошло примерно часа два, пока они выехали на пологий холм, с вершины которого расходились четыре дороги. Несмотря на то, что дорога, по которой они двигались, вела дальше к побережью, беглецы повернули налево. За помощью. Туда, где виднелся небольшой, но хорошо укрепленный замок с четырьмя островерхими башенками.

Проехав между полями, окружавшими замок со всех сторон, скоро они были у ворот. Несмотря на то, что на дворе был белый день, ворота оказались закрыты. Мост поднят. Словно вокруг шла война, и можно было ожидать нападения в любую минуту.

Охранники с надвратной башни что-то крикнули им. Забубенный хотел было ответить, но Констанция вовремя одернула его, напомнив про обет молчания. Спустя короткое время заскрипели цепи, и мост опустился. Ворота отворились. Из башни вышел крепко сбитый жупан в расшитом золотом кафтане, с рукой на перевязи и обритой головой. На вид ему было уже лет под шестьдесят. За ним появились несколько воинов с оружием.

Остановившись перед повозкой, на которой сидела Констанция в грязном платье, но с гордо поднятой головой, жупан осмотрел ее, потом повозку и, вдруг упал на колени.

Забубенный, в свою очередь, разглядывая бритого хорватского жупана, вспомнил футболистов из сборной Хорватии, которых видел в прошлой жизни по телевизору, и пришел к выводу, что за прошедшие восемьсот лет они не сильно изменились. Во всяком случае, внешне.

Констанция что-то проговорила упавшим голосом. Старый жупан встал и первым направился в замок, призывая последовать за собой этот странный обоз.

Все, что было сказано, Забубенный скорее угадал, чем понял. Хорватского наречия он не знал, а Констанция для конспирации ничего ему не переводила принародно. Забубенный внезапно ощутил себя туристом в чужой далекой стране. Потерявшись, без карты и знания языка. Оставалось надеяться на обет молчания. Может и пронесет.

Через некоторое время они втроем, Констанция, рыцарь и старый жупан, сидели в огромном зале за очень длинным массивным столом, уставленном всякой снедью и вином. Констанция успела привести себя в порядок, воспользовавшись гостеприимством старого жупана и гардеробом его дочерей. Забубенному тоже было предложено умыться и переодеться во все чистое с дороги. Он не преминул этим воспользоваться и теперь, даже сняв доспехи, был похож на немецкого рыцаря. Свою старую одежду он бросил в камин и сжег, помня о том, что разведчик попадает на мелочах. Ведь тевтонцы наверняка не носят русских штанов. А предоставленные взамен, хоть и были гораздо уже привычных, но зато не отличались от местной моды.

Пока жена императора рассказывала о своих злоключениях в приграничном замке, предательстве короля Андрея и внезапном нападении монголов, – Забубенный понимал, о чем речь, и без перевода, – седовласый жупан все же подозрительно поглядывал на рыцаря, давшего обет молчания, который спокойно жевал ножку кабанчика. В ответ на эти взгляды Забубенного так и подмывало сказать Стефану: «Не бойсь, дедуля, я свой, буржуинский». Но он сдерживался. Правда, с большим трудом. Как выяснилось, быть рыцарем, давшим обет молчания, очень трудно, особенно если так и тянет что-нибудь сказать. Но Забубенный крепился. Он даже запретил себе пить вино, чтобы случайно не расслабиться, хотя такого обета не давал.

Седовласый Стефан кивал головой, слушая рассказ беглянки, и, время от времени, баюкал раненую руку. Под конец Констанция посмотрела на старого жупана и, немного подавшись вперед, взяла его за руку. Ее глаза молили о помощи. Старик покачал головой, как бы соглашаясь на все, а императрица взглянула на Григория.

Забубенный понял, что говорят о его подвигах и не смог сдержать самодовольной ухмылки, хотя и старался быть серьезнее, подстать моменту. Прибыв в замок, он грешным делом подумал, что Констанция может теперь и отказаться от его услуг, ведь она уже среди друзей и дальше ее могут опекать и без него. Мавр сделал свое дело. А желающие услужить

императору здесь найдутся. Но пока королева не торопилась отпускать его от себя. И это тайне обрадовало доблестного механика.

Кивнув рыцарю, жупан вышел из зала. Констанция, воспользовавшись случаем, вполголоса перевела Забубенному суть происходящего.

– Жупан Стефан враг короля Андрея, хотя и его вассал. Он преклоняется перед Фридрихом и всегда готов помочь жене воина-императора. Он поможет нам добраться до побережья Далмации. И даже сам проводит нас вместе со своими людьми. Только отправляться надо немедленно.

– Как? – удивился механик, забыв про обет молчания, – не успели приехать, уже дальше скакать?

– Надо торопиться, – решительно заявила Констанция. – Монголы и венгры короля Андрея действительно могут оказаться здесь раньше, чем мы думаем.

– Но нас ведь никто не видел, кроме медведя, – попробовал спорить Забубенный, – а его я убил. Он никому не расскажет.

Констанция не оценила шутку. По мере удаления от опасности в ней оживал политик, точнее, жена политика.

– Из-за меня может начаться вторжение в хорватские земли, – сообщила жена императора механику. – Оно уже началось. Вспомни, что осталось от приграничного имения Шубичей.

Забубенный задумался. Вторжение действительно могло начаться. Но дело было не только в Констанции. Рано или поздно вторжение все равно будет, в этом седовласый Стефан прав. А Констанция своим присутствием может его лишь ускорить. Но остановить его она не в силах. Тягаться с монголами может разве что ее муж, но это уже будет его решение.

– Ладно, – кивнул Забубенный, – едем дальше. Только ножку доем.

Ближе к обеду из ворот замка с труднопроизносимым названием выехал целый отряд всадников. Всего их было около тридцати человек. Впереди ехал седовласый жупан Стефан Шубич, рядом Констанция в дорожном плаще с капюшоном, закрывавшем лицо от ненужных взглядов. Жена императора на удивление лихо управлялась с красавцем жеребцом, которого ей подобрали на конюшне преданного жупана. Справа от нее ехал рыцарь, давший обет молчания, снова облачившись в доспехи. Глядя на Констанцию, он не переставал удивляться ее талантам. Сколько эта женщина всего знает. «Может быть, она еще из лука стрелять умеет, только скромничает? – подумал Забубенный, – или на мечях драться, но не говорит об этом до срока». Его собственный меч, притороченный сбоку на ремне, то и дело стучал ножнами по ноге, навевая мысли о предстоящих опасностях.

Позади ехали фрейлины, а за ними в два ряда разместились охранники хорватского жупана. Некоторые из них, как и обещал Стефан, посадили к себе в седла служанок, которые не умели управляться с лошадьми. В таком виде кавалькада устремилась через поля к перекрестку, который беглецы проезжали утром, и, достигнув его, повернула коней налево. К побережью Далмации.

Через пару часов на пути отряда стали попадаться первые населенные пункты. Судя по всему, они въехали в густо населенные, по местным меркам, районы Хорватии. За это время они миновали несколько деревень, и даже небольшой городок, притулившийся на склоне холма, но нигде Стефан не делал остановок. Проскакав оставшиеся полдня по лесам и горам, перед самым закатом, они достигли небольшого селения у переправы через речку, в котором седовласый жупан наконец-то разрешил спешиться.

Для ночлега была выбрана таверна с непонятным для Забубенного названием, где, по уверению Стефана, им ничего не грозило. Хозяин был добрым знакомым жупана, к тому же чем-то ему обязан. Именно здесь Стефан предложил уставшей императрице отдохнуть с дороги.

Но устала не только жена императора, которой по разумению механика полагалось ездить в карете с телохранителями на запятках, но и Забубенный, отвыкший от скачки.

Изрядно уставший с непривычки, он был рад поскорее вылезти из седла и где-нибудь прилечь отдохнуть. Таверна этого тихого городка ему вполне подходила.

Хозяин на самом деле оказался добрейшей души человеком. Это был низенький и толстый хорват с хитрой улыбкой, присущей всем кабатчикам. Но, на удивление, скромный. Он избавил прибывших гостей от расспросов. Отвел им лучшие комнаты, и, естественно, накрыл в отдельном углу зала своего заведения отличный ужин. Насладившись которым, рыцарь, давший обет молчания, и его спутники отправились спать. Но при этом впервые Григорий испытал нечто похожее на уколы ревности. Ему отвели для сна отдельную комнату. И хотя следовало прежде всего выспаться, что-то не давало ему покоя.

Забубенный долго ворочался и не мог заснуть. Он больше не был командиром отряда. И, самое главное, рядом больше не было Констанции. Она была близко, в соседней комнате, вместе с фрейлинами, и под надежной охраной. Но не рядом с ним.

Пытаясь закрыть глаза и призывая сон, Григорий вспомнил двух проходимцев в коротких серых накидках, сидевших в полупустом зале таверны, и глазевших на многочисленных путников во время позднего ужина. Появление такого отряда в тихом городке было событием. Даже в неурочный час. Городок хоть и лежал на широкой дороге, что вела к оживленному побережью, а все же не часто сюда наезжали знатные гости с охраной. Хоть никто их и не расспрашивал, кто такие, да откуда, но все равно было ясно, — не здешние. Спешат куда-то.

А мужики, с виду одетые как зажиточные крестьяне, показались Забубенному подозрительными. Но, успокаивал себя механик, ему сейчас все казались подозрительными. Только вот поделиться своими подозрениями он не мог ни с кем, а особенно с жупаном. Обет мешал.

Ночь прошла спокойно. Утром кавалькада из трех десятков верховых покинула таверну в том же походном порядке и, преодолев переправу вброд, поднялась на высокий противоположный берег. Дорога снова нырнула в лес. Вообще, глядя по сторонам, Забубенный пришел к выводу, что Хорватия это страна гор, лесов и часто встречающихся рек. Озер он здесь пока не видел, зато, скоро должен был увидеть море, если повезет.

Путь свой беглецы под охраной местного жупана совершали достаточно быстро, ничто, несмотря на опасения Забубенного, им пока не помешало. Ни конкуренты из рода Франкопанов, ни венгерские разведчики короля Андрея. Возможно, трюк с капюшоном удался и жену императора, путешествующую инкогнито, так никто и не узнал, но и сам Стефан Шубич был примечательной фигурой по местным масштабам. Привлекал к себе ненужное сейчас внимание.

И поэтому Забубенного все же не покидало какое-то смутное беспокойство, что все идет слишком гладко. Несколько раз, обернувшись назад, ему примерещилось, что за ними кто-то идет по следу, таясь за обступившими дорогу деревьями. Но кто это был, человек или зверь, механик так и не увидел, сколько не оборачивался. Лес-то здесь был не хуже, чем на границе с Венгрией. Забубенный даже невольно вспомнил медведя.

Так они ехали почти до самого обеда. Гористые холмы вокруг постепенно становились жестче, все больше сжимаясь в прибрежные скалы. Лес стал редеть. Заметив, что рыцарь слишком часто крутит головой, жупан что-то сказал Констанции. Она ему ответила. А когда седовласый жупан выехал чуть вперед, быстро шепнула механику по-русски:

— Он говорит, что ты зря беспокоишься. Мы едем знакомой дорогой. За нами никто не следит, он проверял. А за этим холмом уже Добржич, порт, в который мы ехали. Дорога почти позади. Скоро мы сядем на галеру.

Забубенный кивнул, но беспокойство все же не оставило его окончательно. А после случая с медведем он привык доверять своим предчувствиям. Особенно плохим. Забубенный уже давно замечал за собой, что стал профессиональным пессимистом и любил перестраховаться. Что абсолютно не мешало ему быть веселым человеком.

Спустя короткое время они поднялись на вершину скалистого холма, и Григорий внезапно увидел море. Вид голубой сверкающей глади, уходящей за горизонт, заставил

механика позабыть обо всех опасностях. Так вокруг было великолепно. Щербатые желтые скалы с вкраплениями едкой зелени по бокам и безумно голубое море. «Вот она, Адриатика», – восхищенно вздохнул впечатлительный механик.

Дорога резко спускалась вниз и пересекала еще одну, тянувшуюся узкой полосой вдоль берега и огибавшую деревеньку из пары десятков домишек, приютившихся на скалистом берегу у самого моря. За этими домами виднелись хлипкие мачты нескольких рыболовных суденышек, среди которых высилась одна высокая, принадлежавшая мощнотелой галере, чей длинный корпус выдавался далеко в море. Порт был совсем небольшим, а местечко уединенным, и, похоже, сюда редко заходили большие корабли.

– Ну, вот мы и прибыли, – вздохнула с облегчением Констанция, откидывая капюшон.

Но она поторопилась, а Забубенный лишний раз убедился в том, что предчувствия его не обманывают. По дороге, шедшей параллельно берегу, наперерез им скакал отряд венгерских всадников, во главе которого Григорий увидел одного из тех подозрительных мужиков, что пили вино вчера в таверне. Их все-таки выследили.

Жупан Стефан тоже заметил их. И принял свое решение. Он что-то крикнул Констанции, вынимая меч из ножен здоровой рукой. И вместе со своими солдатами устремился наперерез отряду венгров, которых было в три раза больше.

– Вперед! – крикнула Констанция, пришпоривая своего скакуна, и устремилась вниз с холма. Ее длинные черные волосы развевались на ветру. «Настоящая амазонка, – с восхищением подумал механик, глядя ей вслед, – однако, пора убежать».

И он пришпорил своего коня, бросаясь вдогонку за женой императора. Фрейлины и все остальные последовали за ним. Жить хотелось всем. Особенно сейчас, когда спасение было так близко.

Влетая на полном скаку в прибрежный городок, Забубенный повернул голову и успел увидеть, как венгерский воин зарубил храброго жупана Стефана, а первые солдаты короля Андрея уже прорвались сквозь заслон таявших на глазах хорватов. «Ну, все, – как-то отстранено подумал механик, увидев гибель последнего из рода Шубичей, – Теперь править будут Франкопаны». Но это его уже не касалось. Разъяренные венгры висели на пятках.

Григорий пришпорил коня и почти одновременно с Констанцией, едва не сбив на полном скаку встречающих рыбаков с сетями, ворвался на пристань. Вдоль невысокого причала бродил разношерстный народ, который бросился врассыпную, увидев мчавшихся во весь опор всадников. Констанция, не сбавляя прыти, повернула коня в сторону галеры, перед которой стояли несколько вооруженных людей в белой одежде с черными крестами. Точь в точь, как на рыцаре, давшем обет молчания. Доскакав до них, она сама спрыгнула с коня и встала перед рыцарями, гордо подняв голову.

Забубенный тоже спрыгнул с коня, обернувшись назад. Там, догоняя жену императора, скакали фрейлины, отрок Иблио и несколько хорватских солдат со служанками на крупах своих лошадей. Приблизившись к пирсу, хорваты ссадили служанок и ускакали обратно, на помощь своим погибавшим в неравном бою товарищам.

Выяснив, что творится позади, Григорий обернулся на странный шум. Все рыцари, только что стоявшие, гордо уткнув руки в бока, теперь рухнули наземь, преклонив колена перед Констанцией. Они узнали в прискакавшей амазонке жену своего императора.

Констанция что-то громко сказала, даже крикнула, переходя на немецкий, и махнула рукой в сторону моря. Забубенный почти ничего не понял, с трудом различил только имя «фон Бельзиц». Один из рыцарей, рыжий, с короткой подстриженной бородой, поднялся первым. Видимо, это был он. Тевтонец с удивлением что-то спросил у императрицы, та коротко ответила ему. Забубенный опять различил только имя «Клаус фон Штир».

Закончив разговоры, Констанция уверенно направилась по сходням на галеру, сделав знак Григорию следовать за собой. А когда он на дрожащих ногах поднялся на борт, провожаемый странными взглядами тевтонцев, жена императора представила его собравшимся очередной фразой по-немецки. Из нее Забубенный заключил, что его теперь зовут Грегор фон Крайзеншпигель и он немецкий рыцарь, давший обет молчания.

Тевтонцы переглянулись в недоумении. Никогда прежде они не знали такого рыцаря. Но, к счастью для новоиспеченного Крайзеншпигеля, в этот момент большой отряд венгерских конников, рассеяв толпу, ворвался на пристань.

Рыцарь фон Бельзиц, судя по всему, бывший здесь за командира и за капитана одновременно, потеряв учтивость, рывкнул на толпившихся у схода фрейлин, загоняя их на галеру. Воздух резанула короткая команда и вдоль борта выстроились арбалетчики.

Галера ожила. Якоря были мгновенно подняты. Два ряда весел, управляемых загорелыми и крепкими рабами, поднялись и опустились со всплеском в воду. Корабль стал отходить кормой в море. Одновременно с этими маневрами, одетые в кольчуги арбалетчики, выстроились ближе к носу, и встретили шквальным огнем подскакавших к самому краю пристани венгерских конников. Их доспехи сверкали под южным солнцем уже очень близко. Казалось, еще немного, и беглецов схватят. Закуют и отправят обратно к венгерскому королю.

Но, и немецких солдат с арбалетами было немало, человек пятнадцать. От одного залпа в упор на камнях пристани осталось лежать не меньше десятка атаковавших. Ряды венгров смешались. Следующий залп скосил еще семерых.

А галера удалялась. Весла методично вздымались и опускались с громкими всплесками. Тонкая полоска воды между носом имперской галеры и пирсом прибрежного городка со странным названием Добржич все расширялась.

Забубенный, стоявший на приподнятой вверх корме галеры рядом с Констанцией и остальными беглецами, увидел, как исказилось гримасой злобы и бессилия лицо венгерского командира, который продолжал гарцевать под арбалетными стрелами, сжимая рукоять бесполезного меча. Он почти догнал беглецов, но в последний момент добыча все-таки ускользнула от него.

Когда галера отошла на безопасное расстояние, и, развернувшись кормой к берегу, приняла походное положение, всем стало ясно, что венгры их уже не догонят. Тогда всадник вскинул руку вверх и прокричал что-то грозное вслед уплывавшим. До ушей Забубенного долетело проклятие на венгерском. Но, что именно хотел сказать всадник, чародей не понял. Да это было уже и не важно. Они спаслись. Побег из замка удался.

Глава шестнадцатая. По волнам Адриатики

Еще какое-то время механик смотрел в сторону удалявшегося берега. Далматинское побережье. Там была Хорватия, за ней почти покоренная монголами Венгрия, а еще дальше многоликая Русь. Князья киевские, галицкие, да волынские. Черниговцы, воевода Бок. Субурхан со своими амбициями. Все это осталось теперь за кормой имперской галеры, которая под методичные всплески весел, уносила горемыку-чародея подальше от родных мест. В неизвестную страну, населенную чужеземцами, говорящими на всех языках, кроме родного.

– И какой черт занес меня на эту галеру? – выругался Забубенный вслух, не выдержав стресса.

К счастью, не слишком громко, так что его услышали только стоявшие рядом фрейлины и отрок Иблио. Но ничего не сказали. Они давно привыкли к странному поведению нового фаворита своей госпожи.

Едва экипаж галеры почувствовал себя в безопасности, рыцари, руководившие обороной, распустили арбалетчиков по своим местам и явились пред светлы очи Констанции, снова преклонив колени. При этом они как-то странно поглядывали на Забубенного, стоявшего рядом с королевой, видимо, не зная как к нему относиться. То ли он сам был равен королям, поскольку не вставал на колени перед женой императора, то ли вообще неизвестно кто. Григорий, на которого сразу столько всего навалилось, и сам понятия не имел, как выкрутиться из этой ситуации. Но что-то следовало предпринять. И он с мольбой посмотрел на Констанцию, говорившую с рыцарями по-немецки.

Самый главный из них, рыжий здоровяк, получив ответы от жены императора, поднялся. Все остальные тоже вслед за ним. Поклонившись еще раз, рыцари удалились на нос и там стали о чем-то совещаться. Было их всего пятеро. Кроме них на галере находилась дюжина арбалетчиков в белых плащах тевтонцев и, ближе к корме, еще с десяток воинов с короткими мечами, баграми и крюками. «Прямо пожарная команда», – объяснил себе их странное вооружение механик. На веслах сидело множество рабов, всех и не сосчитаешь, по двое на каждом весле. В длину эта галера была вытянута метров на сорок-пятьдесят, как показалось Забубенному, окрестившему ее «здоровой шаландой». На носу виднелось сооружение, похожее на катапульту. В середине корпуса гордо высилась одна-единственная мачта.

– Чего хотели эти ребята? – поинтересовался Забубенный, сделав пару шагов назад вслед за женой императора. Констанция оперлась на резной поручень, огибавший всю корму, и теперь тоже с грустью смотрела на уже ставшее узкой полоской далматинское побережье.

– Они спросили меня, куда держать курс. Я приказала в Бриндизи, Фридрих сейчас там вместе со всем двором.

Обернувшись на легкий шелест материи, Григорий увидел, что на галере поставили парус и подняли весла. Судно резко прибавило ход. Теперь из-за паруса рыцарям было не видно, что давший обет молчания тевтонец о чем-то говорит с женой императора. Впрочем, на корме и без этой пятерки глаз и ушей хватало.

– А где это, на Сицилии? – поинтересовался Григорий.

– Нет, это в южных итальянских землях.

– И долго нам идти до этой Бриндизи?

– Всего день и ночь с попутным ветром. Если, конечно, никто не встретится из врагов.

Забубенный удивился.

– А кто здесь может встретиться, мы же на море. Венгры далеко, монголы и подавно. Да и плавать они не умеют, сам видел.

Констанция взглянула в глаза механику.

– Это море беспокойное, Грегор. Здесь хватает врагов и без них. На далматинском побережье много пиратов. Ближе к вечеру мы будем проходить острова Корчула и Лагоста, где они свили свои гнезда.

Григорий не поверил своим ушам, но Констанция была спокойна, рассказывая о возможных напастях, словно совсем не боялась их. «Меня что ли пугает, – обиделся Забубенный, – да я вроде пуганный. Хотя, конечно, к пиратам не хочется. Наверное, они не добрее монголов».

– Венеция тоже недалеко, – продолжала Констанция просвещать Григория, незнакомого с местными политическими коллизиями, – у нее много кораблей. И они будут рады досадить Фридриху не меньше короля Андрея, захватив меня.

«Господи, – озадачился Забубенный, – сколько же государств гоняется за этой несчастной женщиной, чтобы досадить императору. Чем же он их всех так достал?». Но вслух спросил:

– А друзья у твоего Фридриха на этом море есть?

– Нет, – спокойно ответила Констанция, – здесь есть он сам. Его рыцари и флот. Он император. Этого хватает.

– А что же он тогда не послал целый флот, чтобы тебе было спокойнее возвращаться? – удивился Забубенный, скользнув взглядом вдоль бортов одинокой галеры, бороздившей столь враждебную ей Адриатику.

Констанция горько усмехнулась и Забубенный уловил печаль в ее голосе. Давнюю, застарелую, которую ничем уже не просветлить.

– Он не любит меня, Грегор. Потому без сожаления и послал с тевтонцами в Венгрию, чтобы сделать за моей спиной свои дела через тайных советников. Если я не вернусь, он не опечалится. Женится снова на другой. Потому, для меня и одной галеры достаточно.

Забубенный был в шоке, услышав от жены императора такие речи. «Впрочем, чего еще

ожидать, если семья создавалась не по любви, – подумал Григорий, вспомнив о том, что их насильно женил римский папа, преследуя свои резоны, – это даже закономерно. «Стерпится-слюбится» в данном случае не прошло».

– Ну а мне что делать? – задал, наконец, самый правильный вопрос механик-чародей, – когда мы приплывем к твоему Фридриху.

Констанция оторвала взгляд от морской дали и пристально взглянула в глаза Забубенного. Теплые волны бились о борт галеры, обдавая брызгами.

– А что ты хочешь?

Забубенный молчал, не зная, что сказать.

– Я сдержу свое слово Грегор, – промолвила Констанция, немного помолчав. – Я представлю дело так, будто ты спас меня от монголов, ведь так и было. Фридрих наградит тебя, как захочет. Может быть, возьмет на службу. Ему нужны механики. А что будет с нами дальше, я и сама не знаю.

Забубенный призадумался. Да, что будет дальше, сейчас действительно не знал никто. Но, если сложится карьера механика, это уже будет хорошо. Только придется учить немецкий, но Забубенного не пугали технические трудности. Ради овладения механическими премудростями можно и покорпеть над учебниками.

– А пока, ты можешь отдохнуть, – заметила Констанция, выводя Забубенного из мечтательного состояния, – Под этой палубой есть три комнаты. В одной буду я, рядом фрейлины, ты можешь занять крайнюю.

– А рыцари где будут спать? – удивился Забубенный.

– Нигде, – сообщила Констанция, – пока не доставят меня императору, они отдают свое морское жилище мне и моим придворными.

– Круто, – покачал головой механик, – но я не против. А как же пираты?

– Это их заботы, – отрезала Констанция, – либо мы все доплывем, либо погибнем.

– Хорошая альтернатива, – пробормотал Забубенный, вдохнув свежий морской воздух.

Спустившись вслед за Констанцией по лесенке, он нырнул в крайнюю низкую дверку и оказался в небольшой камерке. К деревянному полу был прибит узкий лежак, прикрытый подобием матраса из соломы. Иллюминаторов не было. Спасательных жилетов тоже. Однако Григорий на большее и не рассчитывал. Морской болезни он с детства не боялся, а для того, чтобы отдохнуть и поразмыслить о будущем каюта вполне подходила.

Временно прикомандированный отрок Иблио помог Забубенному снять доспехи и удалился. Едва отцепив меч, Грегор фон Крайзеншпигель повалился на лежак и, не обращая внимания на качку, быстро уснул. Слишком много впечатлений свалилось на его буйную голову.

Когда Забубенный проснулся и, толкнув узкую дверку, шагнул на палубу, была уже ночь. Точнее, наступал рассвет, напоминавший о себе тонкой полоской света над темной гладью моря. Григорий подошел к борту и, потянувшись, стал всматриваться в предрассветную мглу. Дул попутный ветер. Ладья ходко шла под парусом. Рабы кемарили на своих скамейках, побрякивая в полусне цепями. Прохаживался вдоль рядов арбалетчик, выполняя работу надсмотрщика. Остальные солдаты дремали тут же, почти у кормы. Где сейчас находились рыцари, Забубенный не понял. Наверное, спали на носу галеры, прикрывшись по-походному плащами. «Да, неудобно получилось, – подумал с поздним раскаянием Григорий, – выселили законных хозяев из каюты». Хотя, отдали бы они ему свою каюту, если бы рядом не было жены императора, у механика уверенности не было. Может, спал бы сейчас на коврике. Согласно законам гостеприимства.

Посмотрев по сторонам, механик вдруг заметил яркое пятно над водой позади галеры, похожее на поднимавшееся солнце. Но, приглядевшись, Забубенный понял, что это не солнце. Это на приличном расстоянии от галеры горел какой-то корабль. Звуков было не слышно, но даже отсюда были видны метавшиеся по палубе тени. Кто-то прыгал за борт, кто-то пытался спасти имущество. По всему было ясно, что корабль загорелся не от брошенного окурка, а подвергся нападению. Долго всматриваясь в место действия

разыгравшейся на воде драмы, механик различил силуэты еще двух кораблей, быстро удалявшихся от объятых пламенем. Видимо они и подожгли неизвестное судно. Но, зачем? И кто был на всех этих кораблях – друзья или враги местного императора? Вспомнив рассказы Констанции о местных нравах, Забубенный решил, что это враги. Пираты или венецианские рейдеры?

Но рядом не было никого, кто мог бы ответить на вопросы Забубенного. Да и задать эти вопросы он не мог никому, кроме Констанции, и то, тайком. А сама Констанция спала сейчас мирным сном, словно происходящее за кормой ее совсем не беспокоило. Или рыцари-мореходы ей не доложили, решив не беспокоить. «Либо мы все доплывем, либо погибнем, – вспомнил механик произнесенные на сон грядущий слова жены императора». Поэтому, посомневавшись еще пять минут, Грегор фон Крайзеншпигель неожиданно для себя решил не раздувать панику, а пойти обратно в кубрик и продолжить размышления во сне. Так спокойнее. Авось пронесет.

Как решил, так и сделал. Вернулся в каюту, скрипнув дверью. И, снова оказавшись на лежаке, быстро уснул, несмотря на нервность окружающей обстановки. Ведь во сне даже опасность кажется нереальной.

А когда Григорий проснулся во второй раз, на палубе уже раздавались деловитые окрики надсмотрщиков и шелканье бичей. Видно, галера опять шла на веслах. Волна била в борт. Качка усилилась. Забубенный потянулся и посмотрел на свои доспехи, сложенные горкой в углу. Надевать их страшно не хотелось. Может быть, благородным рыцарям позволялось во время морских путешествий гулять по палубе только в исподнем? Но, не зная точно, как следует одеваться рыцарю во время морского плавания, Забубенный решил все же доспехи надеть. А то будет выглядеть неприлично. Все же дамы рядом. Да еще какие. Не прибегая к помощи отрока Иблию, которого еще нужно было вызывать на подмогу, Забубенный сам оделся во все железяки, кроме панциря, прицепил пряжкой плащ и вышел на качавшуюся палубу.

Море по-прежнему охватывало галеру со всех сторон, хотя впереди, прямо по курсу виднелась в утренней дымке тонкая полоска неизвестного берега. Оглядевшись по сторонам, рыцарь, давший обет молчания, заметил Констанцию, которая завтракала вместе со своими фрейлинами. Походный императорский двор, состоявший сейчас из самой Констанции, Изабеллы и Агнессы, расположился вокруг низкого деревянного столика, богато отделанного резьбой и золотой росписью. «Хороший столик, – подумал механик с завистью, – мне бы такой на рыбалку в прошлой жизни, все бы ахнули».

На столике стоял кувшин с вином, фрукты, какие-то рулетики и другие сложные мясные закуски, неизвестные Забубенному, больше привыкшему к простым шашлыкам или отбивным. Фрейлины, дорвавшись до более-менее приличной еды, картинно поедали все, что стояло перед ними, бросая снисходительные взгляды на появившегося из своей каюты механика. «Небось, мясо медведя вспоминают», – ухмыльнулся Григорий, приближаясь. Но в этот момент взгляд его упал на два корабля, следовавших за императорской галерой на приличном расстоянии. Но, это расстояние, как показалось Григорию, стремительно сокращалось.

Поприветствовав поклоном Констанцию, рыцарь, давший обет молчания, поднялся на корму и встал к бортику ограждения, разглядывая корабли. Есть, конечно, хотелось, но не просить же, в самом деле. Придется ждать, пока соизволят предложить. Здесь тебе не лес. Этикет, черт возьми. Надо привыкать. И Забубенный с некоторой грустью вспомнил лесные просторы, где он хоть пару дней был свободен от этикета и даже от условий жизни лагеря монголов. «Кто же это такие?» – подумал он, глядя на корабли, чтобы отвлечься от мыслей о еде.

Словно в ответ на его мысли перед женой императора появился рыжебородый рыцарь-капитан, который, кивнув Забубенному, приблизился к Констанции и заговорил с ней, предварительно извинившись за то, что прерывает высочайший завтрак. За время короткого разговора тевтонец несколько раз указывал на корабли, а Констанция оборачивалась в их

сторону. Насколько механик смог понять по тону рыцаря и испуганному взгляду Констанции, это действительно были не друзья. И хотели они, видимо, не просто сопроводить жену императора до места назначения.

Наконец, совет был закончен. Рыцарь спустился на палубу галеры и велел подналечь на весла. Надсмотрщик щелкнул бичом, приложив рабов по загорелым спинам. Галера и без того шедшая, на взгляд механика, довольно быстро, полетела по волнам еще быстрее.

Когда рыжебородый удалился, а фрейлины встали из-за стола, Констанция жестом позволила механику сесть рядом с ней на небольшой стульчик с мягкой подушкой, который показался Григорию почти детским. Но ничего лучше этой походной табуретки на корабле, видимо, не имелось.

Устроившись на стуле, который скрипнул под весом рыцаря, давшего обет молчания, Григорий отведал местных деликатесов – кусочки мяса оказались острокислыми, залитыми каким-то неизвестным соусом. Несмотря на терзавшие его муки голода, такого кушанья механик осилить не смог. Через силу съел пару кусков, закусив их лепешкой, хоть немного напоминавшей знакомую пищу. Отправил в рот пару соленых оливок. Возникший из-за спины отрок Иблио налил вина в бокал. Забубенный с удовольствием выпил глоток. Вино, к счастью, было отменное. «Да, – подумал про себя Григорий, – местная кухня меня наверняка еще удивит. Привыкать придется. Не знаю, что там едят эти сицилийцы, но вино у них хорошее».

– Откуда вино? – не удержался от вопроса вслух Забубенный, немного расслабившись на свежем воздухе. Рыцарей рядом не было, а окружения он не стеснялся, – небось, издалека везли? Испанское?

– Нет, – ответила Констанция, – хотя ты прав, у моего отца в Арагонской земле делают отличное вино. Но это вино сделано здесь. На Сицилии. Фридрих большой выдумщик. Следит за земельными владениями, устраивает фермы. Велел разбить множество виноградников. Привез из Африки странные растения. Ни одной пустоши не обделил вниманием.

– Да ну? – удивился Забубенный, – и что же он привез?

– Хлопок. Есть сахарный тростник. И даже небольшая плантация финиковых пальм. Все это неплохо прижилось на местной земле.

– Да твой муж просто образцовый председатель колхоза, – похвалил Забубенный, хотя Констанция его не совсем поняла, – но меня, честно говоря, больше интересует, где мы сейчас находимся, и что это за странные корабли пытаются нас догнать.

Отпив сицилийского вина, Констанция обернулась назад, с тревогой посмотрев на преследователей.

– Это венецианские нефы, – кивнула она на корабли, – хотят догнать нас и взять в плен, хотя пока и не догадываются, кто здесь находится.

– А когда догадаются, отстанут что ли? – попробовал пошутить Забубенный, но шутка не удалась, и тогда он, на всякий случай, задал вопрос, – а пираты? Ночью в море я видел горящий корабль.

– Да, мне доложили, – ответила Констанция, не смутившись, – это и были пираты.

– Правда? – Забубенный подался вперед, – а кто же их сжег?

– Венецианцы, – просто ответила Констанция.

– Но, зачем? – не понял Григорий, – они напали на венецианцев?

– Думаю, что наоборот. Они хотели напасть на нас, но не успели. Помешала ночь. А, бросившись в погоню, на свою беду повстречали венецианские корабли. Вот и все.

– Как все просто, – кивнул механик, – одни преследователи сожгли других. Для нас это, конечно, неплохо. Но ведь они на самом деле могут нас догнать. У них больше парусов.

– Не бойся Грегор, – успокоила его Констанция, – мы уже в прибрежных водах сицилийского королевства. До Бриндизи недалеко. Если Бог не оставил нас, а до сих пор он нам помогал, то мы встретим галеры Фридриха из тех, что постоянно курсируют здесь. А венецианцы не успеют нас захватить.

«Воистину эта женщина также мудра, как и красива», – подумал Забубенный, оглядываясь назад на корабли венецианцев. Но, поворачивая голову, он вдруг увидел, что со стороны берегов навстречу императорской галере движется целых четыре точно таких же корабля. «Наши, – чуть было не вскрикнул от радости Григорий, но вовремя одернул сам себя, не закричал, а только подумал, – какие к черту наши. Немцы. Или сицилийцы. Короче, мафия».

Тем временем преследователи, уже почти догнавшие галеру королевы, тоже заметили спешившую к ним помощь. И поняли, что ловить тут нечего. Два парусных судна стали совершать разворот в обратную сторону. Когда они повернулись к корме галеры бортами, оттуда в сторону тевтонцев полетели несколько стрел, пущенных с досады. За спиной Григория раздался крик – это стрела вонзилась в спину раба, сидевшего на веслах. Не особенно церемонясь с ним, подбежавший надсмотрщик отцепил раненого от общей связки и выкинул через борт в море. И тут же толкнул на его место нового раба, неведь откуда взявшегося. К счастью, никто из представителей двора и сам Забубенный не пострадали.

Скоро галера поравнялась с кораблями берегового охранения, на носках которых Забубенный рассмотрел такие же катапульты, как и у них на корабле. Рыжебородый тевтонец что-то прокричал капитану встречного судна, тот кивнул и даже ненадолго вытянулся по стойке смирно, отдавая честь Констанции. Его галера притормозила и, сделав разворот, легла на обратный курс, усилив охрану жены императора. А три остальные попытались догнать, или, как минимум, отогнать подальше от своих берегов венецианских рейдеров.

До слуха Забубенного донеслась резкая команда, выкрикнутая по-немецки с одной из атакующих галер. Солдаты засуетились на носу, и скоро вслед удалявшимся нефам полетели горящие шары. Последовал один залп. За ним второй. Все мимо. С шипением зажигательные снаряды падали в воду, обдавая брызгами борта венецианских кораблей. Лишь только третий залп увенчался успехом. Зажигательный снаряд врезался в высокую корму одного из них, разбросав по палубе огненные протуберанцы, часть из которых достигла паруса. И неф быстро вспыхнул, превратившись в горящий факел. Скорость его мгновенно упала. Разогнавшиеся галеры настигли своего противника. Одна из атакующих галер на полном ходу протаранила высокий борт нефа. Раздался страшный треск. Судно покачнулось, накренившись на пробитый борт. От удара мачта нефа преломилась и рухнула в воду. Горящий парус потух.

Приблизившись, две остальные галеры взяли израненный неф на абордаж. В воздух взметнулись крюки и на затянутую дымом палубу хлынули солдаты из абордажной команды. Завязался жестокий бой. «Так вот зачем им эти крюки», – подумал Забубенный, припомнив странное вооружение солдат, увиденное на своей галере. Я-то думал, что это пожарная команда, а оказалось как раз наоборот.

Второй корабль, между тем, ушел от погони. Его корма мелькала над волнами уже далеко. Но солдатам императора на сегодня было достаточно, по всей видимости, и одного трофея. Быстро сломив сопротивление венецианских моряков, они перегнали пленных на галеры, унесли, что смогли из захваченного на судне добра и быстро отчалили от пылающего нефа, пока огонь не перекинулся на галеры. Едва они успели это сделать, как неф опрокинулся на борт и, треснув пополам, почти полностью погрузился в воду. На поверхности был виден только его обгорелый осто.

Когда все было кончено, Забубенный перевел взгляд сначала на Констанцию, которая уже стояла у заграждения, окаймлявшего корму галеры, а потом и дальше, на шедшую параллельным курсом вторую галеру. Рассмотрев с близкого расстояния одежду солдат, находившихся на ней, механик-чародей с удивлением заметил, что там нет ни одного тевтонца. Сколько не всматривался он в мелькавшие на палубе галеры красно-синие и серые куртки, кожу доспехов, блестящие шлемы и кольчуги, среди них он не увидел ни одного белого плаща с черными крестами. Такие водились только здесь, на его судне. «Странно, – подумал Григорий, – я-то думал, что тевтонцы повсюду». Забубенный не любил подолгу

мучиться неизвестностью и сомнениями. А потому, пока позволяла обстановка, спросил об этом у Констанции.

– Да, ты прав, – ответила жена императора, – тевтонцы верно служат моему мужу, в отличие от других рыцарей – тамплиеров и госпитальеров, которых натравливает на него папа римский. Но их слишком мало. Здесь, в сицилийском королевстве, их не более четырех десятков. Остальные на севере, в польских землях. А тех, что ты видишь, прислал сюда лично великий магистр только для моей охраны по приказу Фридриха.

– Хм, – задумался Забубенный, – а кто же воюет в армии твоего мужа?

– Фридрих любит наемников, – ответила Констанция, – у него служит много рыцарей со всей Европы, из Германии и вассальных земель императорской короны. А, кроме того из Испании. Естественно, сицилийские рыцари и некоторые норманны из оставшихся. И, наконец, сарацины, которых он покорил, переселил из родных гор на равнину и разрешил верить в своего бога. Теперь у Фридриха в распоряжении всегда не меньше двадцати тысяч верных мавров.

– Не знал, что немцы так любят арабов, – удивился просвещенный механик.

Констанция улыбнулась, посмотрев на Забубенного.

– Это не удивительно. Понимаешь, Грегор, ведь Фридрих рос с детства окруженный арабскими мудрецами. Общался с ними, спорил и многому у них научился. В нем соединились восток и запад. Но востока в нем больше. Некоторые из наших советников даже полагают, что Фридриха нельзя называть чистокровным немцем, ведь он большую часть жизни провел здесь, на Сицилии, лишь изредка выезжая в северные германские земли.

Забубенный молчал, осмысливая услышанное.

– Он вообще очень странный, – грустно добавила Констанция и повернулась в сторону носа галеры, – но ты скоро сам это увидишь. Мы прибыли.

Механик поднял голову и взглянул туда, куда указывал перст Констанции. Прямо по курсу виднелась обширная живописная гавань. Над ней возвышалась скала с красивым каменным замком на вершине. Крепостная стена опоясывала большую часть горы. У входа в широкую бухту покачивались на волнах ровным строем восемь имперских галер со спущенными парусами – охрана императора от непрошенных гостей. Еще добрый десяток военных галер виднелся у берегов бухты.

– Это и есть Бриндизи, – сообщила Констанция.

Глава семнадцатая. Сицилийские земли

Перед входом в бухту галера охранения, на которой не было ни одного тевтонца, перестроилась, встав впереди, и пошла быстрее. Ее капитан взял теперь на себя роль главы сопровождения. Таким кильватерным строем оба судна проследовали мимо вытянувшихся в ряд боевых галер в глубину бухты. Со своего места на корме механик Забубенный зорко всматривался сначала в эти корабли, а потом в сооружения на берегу бухты. На кораблях, среди вытянувшихся вдоль бортов по стойке смирно солдат, он тоже не разглядел ни одного тевтонца. А на берегу императорскую галеру уже встречала пышная, хотя и не очень большая процессия.

Пока галера королевы причаливала, Забубенный вернулся в каюту и надел, на сей раз с помощью Иблию, недостающий панцирь, опять превратившись в тевтонского рыцаря. Вернувшись на корму, он рассмотрел довольно высокий пирс Бриндизи, оборудованный множеством механизмов, которые, судя по всему, служили для спуска и подъема различных тяжестей. Сразу за пирсом виднелись вместительные амбары, закрытые на засов. У входа маячили часовые с копьями. Забубенному показалось, что это должно быть местный арсенал или купеческие склады с товарами. За амбарами виднелись ближайшие к бухте дома, а дальше город жался к склону горы, уходя вверх. Венчала все, само собой, местная крепость.

Очень скоро Григорий разглядел столпившихся на пирсе вельмож в раззолоченных плащах и длинных одеждах, немногим отличавшихся от плащей. На них были странные

шляпы и береты, точь в точь как у того франта-переводчика из свиты Субурхана. На груди у каждого висели массивные золотые цепи с орденами. Рядом с вельможами стояли два знатных рыцаря в одеяниях тевтонцев. И еще несколько рыцарей незнакомого механику ордена, но, судя по выражениям лиц, это тоже были важные птицы. Да и не могли встречать жену императора простые вояки. Это ж государственное дело. За спинами вельмож виднелись простые воины из охраны. Человек тридцать.

– Держись спокойно, – посоветовала Григорию Констанция, украдкой сжав его пальцы в своей ладони, когда вся свита, отвернувшись, с радостью смотрела на родные берега, – теперь мы спасены. А до встречи с Фридрихом ты будешь играть роль рыцаря, давшего обет молчания.

– Там стоят какие-то важные тевтонцы, – усомнился рыцарь, давший обет молчания, – они же наверняка знают всех своих в лицо. А я даже по-немецки почти не говорю. Могу только пару фраз припомнить, хотя вряд ли это поможет. Они меня ведь и немного расколют.

– Не бойся, – Констанция незаметно сжала руку и посмотрела в глаза своему спасителю. – Это старшие, самые знатные из десятка тевтонских рыцарей, которые находятся здесь в Бриндизи. Тот, что повыше – Генрих Страндгот, рядом невысокий бородатый крепыш – Магнус Гампе. Оба они подчиняются Фридриху и мне, как и все тевтонцы, так что ничего страшного не случится, пока ты рядом со мной. Нам нужно только прибыть во дворец. А маскарад Фридриху мы объясним. Он оценит. Он ведь сам большой мастер выдумывать.

Галера уже уткнулась в пирс. Стоявшие на носу моряки выскочили на мокрые доски и стали привязывать швартовочные канаты. Еще двое быстро перебросили сходни.

– А это кто – слева, в дорогих шмотках и с орденами на груди? – поинтересовался Григорий, пока еще было время. – Это же не военные.

– Да, это бургомистр Бриндизи Штрой Марлихенкомпф и его печатник Шеффер с другими вельможами города.

– Какой печатник? – не понял Григорий, – секретарь что ли?

– Нет, – быстро сказала Констанция, – это хранитель городской печати.

– А остальные? – все же спросил Забубенный, глядя, как тевтонские рыцари с галеры приветствуют своих сослуживцев на берегу, странно поглядывая на корму. Как показалось Григорию, в его сторону.

– Это рыцари сицилийского королевства, – Констанция стала серьезной. – Пора сходить на берег.

И гордо подняв голову прошла к сходням в сопровождении фрейлин и пажа. Забубенный, то есть Грегор фон Крайзеншпигель, проследовал за ней на почтительном, но не слишком большом, расстоянии. Все-таки рыцарь, хотя и неизвестной породы.

При появлении Констанции в помятом платье с чужого плеча на лицах у всех присутствующих отразилось сначала недоумение, потом жалость, но спустя мгновение, все вельможи склонились в почтительном поклоне. «Ишь, как гнутся, – промелькнуло в голове у механика, – хорошо быть членом императорской фамилии, а лучше самим императором. Перед ним вообще, наверное, ломаются пополам».

В целом Забубенный справился с первыми страхами и вступал на землю сицилийского королевства уже довольно спокойно. Даже гордо подняв голову. Как-никак, спаситель жены императора. Единственное, что механика действительно беспокоило, это то, что он почти не знал ни немецкого, ни сицилийского наречия, а потому понимал далеко не все, о чем говорили.

Между тем, вельможи распрямились и приветствовали свою госпожу. Она ответила им такой же непонятной и длинной тирадой. Забубенный перевел это примерно так: «Мы бесконечно рады видеть вас, императрица, целой и невредимой после столь опасного плавания. Да, мое путешествие было долгим и опасным, – отвечала Констанция, – но, от пиратов меня спас храбрый фон Бельзиц».

Рыжебородый рыцарь, стоявший рядом, самодовольно усмехнулся и склонился в

почтительном поклоне.

Пока Констанция вкратце рассказывала о своих злоключениях и напастьях в Венгрии, от которых ее спас Грегор фон Крайзеншпигель, именитые тевтонцы Генрих Страндгот и бородатый крепыш Магнус Гампе с неподдельным интересом рассматривали новоявленного храбреца Крайзеншпигеля. Интерес подогревался тем, что оба именитых тевтонца много повидали на своем веку, верой и правдой служили ордену уже лет двадцать, но никогда не слышали о таком рыцаре. И вот теперь лицезрели легендарного храбреца впервые в своей жизни рядом с женой императора.

Забубенный немного приуныл, поймав на себе пристальные взгляды тевтонцев. Однако ненавистный этикет на этот раз выручил. Пытка продлилась недолго. Бургомистр, кажется Штрой Марлихенкомпф, явно предложил императрице отдохнуть с дороги, а она согласилась.

Несмотря на то, что все вельможи, тевтонские и сицилийские рыцари, были заинтригованы появлением в свите Констанции неизвестного храбреца, никто не задал фон Крайзеншпигелю никаких вопросов. Да и не мог задать. Этикет не позволял задавать вопросы рыцарю, давшему обет молчания. А этикет здесь, похоже, чтили.

Не утомляя более разговорами спасенную Констанцию, ее и придворных усадили в искусно сделанные и украшенные повозки, ожидавшие рядом. Рыцарю, давшему обет молчания, местные отроки подвели коня. Забубенный взобрался на него, сохраняя важный вид. И вскоре вся процессия оказалась в замке, венчавшем самую высокую гору на здешнем побережье.

Как выяснилось, замок Бриндизи был не только мощной крепостью, но и любимым местом отдыха императора. Это сразу бросалось в глаза. Здесь были не только башни, стены и охранявшие все это солдаты. Сразу за воротами, несмотря на горную местность, раскинулась довольно широкая площадь, украшенная фонтанами и скульптурами. Она была столь велика, что здесь легко могли разместиться несколько сотен человек. Видимо, Фридрих часто устраивал массовые увеселения. За площадью находилась укрепленная цитадель, но военное предназначение не помешало Фридриху выстроить в ней настоящий дворец с огромными залами для танцев и долгого питья. Местный император жил, не отказывая себе в развлечениях. Так, во всяком случае, показалось наблюдательному Григорию. Хотя, какой император будет на себе экономить?

Перед тем как Констанцию отвели в императорские покои, она велела оставить ее ненадолго в одном из залов со своим рыцарем-спасителем и быстро пересказала ему суть разговора с вельможами.

В Венгрии она чуть не попала в плен к монголам, и от этой опасности ее избавил храбрый Грегор фон Крайзеншпигель. Рыцарь, давший обет молчания. Он убил много врагов и помог ей бежать из замка вероломного короля Андрея до самого побережья Далмации. Но, в бою он потерял всех слуг и оруженосцев.

Императора Фридриха здесь нет, он неожиданно уехал в Неаполь, чтобы встретить послов от генуэзской республики с предложением мира. Поэтому императрица приняла решение сегодня отдохнуть в Бриндизи.

Забубенный даже обрадовался, что Фридриха здесь нет, а ехать дальше надо будет только завтра. Похоже, очень своевременно выпал случай отдохнуть. Да и в целом, пока никто ему не угрожал разоблачением.

Простившись с Констанцией, которая напоследок сообщила, что завтра утром придет за ним пажа Иблио, механик-чародей в сопровождении молчаливых сицилийских товарищей отправился в свои покои. Грегору отвели помещение для отдыха этажом выше, чем Констанции, в соседнем крыле небольшого дворца. Но механик был не в обиде.

Ведь, едва оказавшись в своих покоях, которые состояли из обширной спальни и пяти залов для еды, увеселений и ближайшей прислуги, он сразу же заметил огромный стол с кушаньями. Настроение у механика мгновенно улучшилось. «И когда только успели накрыть, – удивился Забубенный, – или они всегда держат столы накрытыми?». Удаляясь,

проводимые всем своим видом показали рыцарю, что если ему понадобятся слуги, то стоит только дернуть за веревочку, они и появятся.

Одного слугу ему, впрочем, оставили сразу. Этот был отрок, такой же худощавый, как Иблио, только не белобрысый. А немного схожий видом с чернявыми италийцами, как их себе представлял Забубенный. Григорию пришлось разрешить ему помочь снять с себя доспехи. После чего отрок был немедленно выгнан вон. Григорий показал на веревочку, висевшую у входа, что мол, позовет, если надо будет. А разливать вино по бокалам он мог и сам. Отрок удалился, признав право рыцаря пить в одиночестве.

Возможно, это было и не правильно. Знатные рыцари не должны были обходиться без слуг и оруженосцев, но Забубенному за последние дни жутко надоели эти немецкие отроки. Вот если бы к нему приставили в услужение какую-нибудь красотку, он, скорее всего, выгнал бы ее не сразу. И Григорий мысленно унесся в монгольский лагерь, вспоминая свою предупредительную и приятную во всех отношениях Тайчин. Чем она там, интересно, сейчас занимается, без хозяина? Хотя, если Субурхан ее не казнил в сердцах, нового хозяина ей найдут быстро.

Оставшись один, рыцарь, давший обед молчания, со всей страстью стал предаваться грехам чревоугодия и пьянства. Дал выход эмоциям, накопившимся за несколько последних дней. Новых впечатлений у него было, хоть книгу пиши. Только большинство людей в здешнем времени были неграмотные. Коммунистов еще не народилось, чтобы научить крестьян читать и писать. А напрягаться только для князей Забубенный считал ниже своего достоинства. Слишком маленькая аудитория. Да еще ведь повесят, если что не так напишет. Так что лучше оставаться механиком, если выйдет, так надежнее. Пусть лучше потом про него книгу напишут, какой он гениальный механик. Или трубадуры песню сочинят.

Такие мысли ворочались в захмелевшей голове Забубенного, когда он обнаружил в покоех балкончик с видом на море и надолго там обосновался, перетащив со стола немного еды и кувшин вина. Балкончик представлял Забубенному отличную возможность полюбоваться местными видами. И, что было особенно хорошо, остальные покои на этом этаже дворца были пусты или выходили на другую сторону. Так что подсмотреть, как гуляет рыцарь, давший обет молчания, никто вроде бы и не мог. И вот, глядя на мерно раскачивавшиеся на волнах бухты Бриндизи имперские галеры, Григорий расслабился.

Наливая себе очередной бокал терпкого вина, Забубенный смотрел на море, пытаясь проникнуть взглядом за горизонт, скрывавший недавно покинутые земли. Перед внутренним взором маячили знакомые русичи и монгольские воины. Куда они там уже добрались? Иногда он грозил пролетающим над головой чайкам, стараясь внушить им уважение и отвадить от дурных намерений. Потом механик захотел спеть какую-нибудь русскую народную песню и только тут понял, что он уже смертельно пьян. Одно неверное движение и легко можно выдать себя с потрохами, а тогда не видать ему карьеры механика. Возможно, и ничего более не видать. Кто его разберет, этого Фридриха. Но Забубенный сделал над собой усилие и сдержался. Нетвердой походкой механик доковылял до постели и рухнул, не раздеваясь, в чем был.

Всю ночь ему снились моторы. А под утро приснился самый противный мотор, который стучал так, словно никогда не знал масла и доброй руки механика. Но, открыв глаза и напрягая слух, Забубенный различил какой-то шум в прихожей. Кто-то возился перед дверью, периодически нанося по ней тактичные удары кулаком. Усилием воли, которое утром нужно гораздо чаще, чем вечером, Забубенный заставил себя подняться и доковылять до входа в свои хоромы. Еще не вполне соображая, что делает, механик открыл дверь. За ней стоял отрок Иблио.

– Чего тебе надобно, парень? – спросил Григорий по-русски.

Отрок промолчал. Но к Забубенному медленно стала возвращаться память и он сам припомнил, где он находится и что сегодня нужно куда-то ехать.

– Сейчас буду, – сказал он, – ты тут подожди, вдруг броня не налезет. Тогда позову.

Спустя пару часов целый императорский поезд, состоявший из семи роскошных

повозок, в сопровождении охраны, выступил из Бриндизи и, по желанию Констанции, направился в Неаполь. Сначала дорога шла через горы, но прибрежные возвышенности быстро закончились, и дальше путь в глубь полуострова проходил почти по равнине, лишь кое-где разнообразившейся пологими холмами.

Забубенный, ехавший на своем коне рядом с повозкой Констанции в сопровождении немного отставших именитых тевтонцев, с интересом взирал на возделанные пашни, протянувшиеся вдоль дороги. К счастью ни Генрих Страндгот, ни Магнус Гампе не донимали его вопросами, уважая данный обет, но медленно трезвеющего механика не оставляло чувство беспокойства. Ему казалось, достаточно удалится от Констанции чуть больше, чем на корпус лошади и любознательные рыцари немедленно попытаются удовлетворить свое любопытство на счет таинственного происхождения храброго тевтонского рыцаря Грегора фон Крайзеншпигеля, о котором не слышал даже сам великий магистр ордена.

Поэтому Грегор решил оставаться до последней возможности рядом с женой императора, тем более, что скоро должна была состояться встреча с самим Фридрихом, а там – будь что будет.

Забубенный с интересом наблюдал за жизнью местного населения. Его любопытство возбуждали даже самые обыденные вещи – пашни, на которых копошились крестьяне. Живописная мельница, стоявшая на неширокой речке у моста. Вокруг мельницы толпился народ в ожидании своей очереди. Едва завидев приближавшийся поезд с императорскими флагами, крестьяне попадали на колени и склонили головы, видимо, призывая господина дать здоровье и долгие годы жизни Констанции, а также мудрому императору Фридриху.

Незадолго перед тем, как дорога пошла в гору, Григорий обратил внимание на небольшую рощу. Деревья были посажены как-то странно, на большом расстоянии друг от друга. Присмотревшись, механик признал деревца – он видел их на банках с оливковым маслом в прошлой жизни. Но, как ему казалось, оливы должны были расти где-то в Африке. Впрочем, Африка была не так далеко. А император большой выдумщик, как ему уже говорили, да еще и увлекавшийся сельским хозяйством.

Но в заботах о развитии хозяйства на итальянских землях Фридрих, тем не менее, не забывал и о государственных делах. Об этом Забубенному напомнили десять виселиц с повешенными, которые он увидел вдоль дороги сразу за оливковой рощей.

Ехали великодержавные путники, не торопясь, и скоро наступил вечер. Не видя никаких цивилизованных строений вокруг, Забубенный уже начал беспокоиться, не полюбили ли жене императора за время путешествия по Хорватии ночлеги в лесу на свежем воздухе. Но, перед тем как вязкие южные сумерки окутали предгорья, прямо перед ними, словно из-под земли, вырос небольшой замок, прилепившийся к подножию одной из скал.

По всей видимости, это было жилище какого-то местного феодала, которое Констанция сочла достаточно приличным для того, чтобы скоротать там ночь. Дорога оказалась неблизкая, хотя перед выездом Констанция успела шепнуть Григорию, что ехать до Неаполя придется почти два дня.

Так оно и получилось. На утро они снова выступили в путь и, поплутав немного среди горных вершин и желто-зеленых пейзажей, к вечеру прибыли в окрестности Неаполя. Солнце палило нещадно. Путешествие на коне по жаре в полной экипировке, даже, не смотря на то, что он, подобно другим рыцарям еще утром снял шлем и тяжелый панцирь, положив его в специальную повозку, не доставляло Грегору фон Крайзеншпигелю особого удовольствия. Он гораздо лучше чувствовал бы себя в повозке рядом с Констанцией, но статус рыцаря и героя не позволял ему расслабиться. И Забубенный молча продолжал болтаться в седле, обозревая окрестные виды.

Обогнув очередную скалу, дорога неожиданно вышла к морю, и механик сразу позабыл о своих походных проблемах – так красиво было вокруг. Внизу, на берегах живописной бухты, раскинулся большой древний город. Многочисленные дома из дерева и

выщербленного камня, покрытые красной черепицей, жались к подножию гор. Над ними возвышалось несколько замков и шпили великолепного костела. Еще один замок, немного похожий на древнеримскую виллу, стоял на ближайшем острове, словно вырастая из воды.

Вдоль длинного причала выстроилось бесконечное множество торговых кораблей и военных галер. По пирсу деловито сновали люди, казавшиеся отсюда муравьями. Вода в бухте пестрела от парусов и бурлила от всплесков весел. «Какие из них, интересно, генуэзские корабли? – спросил себя Григорий, разглядывая паруса и флаги. Но, не найдя особых различий, сам себе ответил, – уже уплыли, наверное».

Глядя на все это великолепие красок и буйство природы, Забубенный даже рот открыл от удивления. Хотя, сверху Неаполь все же казался муравейником, построенным заботливыми муравьями в красивом, но не очень удобном месте. Улицы казались спутанными, а дома просто давили друг друга от нехватки пространства. Хотя иногда механику попадались на глаза и довольно широкие площади. Куда же без площадей в городе.

Когда дорога пошла вниз, начитанный механик заметил знакомые очертания вулкана, нависавшего надо всей этой красотой. На первый взгляд, он был не очень и велик, а отделяли его от Неаполя всего несколько верст. Григорий скосил глаза влево и осмотрел берег. Внизу виднелись кое-какие полуразрушенные постройки, которые словно залили цементом неряшливые строители. Дорога огибала это место стороной, хотя совсем миновать не могла. Присмотревшись, механик понял, что это был не цемент, а вулканическая лава.

«Везувий, что ли? – спросил Григорий сам себя, еще раз посмотрев на гордый профиль вулкана, внутри которого до поры до времени таились мощные смертоносные силы, – и ведь хватило одного плевка лавой, чтобы уничтожить многострадальную Помпею. Вот она, сила природы. Не повезло ребятам. Нашли, где поселиться».

Через пару часов императорский поезд уже вступал в Неаполь. Констанция отправила Генриха Страндгота и Магнуса Гампе посланцами к Фридриху – возвестить о своем возвращении, и они скоро вернулись. Но не только с тевтонцами, которых едва набрался десяток, а с отрядом сицилийских всадников, разряженных так пестро, что Забубенному показалось, что он попал на бразильский карнавал.

Когда же поезд с женой императора, спустившись с горной кручи, приблизился к раскрытым настежь воротам города, оттуда раздали такие дикие крики и вопли, не то радости, не то удивления, что Забубенный снова вспомнил про бразильский карнавал. Но, как скоро выяснилось, приветствовали совсем не Констанцию.

Глава восемнадцатая. Черный человек

Оставив за спиной горные кручи и коварный Везувий, Забубенный следуя за Констанцией, вступил на запруженные ликующим народом узкие улочки Неаполя. Поняв, как народ любит свою императрицу, Григорий чуть не прослезился. Но то, что он увидел вскоре, заставило его мгновенно забыть о любви подданных к своим монархам. Когда поезд, пробиравшийся сквозь толпу, которую разгоняли ехавшие впереди рыцари, достиг площади, удивлению механика не было предела.

Он увидел слона. Настоящего слона с большими бивнями и широкими ушами, которыми тот обмахивался, изнывая от жары. Слона подгоняли несколько дрессировщиков. Действуя длинными палками, они заставили его отойти от фонтана, из которого он только что пил воду, и двинуться дальше по улицам города под восхищенные вопли толпы. Сделав последний глоток на глазах Забубенного, слон неохотно отошел от фонтана и устремился в сторону порта по самой широкой из увиденных улиц. Погонщики и толпа, для которой это зрелище было великолепным развлечением, двинулись за огромным животным, практически не обратив внимания на прибывшую императрицу. Только некоторые, заметив Констанцию, сгибались в почтительном поклоне, остальные предпочитали глазеть на слона.

Взглянув на Констанцию, механик заметил на ее лице довольно будничное выражение, которое говорило о том, что жена императора довольно часто сталкивалась с подобными

проявлениями народной любви. Она не велела прекратить представление и даже не приказала рыцарям наказать непочтительную чернь. Напротив, она приказала всем остановиться и, когда слон исчез из поля зрения, а толпа схлынула с площади, кортеж повернул в другом направлении, устремившись по одной из узких улочек наверх. К возвышавшемуся над городскими домами великолепному дворцу.

«Да, – с неожиданной грустью подумал Забубенный, – во все времена народ требует хлеба, водки и зрелищ. Все остальное нужно, видимо, только просвещенным механикой умам».

Спустя недолгое время, вместе со своей многочисленной свитой Констанция вступила в императорский дворец Неаполя через раззолоченные ворота. Проехав между рядами выстроившихся солдат, она приблизилась к широкой мраморной лестнице, на которой ее ожидала более многочисленная компания встречающих вельмож, нежели в порту Бриндизи. Да и городок этот, по мнению Григория, был чуть крупнее. Во всяком случае, по улицам Бриндизи слонов не водили.

Приглядевшись к встречающей стороне, Грегор фон Крайзеншпигель заметил нескольких католических священников, пятерых тевтонцев и множество разодетых вельмож. Были здесь и сицилийские рыцари. Григорий усиленно вглядывался в эту богато одетую толпу, пытаясь угадать кто же из них император Фридрих, но не угадал. Точнее, императора среди них не оказалось. Констанцию встретили епископ и бургомистр города, предложив сразу пройти в главный зал дворца, где уже шло какое-то празднество.

Констанция сделал знак Забубенному идти рядом и механик, как верный пес, пристроился сбоку. Немного стушевавшись от такого обилия важных персон, Григорий, однако, скоро пришел в себя. А когда они закончили подъем по казавшейся бесконечной лестнице, механик уже чувствовал себя совсем хорошо. Зря, что ли он сживал за одним столом с русскими князьями, да монгольскими ханами. Мед-пиво с ними пил. Чего ему этот немецкий император. Подумаешь, шишка. Он и с ним выпьет, если придется. И не побрезгует.

Когда ступеньки из серого мрамора закончились, перед счастливо избежавшей плена женщиной открылись раззолоченные двери в огромный зал, где громко играла музыка и веселилась масса вельможного народа. Танцевала, пила вино и раззадоривала друг друга. Тут были мужчины в обтягивающих штанах и женщины в ярких причудливых платьях. На вошедшую Констанцию почти не обратили внимания, вельможи продолжали веселиться, лишь удостоив взглядом прибывших. Через весь зал протянулись столы с яствами и вином, которыми танцующие активно угощались, когда музыка ненадолго смолкала. Как показалось Забубенному, стоявшие рядом Генрих Страндгот и Магнус Гампе нахмурились. Они были солдатами, хоть и высокопоставленными. И тевтонцам не нравилось, что здесь так непочтительно относились к жене императора, которому они служат. Хотя тон задавал, похоже, сам император.

Но тут музыка вновь смолкла, и, сквозь расступившуюся толпу, к ним вышел высокий крепыш в белых одеждах. Его черная борода была аккуратно подстрижена, на лбу уже просматривались залысины, предвещавшие скорое расставание с остальными волосами. Ноги слегка отдавали кривизной, как у профессионального наездника. «Настоящий ариец», – составил мнение об императоре Забубенный. Позади императора толпились несколько придворных красавиц, музыкантов и еще парочка, похожая, по разумению механика, на древних поэтов.

– Рад видеть тебя, Констанция, – произнес «ариец», улыбнувшись, – Как прошло путешествие? Мне рассказывали, что ты едва не попала в плен к этим диким степнякам.

– Я попала в плен, Фридрих, – ответила оскорбленная приемом дочь испанского короля, – но этот рыцарь спас меня.

Фридрих приблизился к Забубенному и впери в него свой пронизательный и насмешливый взгляд.

– Рыцарь «Ордена Святой Марии Тевтонской», – произнес он с ухмылкой, – Что же,

орден служит нам хорошо, и мы этого не забудем.

Магнус, Генрих и остальные тевтонцы остались довольны этими словами. Благодаря подвигам невесть откуда появившегося рыцаря, давшего обет молчания, им могли перепасть неожиданные милости от короны. Именно по этой причине, которая держалась в тайне, они и напросились сопровождать Констанцию в Неаполь, хотя и в Бриндизи были служебные дела.

Фридрих продолжал рассматривать лицо механика, словно что-то заподозрив.

– Как тебя зовут рыцарь? – спросил он, наконец, – У ордена много рыцарей, и я знаю почти всех его доблестных представителей. А тебя не знаю.

Забубенный с мольбой взглянул на Констанцию. Он догадался, что его о чем-то спросили, но вот о чем? Может ляпнуть что-нибудь типа «Гутен морген» или «Гебен зи мир биттэ дас»? Ведь насколько фраз по-немецки Забубенный знал на зубок, как любой русский, смотревший фильмы про войну.

– Его зовут Грегор фон Крайзеншпигель, – выручила Констанция, – он спас меня, но дал обет, что никому не расскажет о своих подвигах.

– Твоя скромность достойна восхищения, рыцарь, – ответил Фридрих, все еще с недоверием изучая лицо механика.

«Чувствует подвох, сволочь», – подумал Григорий, но промолчал и только глупо ухмыльнулся, чтобы показать, что все понял, хотя не понял ни черта. «Их ферште нихт», как говорится.

– Фридрих, – неожиданно сказала Констанция, – нам надо обсудить с тобой дела. Я привезла из Венгрии важные новости. Это не терпит отлагательств.

Император обернулся к сопровождавшим его красавицам и музыкантам.

– Как, ты хочешь, что бы все эти люди прекратили праздновать по случаю нашего мирного договора с трусливыми гунуэзцами, которые приползли ко мне на коленях, слово побитые собаки, поджав хвосты.

– Нет, – тряхнула волосами Констанция, – они пусть празднуют. Но мы должны поговорить прямо сейчас.

– Ну, что ж, – огорчился Фридрих, – раз ты так хочешь...

Но тут лицо его озарилось неподдельной радостью, когда он заметил фрейлин, оттертых на задний план рыцарями. Фридрих сделал несколько шагов к ним и, взяв за руку, притянул к себе Изабеллу, поцеловав в лоб.

– Ты жива, моя красавица, – проговорил он, рассматривая девушку в упор и не обращая внимания на окружающих.

Фрейлина тоже улыбнулась, что-то тихо пробормотала и бросила короткий взгляд на Констанцию.

– Ладно, поговорим позже, – сказал Фридрих, выпуская Изабеллу из своих полуобъятий. – Главное, ты спасена. А сейчас меня ждут государственные дела. Пойдем, дорогая, в мои тихие покои, где нам никто не помешает узнать твои новости.

«Да, – подумал Забубенный, глядя на все это, – не соврала Констанция бедному механику. Тут и, правда, нет места светлому чувству между мужем и женой. Зато других желающих, хоть отбавляй. Хотя, это что же, получается, – озадачился Забубенный, увидев неожиданный расклад, – кроме жены императора, я случайно спас еще и любовницу. Ну, дела».

– Развлекайтесь, – удаляясь с Констанцией, бросил Фридрих напоследок так и стоявшим в дверях тевтонцам, сицилийским вельможам и всем остальным, кто был в зале, – и ты Грегор фон Крайзеншпигель, тоже выпей за мое здоровье.

Перехватив настороженный взгляд Констанции, Забубенный догадался, что скоро решится его судьба. А, услышав свое новое имя, понял, что к нему обращался император. На всякий случай Забубенный глупо улыбнулся, как обычно делают иностранцы, когда не понимают о чем речь, но не хотят обидеть собеседника. Однако, глядя, как оживились остальные рыцари, двинувшись к столу с вином и угощениями, механик тоже постепенно

догадался, о чем говорил херр Фридрих. «Пить дозволили». Оглядевшись по сторонам, он тоже двинулся к столу, благо обет молчания не запрещал участвовать в фуршете.

Слуги в расшитых куртках поднесли ему кубок с терпким красным вином, попивая которое Забубенный присматривался к гулявшим сицилийским вельможам. Танцы, конечно, были здесь более замысловатые, чем в двадцать первом веке, но жара и вино также сказывались на всех. Даже на вельможах. В отдаленных углах можно было заметить мило ворковавшие парочки, но никакого открытого разврата не наблюдалось. Разве что, поэты, прибывшие вслед за Фридрихом, стояли рядом, взявшись за руки, и пили вино, томно глядя друг на друга.

Понаблюдав за этим педерастами, Забубенный чуть не сплюнул прямо под ноги Магнусу Гампе, стоявшему рядом. Но удержался, и, отвернувшись, стал наблюдать за сицилийскими дамами из высшего общества. А здесь было на что посмотреть. Таких форм и в таком количестве механик не видел даже в прошлой жизни. И даже по такому развратному каналу, как «Эм-Ти-Ви». Хотя внешне все выглядело пристойно. Но, все же, впитывая первые впечатления от города, Забубенный вспомнил чье-то изречение насчет Неаполя – рай, заселенный чертями, и где-то в глубине души с ним согласился.

Неожиданно к столу, у которого стоял рыцарь, давший обет молчания, приблизились два отрока-пажа. Остановившись напротив механика, они круто развернулись и пошли в обратную сторону, словно приглашая последовать за ними.

«Ну, вот и все, – сказал сам себе Григорий, допивая вино, – сейчас узнаем, что с нами будет». И пошел за ними, не раздумывая. А чего тут тянуть, перед смертью не надышишься. Хотя механик и надеялся на снисхождение. Все-таки жену человеку спас, хоть и не любимую.

Пажи проследовали сквозь наполненный музыкой зал и оказались в соседнем, где также были люди, с интересом взиравшие на неизвестного тевтонца. Но пажи не останавливались. Шагая за ними, Григорий миновал еще пять залов, спустился на один этаж, прошел по длинному коридору, где на каждом шагу попадались охранники, повернул за угол и уперся в массивную дверь, перед которой стояли два вооруженных мечами сицилийских рыцаря. «Интересно, – отметил Забубенный, – в Неаполе тевтонцам доверяют меньше».

Рыцари расступились перед императорскими пажами и пропустили Забубенного внутрь, где он увидел Фридриха и Констанцию. Едва он вошел, двери закрылись. Григорий огляделся. Это был небольшой зал в бордовых тонах, в дальнем конце которого стоял длинный тяжелый стол, тянувший на целую тонну веса. Но эта темная громадина была не лишена изящества. Стол стоял на коротких гнутых ножках и был искусно инкрустирован. По всем стенам кабинета императора, – а в том, что он попал именно в кабинет, Забубенный не сомневался, – висели огромные картины. Портреты каких-то странно одетых людей с лицом вырожденцев, горные пейзажи, библейские сюжеты, античные торсы. Кроме картин в кабинете стояло несколько скульптур: в углу один голый мужик в полный рост, напоминавший Аполлона, и девушка топless, державшая в руках лук и стрелы. Кажется, Афина-Паллада. Была еще статуя поменьше с крыльями, но, кто там изображен, мужчина или женщина, Забубенный не разглядел. Статуя была небольшой, стояла на малахитовом постаменте и размещалась почти за спиной императора. Император, судя по всему, любил античную живопись и скульптуру. «Оно и понятно, – вспомнил Григорий титул Фридриха, – он же ведь император не какой-нибудь там захудалой империи, а «Священной Римской». Как же тут без античных истуканов».

Хотя Забубенный всю эту педерастию не очень уважал, но, на всякий случай, сделал вид, что восхищен коллекцией. Чуть было даже не сказал «Зер Гут, херр Фридрих!», но вовремя сдержался.

Император и его законная жена, данная от имени бога папой римским, сидели перед этим огромным столом в низких резных креслах, смотревшихся рядом с ним просто невесомыми. Светлый цвет дерева добавлял им легкости. С боку стоял маленький столик с вином и фруктами. А напротив еще одно, только очень широкое кресло. При желании там

могли разместиться два худых человека или один рыцарь с оружием. Увидев вошедшего, Фридрих жестом указал ему как раз на это чудо-кресло.

Забубенный, помедлив мгновение, сел. И, бросив взгляд в открытое окно, аркой устремлявшееся от пола к самому потолку, попытался понять по лицам собравшихся, что происходит. Через окно в кабинет императора залетал морской ветер, принося свежесть и даже прохладу. Здесь было приятно находиться. И, особенно, работать. «Эх, – с завистью подумал Григорий, – мне бы такой кабинет. Хотя, зачем он мне? У меня дома гараж не хуже. Просторный, с диваном и подвальчиком, только без голых каменных мужиков».

Констанция казалась задумчивой, медлительной какой-то. Молчала. И, Фридрих, посмотрев в лицо Забубенному, заговорил первым. Естественно, на своем языке. Закончив фразу, посмотрел на жену. У Забубенного, который изо всех сил пытался вспомнить основы немецкого, возникло инстинктивное желание попросить Фридриха говорить чуть помедленнее, вдруг что-нибудь удастся разобрать самому. Но он привычно сдержался.

– Я рассказала ему нашу историю, – ожила вдруг Констанция, снова став переводчицей.

У механика ком подкатил к горлу. «Вот те раз, – пронеслось в мозгу Григория, – интересно, какую? Похоже, это самая короткая карьера механика в истории. Даже до помощника главного механика не успел дорасти».

– Я рассказала ему, как ты спас меня от монголов, – добавила Констанция, – как провел через Хорватию. Как сражался.

«Ах, это, – отлегло от сердца у Забубенного, – это можно».

– А он уже знает, что я не рыцарь? – осторожно поинтересовался герой-механик.

Констанция кивнула.

– Знает, Грегор.

Словно поняв, о чем они говорят, Фридрих усмехнулся.

– А что я русич? – еще тише спросил механик-спаситель.

– Тоже знает, – подтвердила Констанция.

Забубенный помолчал немного, поглаживая рукоять меча. Наконец, сглотнув слюну и, глядя на Фридриха, который как ни в чем не бывало, поглаживал свои залысины, спросил.

– И что теперь?

– Ему все равно кто ты и откуда. Главное, что ты спас меня и...

Она внезапно замолчала. Голос Констанции дрогнул, но, взяв себя в руки, испанка продолжила, – и спас... моих подданных.

«Знаю я, про каких ты подданных говоришь, бедняжка», – подумал Забубенный.

– Он прощает тебе то, что ты притворился рыцарем, – проговорила Констанция. – Ты сделал это ради благого дела. Но даже за твои заслуги Фридрих не может сделать тебя рыцарем официально.

– Да мне и не надо, – радостно воскликнул механик-чародей, – мне этот доспех только в тягость. Да и жарко в нем.

Григорий постучал себя по груди.

– Ты переведи ему, что я вообще-то мирный человек. Технический. И воевать не особо люблю. За меч взялся не от хорошей жизни – только по случаю крайней нужды. А вообще-то я люблю работать по металлу. В железяках копать. Механизмах всяких.

Взгляд Забубенного сделался мечтательным.

– И еще, я рассказала ему, что ты хороший механик, – снова вставила слово жена императора, – Фридрих готов попробовать тебя в деле. Если ты справишься с экзаменом, то тебя оставят при дворе механиком.

Забубенный не поверил своим ушам.

– Меня? Механиком при дворе императора?

Констанция кивнула и добавила:

– Хотя, Фридрих удивлен, что на Руси есть механики.

А сам Фридрих снова ухмыльнулся, словно добрая фея, которая только и знает, что делает добрые дела. Но, вспомнив про виселицы у дороги на Неаполь, Забубенный слегка

умерил свою радость. Образ феи потускнел.

– Механики на Руси есть. Такие кудесники, что ему и не снилось, – оскорбился Забубенный. – А что за экзамен мне надо сдать?

– Это тебе расскажет твой наставник. Но сначала тебе придется выучить наш язык.

– Ну, это понятно. Подтянем знания, я уже даже кое-что вспоминать начал, – Григорий кивнул, не сдержав вздоха облегчения. – А кто будет моим наставником и вообще, что со мной будет дальше?

Констанция перевела вопрос мужу. Тот вдруг встал, подошел к раскрытому окну и подозвал жестом Забубенного. А когда Григорий приблизился и посмотрел в указанном направлении, Фридрих затянул довольно длинную фразу. И даже что-то спросил, судя по тону.

Забубенный повернулся к жене императора, ожидая перевода. Все-таки пары фраз, которые он вспомнил, явно не хватало для делового разговора.

– Что говорит твой благоверный?

– Он сказал, что у сицилийского королевства большой флот. А должен быть еще больше. Предстоят великие войны и дальние походы.

– Понятно, – кивнул Забубенный, – войны, походы. Как у всех.

– Здесь в Неаполе построены огромные верфи, – продолжала Констанция, – не хуже пизанских и генуэзских. Фридрих сейчас строит много кораблей. Есть верфи и в других городах. Даже в столице. Там, в Палермо, находится самая лучшая на острове Сицилия и во всем королевстве верфь.

– Он, что решил построить самый большой в мире флот? – пошутил Григорий, к которому постепенно, после известия о том, что его не казнят немедленно за обман и оскорбление рыцарского достоинства, возвращалась обычная непосредственность.

– Да, – просто ответила Констанция, – Фридрих спросил, что ты знаешь из механики. Какой раздел? Знаком ли ты с теориями кораблестроения или строительства подъемных механизмов?

У Забубенного глаза полезли на лоб. Он перевел удивленный взгляд с Констанции, которая сидела в кресле, на стоявшего рядом Фридриха. Император смотрел в открытое окно. Взгляд его блуждал по морю. Видимо, Фридрих предавался размышлениям о предстоящих походах.

– А здесь что кто-то изучает теорию механики? – осторожно поинтересовался Забубенный.

– Да, – опять просто ответила Констанция, отпив вина, – недавно Фридрих основал в Неаполе университет. Там несколько кафедр, где преподают виднейшие ученые со всего Запада и даже Востока. Здесь многие изучают механику. Даже сыновья некоторых вельмож не гнушаются изучать науки. У нас это модно. Почти также, как сочинять музыку и писать стихи.

– И когда он все успевает, – пробормотал ошарашенный Григорий, – ну, я университетов не кончал. Только моторостроительный техникум. Хотя, если что, могу подучиться.

Констанция озадаченно посмотрела на Забубенного.

– Так ты механик или нет, Грегор?

– Да механик, я, механик. Просто у нас, чтобы стать механиком не обязательно заканчивать университет. Достаточно училища и личного таланта. А вообще-то я механик хоть куда, на все руки мастер. Самородок, понимаешь? Даже местами рационализатор.

Жена императора настороженно молчала.

– А что такое рационализатор, Грегор? – спросила она, наконец.

– Это такой механик, который нормальные вещи выворачивает наизнанку и говорит, что так лучше. Демонстрирует творческий подход, даже если и без него все хорошо работает.

Констанция крепко задумалась и продолжала молчать, не находя нужных слов.

– Ну, короче, переведи его величеству, – сказал Забубенный, – что я специалист по

железным движущим силам.

Констанция заморгала, ей явно не хватало словарного запаса, для того чтобы описать технический гений своего спасителя. Фридрих уже вернулся с небес на землю и, наблюдая заминку, что-то спросил у жены. Она попыталась ему ответить, но получилось длинно и путано. Хотя, сработало. Фридрих взглянул на Забубенного с интересом и даже некоторым уважением. «И что она ему там наплела, интересно, – подумал озадаченный чудо-механик, – назовут незнамо чем, а потом попробуй соответствовать».

К счастью, в этот момент, после трех ударов, двери в кабинет снова отворились и на пороге возник невысокий человек в черной куртке, штанах и накидке. На голове его сидела шапочка из черного бархата с драгоценным камнем. На шее, как и у всех местных богатеев, поблескивала золотая цепь. Мужчина был стар и седовлас, но выглядел еще крепышом для своих лет. Его цепкий и пронзительный взгляд сразу же остановился на Забубенном, словно пытаясь просверлить дыру в голове у механика. Прочтешь все тайные мысли незнакомца.

«Это еще что за черный человек», – озадачился Григорий.

– Познакомься, Грегор, – представила вошедшего Констанция, – перед тобой господин Шмидт. Главный придворный механик сицилийского королевства.

Глава девятнадцатая. Дас ист херр Шмидт.

Точнее она сказала это сначала по-немецки:

– Дас ист херр Шмидт.

Но после, спохватилась и исправилась, переведя на русский. Херр Шмидт молча сверлил тяжелым взглядом Забубенного. Григорий взгляд выдержал, даже сам уставился на заслуженного механика. Повисла неловкая пауза, которую прервал император Фридрих, сказав что-то на родном наречии.

– Ты можешь идти, Грегор, – произнесла Констанция упавшим голосом, – Фридрих объяснит твоё превращение тевтонским рыцарям сам. А с этого момента ты поступаешь в распоряжение господина Шмидта. Он отвечает за твою жизнь до экзамена. Он же назначит тебе учителей немецкого языка и место, где ты будешь жить.

«Отлично, – подумал Забубенный, – а что будет, если я экзамен не сдам, переэкзаменовка или сразу на виселицу?». Но промолчал, взглянув на Констанцию, чья усталая красота его по-прежнему привлекала, хотя она до сих пор так и не переделалась в королевские одежды, больше подобающие ее статусу. Даже не отдохнула с дороги. «Просто деловая женщина какая-то, – подумалось Забубенному, – хотя ведь она из-за меня старается. Можем ведь больше и не увидаться. Кто его знает, что будет».

Скользнув прощальным взглядом по изящному стану жены императора, Забубенный вышел из бордового кабинета вслед за черным человеком, тихо побрякивая оружием, с которым ему, наверняка, тоже скоро придется расстаться. Механики мечей не носят. Хотя, херр Шмидт имел на боку какой-то узкий и короткий клинок. Не то кортик, не то длинный кинжал. «Наверное, этот кинжал ему тоже по этикету полагается», – подумал Григорий.

Херр Шмидт уверенным шагом преодолел коридоры дворца, даже и не думая сворачивать в зал, где танцевали другие вельможи, хотя и его, наверняка, можно было отнести не к самым бедным государственным служащим сицилийского королевства. Но, то ли он не был приглашен, то ли предпочитал механизмы танцам, но херр Шмидт быстро покинул императорский дворец. Все еще думая о Констанции, Забубенный смирился со своей судьбой и, не раздумывая, шел следом за главным механиком сицилийского королевства, чья черная спина маячила перед ним в пяти шагах.

Выйдя из дворца через большие ворота на какую-то боковую улицу, они сразу же углубились в город. Здесь, у ворот, к ним молча присоединились еще четверо, одетые, как херр Шмидт. Григорий вглядывался в их молодые лица, пытаясь понять, то ли это сыновья главного механика, то ли его подмастерья. Если первое, то одеты были просто по моде, заданной папашей. А если второе, то, скорее всего, у местных механиков была форма. А сам

Забубенный в белом тевтонском плаще смотрелся, среди них ярко но, наверное, не очень уместно. Коня ему никто не подвел. Передвигались они пешком.

«Хорошо бы, что бы все настоящие тевтонцы остались на банкете, – рассуждал Забубенный, – а то насмешек не оберусь. Или вдруг оскорбить кто задумает. Драться придется».

Вообще размышления механика о своей судьбе были сейчас не очень веселыми. Шагая по узким улицам Неаполя сквозь толпу разноцветных горожан, экс-тевтонец думал о том, кем же его теперь сделают. Оставят свободным механиком, низведут до подмастерья, или того хуже сделают рабом-механиком. И заставят выполнять всякие грязные и нудные операции типа закручивания гаек, отлучив от творческой работы. Но без креатива Забубенный не мог. Просто не выжил бы. «Нудная работа хороша для немцев, – подумал он вдруг и осекся, – а я сейчас среди кого?».

Предаваясь грустным размышлениям, Григорий Забубенный изредка смотрел по сторонам, а иногда наверх, вспоминая, что в древности с канализацией были проблемы. Унитазов и смесителей не хватало. Поэтому изобретательные жители городов выливали помои прямо с балкона на улицу. Часто на головы проходим. Запашок был еще тот. Стояла жара, лишь помогавшая болезнетворным бактериям размножаться в свое удовольствие. Дувший с моря ветерок не спасал положение, ведь на его пути было выстроено множество домов, а улицы извивались, как змеи. Но херр Шмидт не обращал внимания на местные запахи. Он был привычен к этому и шел своим курсом, ловко уворачиваясь от помоев, летящих сверху и перешагивая через кучи мусора на камнях мостовой.

Всю дорогу херр Шмидт проделал молча. Вряд ли он знал язык русичей, да и говорить пока было не о чем. А может, он считал это ниже собственного достоинства. «Интересно, – подумал Григорий, – ему объяснили, что я не тевтонец? Наверное, да». С момента знакомства прошло уже более получаса, но херр Шмидт не проронил пока ни звука.

Группа механиков шла вниз, как определил направление Забубенный, в сторону порта. Несколько раз им на встречу попадались конные сицилийские рыцари. По одному и группами, похожими на патрули. Они подозрительно поглядывали на тевтонца, шагавшего за главой местных механиков, а ему самому, как показалось Григорию, даже отдавали какое-то подобие чести. Видно, херр Шмидт был здесь в почете, и его каждая собака знала.

Когда путники проходили мимо лавки местного башмачника, притулившейся на перекрестке дорог, до слуха Забубенного донеслась итальянская речь.

– Ва bene, синьорэ, – говорил простолюдин, одетый в потертую матерчатую куртку, хозяину лавки, примеривая кожаный башмак, – ми пьаче. Даккордо.

«Да это просто мегаполис какой-то с кучей разноплеменных туземцев, – растерянно подумал Григорий, покосившись на простолюдина, который согнулся перед ним в почтительном поклоне, – итальянский еще придется учить. Интересно, а на каком языке общаются на Сицилии? Констанция говорила что-то про сарацин. Неужели прозорливый Фридрих не догадался ввести один государственный язык? Не такой уж он прозорливый, получается».

Пройдя еще сотню метров и оказавшись у выхода на пирс, херр Шмидт резко свернул направо и, по узенькой тропинке, петлявшей между прибрежными скалами, устремился в сторону нескольких больших зданий, напомнивших Григорию амбары в Бриндизи. Эти строения жались к самому морю, у них имелся собственный пирс, а рядом стоял довольно симпатичный трехэтажный особнячок из коричневого камня с белыми ставнями. По всей видимости, здесь и обитал главный механик сицилийского королевства.

Так оно и оказалось. Пройдя по тропинке, они остановились у каменного особняка. Херр Шмидт о чем-то обмолвился парой слов со встречавшим его у дверей человеком и, толкнув створку, вошел в дом. «Слава богу, похоже, не немой», – пронеслось в голове у механика, вошедшего следом. Четверо молодых людей тоже оказались в доме. Ничего не говоря, они мгновенно рассредоточились по комнатам. «Значит, это все-таки сыновья, дорогу знают, – решил Забубенный, проходя в гостиную и осматриваясь, – хотя, кто их

разберет. Вроде и самые толковые подмастерья частенько жили в доме у мастера».

В гостиной было по-немецки строго. Каменный пол. Мебель крепкая. Большой стол. Много высоких стульев. Массивный комод и длинные полки на стенах с какими-то кадками и бочонками. На одном из стульев сидел невысокий седой человечек, но одетый куда более жизнерадостно, чем Шмидт. На нем были зеленого цвета куртка и красные штаны. Ноги покоились в коричневых грубо сшитых ботинках, а рядом лежала черная шляпа с короткими полями и небольшим рыжим пером. «Тиролец, что ли, – присмотрелся Григорий, – или Тиль Уленшпигель местного разлива». Незнакомцу не хватало только штанов с подтяжками и кружки пива в руке.

Херр Шмидт снял свою шляпу, бросил ее на комод, и, кивнув знакомцу, сел за стол. Забубенному он тоже сделал знак сесть. А незнакомец, получив сигнал говорить, открыл рот и произнес на ломаном русском:

– Херр Шмидт рад приветствовать вас, херр Грегор, у себя в доме.

– Данке шён! – ответил Забубенный, присаживаясь на стул с высокой резной спинкой и придерживая меч, чтобы не стучал по ножкам.

– О, ви говорить по-немецкий? – удивился толмач.

– Найн, – ответил Григорий, – очень мало. В пределах школьной программы.

И добавил:

– В целом, ни черта не понимаю. Их фэрштээ нихт. Шпрехен зи руссишь?

– О, я! – ответил толмач. – Извиняйте меня, херр Грегор. Я не представиться вам. Меня зовут Мюних Гайзель. Я профессор местный университет в Неаполь. Ваш переводчик и учитель немецкий язык. Две недели мы будем учить язык, а затем сдавать экзамен. Потом вы будете работать у херр Шмидт и тоже сдавать ему экзамен. Так захотеть наш император.

«Вот, елки-палки, опять в студенты попал, – озадачился Григорий, – но теперь хотя бы ясны пределы обучения. Не шесть лет маяться, как в Питере на заочном. В Неаполе, я смотрю, учат быстрее. Раз и готово. Хотя, чему он меня тут за две недели научит? Механиками не становятся – механиками рождаются».

– А что за экзамен я буду сдавать херру Шмидту? – поинтересовался Забубенный.

Мюних переадресовал вопрос хозяину дома. Тот пробурчал что-то в ответ и даже отвернулся.

– Он сам расскажет, когда ви будешь понимайт, – перевел Мюних, – Как механик механику.

– Понятно, – кивнул Григорий, – значит, будем учить языки.

– Наш император сказал, что ви очень хороший механик, – вдруг продолжил свою речь Мюних, – и херр Шмидт для начала хотел узнать, какой область ви знайт лучше всего?

Григорий вспомнил разговор с Констанцией и все трудности перевода. «Что же она там про меня наплела императору, – подумал он с досадой, – с добрыми побуждениями, конечно, но мне-то что теперь делать?»

– Я по моторам специализируюсь, – ответил он, заранее зная, что не будет понят, – двигатели ремонтирую. Разборка, сборка, форсаж, тюнинг.

В глазах у местного толмача действительно появилось непонимание.

– Ви знакомы с подъемный механизм?

– Знаком, – кивнул Григорий, – И ваши тоже видел. Только это прошлый век. Вам здесь на верфи кран нужен и лебедка мощная.

Мюних напрягся, как мог, перевел сказанное. Херр Шмидт на это обиделся, что-то проворчал в ответ. Похоже, Григорий задел его за живое.

– Херр Шмидт говорит, что наши подъемный механизм – самый совершенный в Европе, – гордо сказал Мюних, – это он их все конструировать и построить.

– Да херр Шмидт просто не был на Руси, – ответил Забубенный, – там такие подъемные механизмы – закачаешься. Правда, пьют много и сильно громкие. Грузчики называются. Любую лебедку враз заменят. Тем более, что лебедки вечно поломанные стоят.

Поймав ошарашенный взгляд Мюниха, Забубенный сжалился. В глазах у

просвещенного тирольца был ужас. Он не знал таких терминов. Но все же неуверенно пробормотал в свое оправдание:

– Наши механизмы работать.

– Ладно, сменим тему, – сказал Григорий, – Где я буду жить, пока учусь. В общежитии? Мюнх с благодарностью посмотрел на своего нового ученика.

– Найн. Ви будешь жить здесь, на второй этаж. Херр Шмидт дает вам один свой комнат и новый одежда. А этот плащ и доспехи тевтонский рыцарь вам надо вернуть.

– Ладно, сдадим, – нехотя согласился Забубенный. С мечом, конечно, было спокойнее. Но какой тут от него прок. В одиночку весь Неаполь не победишь. Да и не собирался Забубенный воевать с местными. Он ведь теперь, можно сказать, эмигрант. Придется привыкать к сицилийским обычаям.

Посмотрев на обиженную физиономию старого механика, Григорий уточнил:

– С чего начнем?

– Ми начнем с прогулки по Неаполь, – неожиданно сообщил Мюнх. – Так ви бистрей усвоить язык и узнать город. Это будет урок. Ми ходить, смотреть и говорить. Но, это будет завтра утром. А сейчас ви узнать свой комнат и переодеться. Потом ви есть и отдыхать. Лучше спать. А завтра ми идем в город.

«Вот это да, – удивился Забубенный, – есть, спать и гулять. Отличное обучение. Мне здесь понравится. Видать, за меня замолвили словечко».

– Передайте херру Шмидту большое спасибо за гостеприимство, – выразил свое восхищение происходящим Григорий. – Данкэ шён, как говориться!

Мюнх передал. Хмурый механик пробормотал в ответ что-то нечленораздельное, покачав головой.

– Херр Шмидт говорит, что воля императора для него закон. Он выполнит все, что ему приказали. Но пусть херр Грегор готовится хорошо – экзамен будет не легкий.

– Ах, вот оно, что. Приказали, – убедился в правильности своих догадок насчет доброты главного механика Забубенный. – Понятно. А на счет экзамена пусть не переживает. До него еще две недели. Дожить еще надо. Пока время есть. А сейчас пусть добрый херр Шмидт велит подать ужин, а то уже есть охота.

Ужин оставил в душе путешествующего русича тягостное ощущение. Ели всей семьей – главный механик, его жена, почтенная матрона, четверо сыновей и приемный работник Григорий Забубенный. Ни колбасы, ни сосисок сицилийские немцы готовить еще не научились. Макарон тоже не было. Промелькнули сыры, пиво и что-то из овощей.

Зато, осмотрев свою комнату, Забубенный остался в целом доволен. Бедненько, но чистенько. Пенал два на четыре метра с массивной кроватью, столом и одним окном, зато, выходящим на море. Это уже плюс, хотя император мог бы и получше апартаменты предложить спасителю жены. «Впрочем, – заключил Григорий после осмотра, – грех жаловаться. Спасибо, что жив пока». С тем он и уснул, повалившись на кровать.

Рано утром, когда он натянул на себя то, что ему принесли пацаны, одетые снова, как и херр Шмидт, во все черное, механик-чародей, наконец, понял, как должен выглядеть добропорядочный бюргер. Забубенный надел поверх исподнего синюю куртку с короткими рукавами и натянул штаны. Точнее штанишки. Это было коричневое подобие бриджей, которые заканчивались чуть ниже колен. Дальше шли бордовые чулки и башмаки на высокой деревянной подошве. Таких ужасно неудобных ботинок он давно не носил. Лапти не в пример эргономичнее.

Зеркала в комнате не было. Поэтому Забубенный пытался рассмотреть себя как мог, изгибая шею не хуже гуся. Это ему удалось с большим трудом. Наконец, он со вздохом подпоясался тонким ремешком и надел шляпу. Ни золотой цепи, ни ножа на пояс ему не дали. Одно радовало – ему не всучили такого же похоронного наряда, какой носили сыновья главного механика королевства.

«Буратино какой-то», – решил Григорий, сплюнул на пол и спустился в гостиную, где его ждал педантичный профессор местного университета. Первым делом, он проводил

своего ученика на пирс, где спозаранку уже толкалось множество рыбацкого народа. Утро на жарком средиземноморском юге, как известно, начиналось рано. К обеду люди успевали так устать, что хотелось отдохнуть, не дожидаясь ужина. Так южане и придумали сиесту. Но сейчас они еще бодро бегали по деревянному настилу, грузили свои шаланды сетями и уходили в море на лов рыбы.

Херр Мюних объяснил своему ученику, как называется по-немецки причал, имевшиеся здесь разнокалиберные подъемные механизмы, сети, море, лодка и корабль. Даже разъяснил разницу между парусным судном в чистом виде и галерой, ходившей преимущественно на веслах.

– А, галеры, – с видом знатока махнул рукой Григорий, – плавали, знаем.

– Ви моряк? – удивился Мюних.

– Да нет.

Мюних немного помолчал, потом переспросил, щурясь на солнце, отражавшееся от поверхности воды.

– Так да или нет? Я не совсем понимаю, херр Грегор.

– Нет, – повторил ответ Григорий, – я не моряк. А вот летать умею. Могу и вас научить летать.

Услышав это, профессор засмеялся и указал пальцем в небо. Забубенный поднял глаза. В небе, прямо над их головами кружила стая чаек.

– Летать могут только птицы... – назидательно произнес Мюних, но Забубенного это не смутило.

– Тоже мне профессор, такой ерунды не знает, – съехидничал Григорий, – летать все могут. Только специальный механизм надо сделать, понимаешь?

– Механизм? – удивился Мюних, – чтобы летать? Энтшульдиген зи. Их ферште ниht.

– Ну, да, – подтвердил Забубенный, – механизм ко всему приспособить можно. И чтобы летать, и чтобы ездить. И чтобы по морю быстрее плавать. Вот, в вашем университете есть кафедра машин на паровом ходу? Ну, там, катера, пароходы, подводные лодки. Вы же у моря живете.

Мюних замолчал ненадолго, потом ответил с сомнением.

– Найн. А что есть такое «паровый ход»?

– Это когда котелок нагревается и пар в небо выпускает, ферштейн?

– Йа.

– А надо сделать так, чтобы пар за зря не пропадал. Ну, пустить его по трубам, так чтобы он выполнял полезную работу, крутил всякие шестеренки и колесики. Ферштейн?

Мюних кивнул.

– А когда вы такую штуку смастрячите, – продолжал вещать Забубенный, – она двигатель, кстати, называется, ее можно и на галеру поставить. Тогда и весла не нужны. Будет летать быстрее ветра и даже против ветра. Такая галера «пароход» называется.

Забубенный заметил, что профессор Мюних больше не выражает удивления по поводу неожиданной лекции иноземца Забубенного. Он даже достал небольшую книжечку, сделал там несколько пометок чем-то похожим на карандаш.

– Пиши, пиши, – подбодрил его Забубенный, – Па-ро-ход. А потом, когда научитесь пароходы делать, можно и двигатель усовершенствовать. Чтобы не только на дровах работал, но и на бензине. Но, это вам еще рано. Пока котлами занимайтесь.

Григорий вдруг остановился и посмотрел на видневшийся за мачтами пришвартованных в гавани кораблей очень красивый замок. Тот, что стоял на недалеком острове и был похож на римскую виллу. Это его Григорий видел с самой верхотуры, когда спускался вместе с женой императора к воротам Неаполя.

– Что это? – поинтересовался любознательный механик.

– Это замок Кастель дель Ово – сообщил Мюних – Возведен на этот остров еще в прошлый век на фундаменте старинной римской виллы.

– Значит все-таки римской, – огорчился Забубенный, – жаль, я думал греческой.

– Наш император любить все римское, – сообщил профессор, – мы имеем счастье жить в великой и священной римской империи. А этот город, – профессор повернулся в сторону гор и указал на ютившиеся на покатых склонах дома, замки и церкви, – один из главных городов империи. Но... столица все-таки находится в Палермо, на острове.

– Понятно, – кивнул Забубенный, – Их ферштээ. Данке шён, херр Мюнх.

– А это, – профессор указал на один из видневшихся в городской черте богатых замков, – Кастель Нуово, замок, который наш мудрый и щедрый император подарил своей жене Констанции в день свадьбы.

– Что вы говорите, – делано удивился Григорий, – и часто она там бывает?

– Она там жить всегда, херр Грегор, – развел руками профессор, – когда не находится в столице. Там у нее свои покои в главном дворце и еще один замок для отдыха.

Забубенный призадумался.

– Ну, мы, кажется, здесь все осмотрели, – сказал он, наконец, глядя вслед последней запоздалой лодке рыбаков, – не пойти ли нам в город. Погулять в окрестностях этого живописного Кастель Нуово. Заодно расскажете, как и что называется.

– О, йа! – согласился профессор. – Их мейхте... Я хотел бы показать вам очень много в Неаполь. У нас есть университет и еще у нас есть богатый зверинец. Там жить зверь со всего свет. Есть обезьян и даже большой слон из Африка.

– Слона я видел, – подтвердил Забубенный, – своими глазами.

– Ви знать, что такое слон? – удивился профессор, – но это очень редкий зверь. Его видеть только те, кто жить за морем в Африка, и мы, потому что у нас есть лучший в мире зверинец. Слава император! Он не жалеть денег на наук и искусство.

– Да любой русский знает, что такое слон, – ошарашил профессора Забубенный, – у нас зоопарки чуть ли не в каждом городе.

– У вас такой богатый нация? – удивлению Мюнхиха не было предела, – я не знаю об этом.

Он замолчал и приходил в себя минут пять.

Выйдя с территории порта, они медленно прошли по улицам Неаполя, останавливаясь на каждом углу. Три раза их чуть не облили помоями, один раз чуть не переехала повозка какого-то знатного вельможи и четыре раза чуть не затоптали копытами лошади конных рыцарей, совершавших ежедневный объезд.

Вообще Забубенному показалось, что с охраной и порядком в столице сицилийского королевства все нормально. Войск здесь было предостаточно. За день Григорий увидел столько по-разному одетых солдат и рыцарей, что у него рябило в глазах. А одежда местных горожан просто не поддавалась описанию. Еще в прошлой жизни, глядя на безумный бред модельеров, воплощенный в виде лохмотьев на сексапильных манекенщицах, Забубенный не прекращал удивляться, как этим людям не надоест заниматься всякой ерундой с эротическим подтекстом. Но местные горожане, без всякого подтекста, были одеты так, что никакой модельер не догадается придумать похожий фасон. Было видно, что многие из них вообще не привыкли обращаться к портным и шили себе одежду сами. Каждый сицилиец был сам себе модельер.

Глава двадцатая. Stupor Mundi

Первым делом Мюнх потащил своего ученика, естественно, в университет, здание которого располагалось в роскошном доме ближе к горам. Дом этот состоял из нескольких корпусов и был похож на замок разбогатевшего бюргера, где все было сделано скорее добротно, чем изящно. Фасадом местный университет выходил на одну из площадей, название которой Забубенный из вежливости уточнил, но все равно не запомнил. Да это, по его мнению, было и не важно, поскольку все площади в германских землях назывались «плац», а улицы «штрассе».

В университете, где шли занятия по непонятному для Григория расписанию, они

пробыли недолго. Механик уговорил своего проводника поскорее покинуть стены учебного заведения, дабы не мешать процессу обучения. Благо, ему не нужно было сидеть там за партой и отвечать на вопросы. Но некоторые уголки этого огромного здания Забубенный все же осмотрел. Особенно ему понравилась оружейная комната с доспехами и комната, где хранились учебные пособия для охотников – такого количества чучел пернатых он нигде не видел. Неизгладимое впечатление на него произвел и местный анатомический театр, где как раз резали какой-то свежий труп.

Несмотря на запреты церкви, просвещенный император покровительствовал медицине и позволял ставить эти опыты. Мюнх с шепотом сообщил Забубенному, что местная кафедра еще небольшая, а вот в Солерно император открыл настоящую медицинскую школу. Согласно новым веяниям в медицине для пользы здоровья студенты также постоянно посещают целебные источники вблизи Неаполя.

– Да, я тоже люблю минералку, – поддержал начинание Забубенный, – от гастрита помогает.

Кроме того, выяснилось, что Фридрих был знатным коллекционером и собирал не только книги на разных языках, но и научные приборы, что было еще большей редкостью. Мюнх с гордостью рассказал, что из Дамаска в подарок от султана император получил искусно сделанный шатер, где, как на небе, удивительным образом приводились в движение по своим орбитам изображения солнца и луны.

– А, планетарий, – кивнул Забубенный, – у нас такой тоже есть. На него можно взглянуть?

– Увы, – развел руками профессор, – этот шатер он не стал дарить университету, а поместил в своем дворце в Палермо на Сицилии.

– Жаль, – огорчился механик, – далековато. А я бы глянул.

Ну и напоследок они посетили лабораторию местных механиков, где многочисленные студенты изучали допотопные, по мнению Григория, механизмы. Ему понравился только небольшой макет парусного судна, на который дует ветер. Ветер производился вручную с помощью приспособления, напоминавшего ветряную мельницу, которое крутил один из помощников преподавателя.

Выйдя из здания университета, Мюнх и Григорий вновь оказались на площади. На этой же площади находилась местная ратуша. Передохнув немного у фонтана, они зашли и туда, из чего Забубенный сделал неожиданный вывод, что его учитель вхож в высокие сферы, а он не такой уж и простой путешественник, раз его знакомят с бургомистром и местными чиновниками.

Бургомистра, между тем, на месте не оказалось. Он уехал на прием по случаю закладки новой фермы в окрестностях Неаполя, где по приказу императора собирались выращивать верблюдов для облегчения передвижений в южных колониях королевства. Верблюд ведь животное экономичное – мало ест, мало пьет, много работает. Просто воплощение мечты перевозчиков и контрабандистов. «Вот как мучаются люди без моторов», – все же пожалел Забубенный подчиненных Фридриха.

Но и без губернатора интеллигентному механику в ратуше было с кем пообщаться. Помощник губернатора Бреннер фон Гаульбе разрешил профессору Мюнху познакомиться Забубенного с юридическим отделом, который обосновался в местной библиотеке, располагавшейся здесь же, этажом выше. Григорий не отказался. Он любил библиотеки, тем более, что эта оказалась одной из самых обширных, да еще собранной самим императором. Как оказалось, Фридрих питал слабость ко всем редким книгам и даже сам в минуты отдыха предавался занятиям литературой. «Надо будет как-нибудь почитать, чего он там пишет, – подумал Забубенный, – детективы, небось, кропает на древнеримскую тему».

Сейчас в библиотеке Фридриха царили юристы. Профессор Мюнх представил им Забубенного, как талантливого иностранного специалиста по механике и паровым агрегатам, посетившим сицилийское королевство с дружественным визитом. Группа из двадцати лучших юристов королевства, собранная в одном месте, трудилась по заданию императора

над сводом новых конституций. Старшим в ней был благообразный старик с прозрачными глазами, немного похожий на Нострадамуса. Звали его Майгель Кренц.

Забубенный через переводчика поинтересовался у Майгеля, над чем они сейчас работают. Майгель, к удивлению механика, не стал темнить. Он рассказал, что группа под его началом готовит для Священной Римской Империи новый, самый прогрессивный свод законов в мире, поскольку старым император Фридрих недоволен. В нем слишком много свобод для подчиненных и почти нет наказаний за налоговые преступления. Работа еще в самом разгаре.

А когда Забубенный попросил в двух словах объяснить, о чем идет речь, то выяснилось, что в новом законопроекте вся власть сосредотачивалась в руках императора, а бедные феодалы лишались почти всех привилегий. Их замки должны быть разрушены. За междоусобицу полагалась смертная казнь. Даже ношение оружия запрещалось. Зато крестьянам выходила поблажка – крепостное право в королевских имениях собирались уничтожить.

– Вы хотите освободить крестьян? – удивился консерватор Забубенный, – Да ваш император просто молодец – настоящий коммунист.

– О, да, – ответил через переводчика польщенный Майгель, – наш император очень просвещенный и свободолюбивый монарх. В новых конституциях он подчинил себе даже духовенство и обложил его налогами, как и все другие сословия. Кроме того, мы введем запрет, и больше никто не сможет дарить и завещать церкви свои земли.

– А он у вас, что, атеист? – удивился Григорий, – идет против церкви. Я же видел во дворце массу священников.

– О нет, – хитро улыбнулся древний юрист, – он уважает церковь. Мы ведь даже оставим в законе пытки для еретиков. Но Фридрих не желает платить церкви много денег. Он даже поэтому поссорился с папой римским и сам назначил нового папу. Так что, будет лучше, если все это закрепить законодательно.

– Назначил нового папу? – опять недопонял Григорий, не очень просвещенный в вопросах смены должностей у духовенства, – а старого куда дел?

– Старый на месте, – невозмутимо ответил Майгель, – в Риме.

– А новый? – от этого разговора с искушенными юристами у Забубенного стали проявляться первые признаки ступора.

– А новый здесь, в Неаполе.

– Так у вас тут что, альтернативный папа? – не поверил своим ушам Забубенный, – разве может быть сразу два папы?

– Да, – кивнул Майгель, – конечно, некоторые юридические нестыковки на лицо, но мы над ними работаем. Действующий папа уже отлучил Фридриха за это от церкви, поскольку считает, что папа выше императора и последний должен выполнять его волю. Но наш император не обратил на это особого внимания. Фридрих Второй уверен в том, что как раз он вправе сам назначать главу духовенства. И наш император достаточно силен для этого. Так мы и живем.

– Непростая ситуация, – кивнул Забубенный, – император Священной империи отлучен от церкви. У нас на Руси с папой теперь тоже проблемы. Ну, да ладно, здесь они сами как-нибудь разберутся.

Забубенный вздохнул, утомленный долгим разговором с юристами, но не смог себе отказать в удовольствии:

– А как у вас в новой конституции описаны права механиков?

– О, – с готовностью откликнулся глава юридического отдела, – это у нас привилегированное сословие. С них берут меньше налогов и предоставляют большие права.

– И гаражи бесплатно дают? – оживился Забубенный.

Впервые Майгель Кренц казался озадаченным. Его прозрачные глазки сделались мутными.

– Этот вопрос мы еще не рассматривали, – нашелся он, наконец, – Но, даже сейчас,

насколько я знаю, херр Шмидт чувствует себя хорошо.

– О, это я знаю, – кивнул Григорий, – Но, насчет гаражей не забудьте приписать.

На том они и попрощались. Выйдя на площадь, раскаленную адским зноем, Забубенный мгновенно забыл о недавней беседе. Но Майгель Кренц не забывал ничего. Он счел советы иноземного специалиста разумными, старательно их записав. И когда через семь лет на съезде в городке Мельфи его новые «Конституции королевства Сицилийского» были, наконец, обнародованы, права механиков в них защищались должным образом. Каждому из них, помимо прочих свобод, от государства полагалось по гаражу. А особо отличившимся даже по два. И помешать этому не смог ни старый добродушный римский папа Гоннорий Третий, ни новый – Григорий Девятый, от всей души ненавидевший Фридриха и его конституции.

– Жарко у вас, – пожаловался Забубенный уже по-немецки, разглядывая полуденное марево над городом. Механик осваивал язык очень быстро, тем более с таким классным преподавателем.

– Да у нас есть влажный климат и жарко, – согласился с ним по-русски Мюнх, тоже оттачивавший на Забубенном свое знание русского.

– А не зайти ли нам в ближайшее гранд-кафе, – предложил уставший от юристов механик, – и опрокинуть по стаканчику, а херр профессор?

Херр профессор некоторое время размышлял.

– Ви предлагать немного выпить? – удивился он, – но ведь еще самый разгар обучения? До ужина еще далеко. А в обед мы не пьем. Да еще в такой жара.

– Наслышан, – нехотя согласился Забубенный, – хотя, конечно, жаль. И обучение пошло бы в два раза быстрее.

Забубенный посмотрел на плавившиеся от солнца камни местной штрассе.

– Кстати, профессор, понимаю, что не время, но, скажите – в местных барах продают водку?

– А что есть водка? – уточнил Мюнх.

– Водка – это очень-очень крепкое белое вино, – попытался разъяснить механик, – но для русских вполне подходящее.

Забубенный оглядел профессора с ног до головы и добавил:

– Хотя для вас это, наверное, белая смерть.

– Найд, – ответил, подумав, профессор, – красный вино много. Белый и такой, как вы хотите, найд.

– А жаль, – проговорил усталый механик, – но перекусить-то нам не возбраняется?

– Да, – согласился профессор, – поесть мы можем. На это у меня отпущены средства.

После того, как увлеченные экскурсией путешественники, перекусили за счет императора в большой харчевне, где собиралась приличная публика, они отправились смотреть знаменитый зверинец. Он находился в западной части города, откуда открывался великолепный вид на дремлющий Везувий. Хотя, за день пребывания в городе Забубенный уже успел заметить, что вид на древний вулкан открывался почти отовсюду.

Зверинец действительно был интересным. Фридрих не пожалел денег на его обустройство. И не так давно, по словам Мюнха, у самого берега моря был выстроен комплекс невысоких каменных домов без крыш с клетками для небольших зверей и просторных вольеров для животных типа слона. Но слона опять не было на месте. Его, как объяснили служащие зверинца, снова отправили на прогулку по улицам Неаполя, веселить народ.

– Ваш император молодец, – похвалил Забубенный, – заботится о дешевых развлечениях для народа. Да еще вполне гуманно. Не то, что его римские предки – только и знали, что резать и рвать на куски несчастных гладиаторов во всяких Колизеях.

– Йа-йа, натюрлих, – согласился профессор, разглядывая прыгающую по веткам дерева обезьянку, – наш император очень просвещенный человек. Он часто изумляет всех своим блестящим умом. У него даже есть соответствующий прозвище.

– И какое же? – заинтересовался Григорий.

Мюних понизил голос и, оглянувшись по сторонам, проговорил:

– Ступор Мунди – изумление мира.

– Ступор, значит, – повторил Забубенный, – интересное прозвище.

– Да, да. Его взгляды на мир многих потрясают.

Минут двадцать они провели в вольере с обезьянами. На удивление в этот час там было совсем мало праздношатающегося народа.

– А где же посетители? – удивился Григорий, когда они покинули вольер с крикливыми шимпанзе, и вошли в следующий, открытый. Там, в небольшом пруду плавал изнывающий от жары крокодил.

– Они все работать, – в свою очередь удивился вопросу профессор, – днем все должны много работать. Только тогда будет порядок.

– А когда же им посещать зверинец? – спросил Григорий. – Зачем же его тогда строили? Он у вас что, элитный?

– У нас бывать праздники, – гордо ответил Мюних, – а зверинец существовать для развлечения богатый граждан.

– То есть, вы поэтому гоняете слона по улицам? – догадался Забубенный. – Билеты в зверинец дорогие. Добропорядочным бюргерам не купить. Ясно. Ну, хорошо, что хоть так народ развлекаете. Демократично.

Они посетили один за другим добрый десяток вольеров, где Григорий увидел африканского льва, антилопу, диких кабанов и множество всяких диковинных животных, не считая ярких тропических птиц.

– Мне все понравилось, – сообщил он Мюниху, когда они покидали зверинец, – только я не увидел там ни одного кенгуру.

Мюних озадачился.

– Это такое животное с длинными задними лапами и все время прыгает, но не антилопа, – пояснил механик.

– А на Руси они есть? – обиделся Мюних.

– Конечно, в каждом зоопарке.

Профессор ничего не сказал в ответ.

За остаток дня они осмотрели многие архитектурные достопримечательности Неаполя – изящный костел работы великого мастера, несколько причудливо украшенных домов богатых горожан и два небольших замка знатных вельмож. В познавательных целях, Григорий вынужден был выслушать эту экскурсию дважды. На немецком и на русском языках. К концу дня он вымотался так, что больше всего на свете мечтал добраться до своего временного пристанища в доме главного механика сицилийского королевства и упасть на кровать. Но напоследок, по просьбе Забубенного, они посетили окрестности замка Кастель Нуово.

Замок, подаренный императором жене в день свадьбы, был чудом архитектурной мысли своего времени. Пять стройных башенок придавали ему изящество и легкость, а высоченная стена защищала от непрошенных гостей. Посмотрев на нее, Григорий отказался от мысли сегодня же увидеть Констанцию.

Ужасно уставшие, но довольные процессом обучения, они вернулись к дому у причала.

– До завтра, – предупредил профессор Мюних. – Мы еще многое не успели осмотреть.

– Аллес гут! – ответил Забубенный, всего за один день хорошо поднаторевший в немецком.

На следующий день экскурсия повторилась, но, на сей раз, Мюних избрал другие цели. Весь день он таскал механика по различным мастерским, расположенным на окраинах города, знакомя с местными ремеслами и предлагая тут же повторить, как это все называется.

Забубенный пытался вопросами, отрывая от дел, кузнецов, оружейников, каменщиков, плотников, даже владельцев таверн. И все его почему-то терпели, выслушав предварительно

просьбу Мюнixa.

– Вас костэт дас? – интересовался механик в обувной лавке, глядя на новые ботинки, дизайн которых позволял усомниться в том, что итальянцы лучшие производители обуви в мире. – Канн их эс анпробирен?

Узнав цену и примерив, откладывал в сторону.

– Эс ист цу тойер! Да за такие деньги можно купить всю вашу лавку.

Еще день прошел в походах по складам и пирсам. Один раз они забрались даже на торговую галеру с разрешения капитана, где Забубенный изучал снасти и управление судном. Через неделю Григорий знал Неаполь и его пригороды лучше, чем Киев. Разве что на Везувий не сходил, некогда было. А еще через неделю Григорий уже мог сносно изъясняться по-немецки.

Тогда Мюнх устроил ему последнюю экскурсию, в течение которой они говорили только на немецком языке, и постоянно задавал глупые вопросы. А когда и этот невообразимо долгий день завершился, Забубенный узнал, что сдал экзамен по языку и теперь поступает в распоряжение главного сицилийского механика. За его дальнейшее обучение отвечал херр Шмидт.

На прощанье они все же выпили с профессором по стаканчику доброго вина. В тот день Забубенный узнал, что немецкая интеллигенция в тринадцатом веке тоже иногда позволяет себе расслабиться. Под влиянием Забубенного вечно сдержанный профессор Мюнх так налился, видимо на радостях, от созерцания результата собственного труда, что Григорий еле смог довести пьяного тирольца от питейного заведения до дверей гостеприимного дома на берегу. По дороге Мюнх все время что-то орал на родном языке и грозил кому-то сухим кулаком, но Григорий боялся ему сказать, что не понимает о чем речь. Этих жизненных выражений Мюнх ему почему-то не сообщил.

На следующее утро Забубенный начал общаться с главным механиком сицилийского королевства. После раннего завтрака херр Шмидт отвел своего подопечного в один из корпусов, примыкавших к воде. Выяснилось, что там собраны многочисленные приспособления разного назначения. Для чего нужны все эти блоки и рамы, перевязанные веревками, стоявшие на полу или висевшие под потолком, до конца Григорий не успел понять. Но этого от него и не требовали.

Для начала херр Шмидт подвел Забубенного к какому-то устрашающего вида станку, похожему на дыбу и, на глазах удивленного механика, парой ловких движений разобрал его на две дюжины составных частей. Григорию даже показалось, что станок просто рассыпался у него в руках. После чего херр Шмидт объяснил, что просит великого механика из далекой Руси собрать и заставить работать этот станок для наматывания причальных канатов.

Забубенный почесал в затылке, глядя на разбросанные по дощатому полу куски дерева странной формы, и хотел было попросить сицилийца повторить еще раз этот фокус с разборкой, – «Кённен зи мир биттэ цайген...», – но, решил, что это будет удар по престижу родины.

– Цванцих минут, – пообещал он, – и все будет гут.

– Филь глюк! – пожелал ему удачи коварный херр Шмидт, и, удаляясь из мастерской, на всякий случай издевательски попрощался, – Гуттен нахт!

«Я тебе покажу спокойной ночи, – обиделся Забубенный, – сейчас у меня все заработает. Как говорить, дайте срок».

Оставшись один в мастерской главного сицилийского механика, которая освещалась через узкие окна-бойницы, сделанные со стороны моря, Забубенный принялся за работу. Перепробовав десять разных комбинаций соединения деталей под невообразимыми углами, русский гений все же победил немецкую заносчивость. Станок принял прежний, как показалось Григорию, облик. И к обеду отлично заработал. Только вместо наматывания канатов, он их замечательно разматывал. А вот в обратную сторону крутиться никак не хотел. Григорий потратил еще полчаса и нашел проблему – одна деталь, передававшая

вращение барабана, была приделана не тем концом. Пришлось все разобрать и собирать по-новой.

Когда к ужину появился херр Шмидт, все было в порядке. Станок стоял на прежнем месте и работал. Херр Шмидт с недовольным видом несколько раз обошел вокруг него и, нагнувшись, поднял с пола пару валявшихся там деревянных уголков и одну деталь Х-образной формы. Он долго смотрел то на них, то на станок, который исправно работал и не мог понять, откуда взялись эти детали.

– Это лишнее, – успокоил его Забубенный, – я усовершенствовал вашу модель, херр Шмидт. Там у вас была одна ненужная передача. Теперь станок наматывает вдвое быстрее. Можно даже оформить совместный патент на изобретение, хотя и не обязательно.

Херр Шмидт нахмурился, но на этот раз ничего не сказал. Видимо не хотел патентовать нововведение русского механика. На этом первый день обучения закончился, и Забубенный отправился на ужин.

Глава двадцать первая. Экзамен на механика

Примерно неделю Забубенный на время собирал и разбирал всякую ерунду, в надежде, что это и есть экзамен. Но херр Шмидт ничего подобного не говорил, постоянно выдавая новые задания. Процесс обучения ремеслу напомнил Забубенному такой же процесс обучения новых сотрудников в некогда современных Григорию американских фирмах. Там человека ставили работать на копировальный аппарат, где он благополучно работал несколько месяцев. Затем, когда он подтверждал свою квалификацию, ему доверяли факс. С таким карьерным ростом Григорий стал беспокоиться, что срок его обучения затянется, хотя, с другой стороны, торопиться ему было особенно некуда. А экзамен сдать надо. Вот только херр Шмидт мог и нахимичить чего-нибудь с экзаменом. «Ведь, зачем ему такой сильный конкурент, как я?», – думал иногда с опаской Забубенный, получая все новые вводные.

Но успешно сданный экзамен давал реальный шанс закрепиться при дворе и хоть изредка видеть Констанцию. Хотя, по правде говоря, за последние недели механик и думать забыл о ней, ежедневно разгадывая головоломки сицилийского мэтра.

К исходу первой недели муштра со станками закончилась, и главный придворный механик королевства стал показывать Забубенному чертежи странных машин, большая часть которых относилась к метательным, с просьбой объяснить, что это такое и для чего предназначено. Тема была знакомая, Забубенный легко с ней справился.

В целом, обучение механическим премудростям шло как-то буднично, в отличие от прогулок по Неаполю с Мюнхом, и уже начало надоедать Григорию, чья душа требовала креатива. Так продолжалось до тех пор, пока на одном из чертежей херр Шмидт не подsunул ему изображение галеры. Сидя в мастерской, механик лениво разглядывал знакомые очертания корабля в разрезе и вдруг обратил внимание, что у судна нет нормального руля. Приглядевшись, он заметил, что сзади и сбоку у галеры вместо руля болтается какая-то фитюлька.

– Что это за штуковина, херр Шмидт? – поинтересовался Григорий у главного механика сицилийского королевства, ткнув пальцем в изображение странной фитюльки, – Их ферштэ нихт.

– Это рулевое весло, руль, – доходчиво объяснил херр Шмидт, – Им управляется галера.

– Вот именно, что весло, – удивился Забубенный, распрямляя плечи, – Какой же это руль. Это, херр Шмидт, эндшульдиген зи, ерунда какая-то, а не руль. Вот каким должен быть настоящий руль.

И подняв валявшийся на полу уголек, Григорий пририсовал прямо на чертеже позади галеры привычный ему руль, который видел за свою прошлую жизнь тысячу раз. Посмотрев на то, что сделал с его чертежом этот русский механик, херр Шмидт сначала чуть не впал в ярость – чертежи изготавливались им с особой тщательностью и на очень дорогой бумаге.

Но, присмотревшись, он чуть не выронил его из рук. А потом вдруг начал хлопать Забубенного по плечу и орать на всю мастерскую:

– Зер гут, херр Грегор, Зер гут!

Сам херр Грегор ничего не мог понять, глядя на внезапно повеселевшего главного механика императорского двора, до сих пор довольно мрачного на вид. Сейчас же он, напротив, излучал бурную радость. Разве что «Эврика!» не кричал. Не знал, наверное, такого слова. «Чего это он так обрадовался, – удивился Забубенный, – руля нормального, что ли, никогда не видел?». А вслух поинтересовался:

– Так что, херр Шмидт, экзамен-то я сдал или как?

– Йа-йа! – бодро ответил херр Шмидт, вскакивая со своего места. – Вы отлично сдали экзамен. Это гениальное изобретение, херр Грегор. Мы немедленно должны приступить к постройке опытного образца галеры с новым рулем! Он дает такие преимущества для маневра на море, что просто дух захватывает. Я сейчас же иду на прием к императору просить средства на этот эксперимент.

Услышав, как его называли гениальным, хотя и не поняв за что, Забубенный испытал настоящую гордость за себя и за родину, словно в его лице похвалили всех русских механиков. Но, когда он узнал, что херр Шмидт идет во дворец, и будет говорить с императором, ему захотелось присоединиться. Втайне Забубенный надеялся хоть одним глазком увидеть Констанцию. Однако главный механик его с собой не звал. Вместо этого, он пулей вылетел из мастерской, переоделся и убежал во дворец, оставив Забубенного в задумчивости. «Плакало мое изобретение, – решил Григорий, – все себе припишет хитрый сицилиец. Доказывай потом».

Но его опасения не оправдались. Фридрих, большой любитель всяких придумок, «изобретение» Забубенного оценил по достоинству. Деньги на эксперимент дал и велел сообщить Григорию, что если испытания пройдут успешно, его ждет достойная награда. Забубенного охватило радостное волнение. Новая жизнь в сицилийском королевстве, кажется, начинала налаживаться.

По просьбе господина Шмидта русский механик вычертил, как мог, постоянный корабельный руль, который подвешивался к корме судна. Херр Шмидт, смотревший с благоговением на этот чертеж, сделал нужные расчеты и велел немедленно изготовить руль в натуральную величину. Для чего он закупил лучшую древесину и согнал во второй амбар лучших плотников.

Через несколько дней руль был готов. К пирсу напротив дома главного механика тихим ходом подошла стандартная галера императорского флота и пришвартовалась в указанном месте. Капитан доложил главному механику, что прибыл в его полное распоряжение и херр Шмидт велел ему немедленно поменять дислокацию. Как выяснилось, дальний от дома амбар, который был выше других, представлял собой мини-верфь со стапелями, куда свободно могла зайти галера обычных размеров. Херр Шмидт имел под рукой целый полигон для обкатки своих новых идей.

Спустя короткое время галера уже висела над водой, удерживаемая подъемными механизмами системы «Шмидт». Моряки сошли на берег, рабов отвели в специальный загон, а прикомандированные плотники немедленно взялись обрабатывать корму галеры, делая необходимые приспособления под новый руль. Все это время Григорий занимался ничегонеделанием. По большей части ел и спал в своей комнатенке, абсолютно забытый Шмидтом, который взял на себя всю подготовительную работу. Но когда настал момент главной операции, херр Шмидт вспомнил про великого русского изобретателя. Он хотел, чтобы окончательная сборка проходила под командованием самого автора проекта.

– Это ваша идея, – восторженно произнес херр Шмидт, – вы должны сделать это новое дело сами.

Забубенный оценил внезапное благородство сицилийца, подумав, однако, что если вдруг что-то пойдет не по плану, влетит ему тоже по первое число, как генератору идеи. Неизвестно, что тогда предложит ему вместо награды император. Наверное, все-таки оставит

выбор: виселицу или дыбу. Он ведь большой демократ и поклонник римского права.

Выйдя следующим утром на пирс, Григорий вдохнул морской воздух, в котором чувствовался запах перемен. Утро было бодрым. Настроение тоже. Свежий ветерок раздувал паруса кораблей, бороздивших гавань Неаполя.

И Забубенный, уверенный в успехе предприятия, отправился в дальний амбар принимать командование. Свежеструганное чудо техники висело, обмотанное канатами, на специальном подъемном механизме системы «Шмидт». Других здесь просто не было. Все были на месте, и Григорий немедленно приступил к руководству операцией по водружению руля.

Сам херр Шмидт тоже явился вовремя на испытания нового руля, от которого он ожидал прорыва в кораблестроении. Кроме того, он уже успел расписать императору во всех красках, что от этого изобретения можно было ожидать и усиления мощи сицилийского флота. Такой перспективой Фридрих остался доволен. Ему был нужен самый сильный флот на Средиземном море.

– Вира по малу, – приказал Забубенный.

Рабочие напряглись и крутанули ворот. Руль приподнялся в воздух на пару метров.

– Влево поверни чуток, – приказал Забубенный операторам лебедки. – Нах линкс.

Тяжелый руль послушно переместился влево.

– Все, – решил Григорий, – закрепляй. Можно вешать.

Специальная команда плотников, ставших по совместительству сборщиками, довольно быстро водрузила руль на место. Выступающие балки точно вошли в отверстия. Расчет херр Шмидт сделал отменно.

– Майна, – скомандовал координатор проекта, и уже вся галера с новым рулем осторожно опустилась на воду.

Моряки и солдаты, толпившиеся неподалеку, снова заняли свои места. Рабов прицепили к веслам, и галера осторожно, за несколько гребков, выплыла из-под крыши стапелей и остановилась на виду в ожидании дальнейших приказов. Херр Шмидт, довольный качеством сборки, и Забубенный покинули здание, оказавшись снова на пирсе.

Ветер, разыгравшийся за это время, гнал по волнам белые буруны.

– Свежо, – заметил Григорий, втянув носом соленый морской воздух.

– Это хорошо, – бодро откликнулся старик Шмидт, – ветер только усилит быстроходность. А мы посмотрим, на что способна галера с новым рулем.

Галера снова пришвартовалась. Забубенный обернулся в сторону главных ворот пристани. Он вдруг заметил, что там собралось огромное количество народа. Видимо, херр Шмидт решил провести рекламную акцию для жителей Неаполя, представив им новую разработку. А народ на пирсе, как показалось Григорию, подобрался непростой. Среди толпы простолюдинов, виднелись пестрые одежды сицилийских рыцарей. А вскоре конный отряд тевтонцев, разрезав толпу, позволил проехать на пирс нескольким роскошно отделанным повозкам. Но толпа при этом разразилась только криками радости.

– Сам император вместе с женой прибыл посмотреть на нашу победу! – обрадовался херр Шмидт, рассмотрев прибывшую процессию вельмож.

«Не рано ли праздновать победу», – озадачился Григорий, пытаясь отыскать глазами Констанцию, а когда увидел, не узнал. Он настолько привык видеть ее в каких-то оборванных платьях и со спутанными волосами, что изумился, разглядев рядом с императором шикарную женщину в белом платье, на котором яркими огоньками поблескивали драгоценные камни. Ее черные волосы, ниспадали на плечи, а голова была украшена роскошной диадемой, в которой было столько бриллиантов, что, казалось, она не отражает свет солнца, а светит вместо него.

Фридрих поднял руку в знак того, что херр Шмидт может начинать представление. А Констанция одарила их лишь коротким взглядом. Ей не пристало интересоваться механикой, хотя, вполне возможно, она и в ней разбиралась не хуже Фридриха.

Забубенный вздрогнул, поймав себя на мысли: «И этот Фридрих не уделяет внимания

такой женщине! Да он просто слепец». За недели проведенные в Неаполе, Григорий уже был наслышан от местных интеллигентов о том, что император равнодушен только к жене. Других-то женщин он вниманием не обделяет. Изабелла была не единственной его пассией. Фридрих много воевал и путешествовал. И при этом настолько нуждался в постоянном обществе женщин, что даже содержал в Лючере целый гарем с наложницами и одалисками. Видимо, жить с одной женщиной, при таком богатстве выбора, для него было скучно. Император нуждался в постоянном разнообразии и не отказывал себе в этом маленьком удовольствии, стоившем ему, впрочем, немалых денег. Но Фридрих не скупился на удовольствия.

Сейчас, однако, Григорию надо было думать о работе. Хотя херр Шмидт и принял у него экзамен, признав в нем механика, но этот руль еще должен был себя оправдать в деле. А присутствие столь высокопоставленных лиц вносило излишнюю нервозность в работу. Григорий предпочел бы погонять экспериментальную галеру где-нибудь на уединенном озере без свидетелей. Мало ли что. Но выбора не было.

Херр Шмидт и Забубенный по специальным сходам поднялись на борт галеры.

– Отчаливай! – махнул рукой координатор проекта, решив положиться на русскую народную мудрость «семи смертям не бывать, а одной не миновать».

Галера, приведенная в движение силами рабов, легла на курс. По плану, который сообщил ему главный механик сицилийского королевства, она должна была пройти вдоль побережья Неаполя, повернуть налево и двинуться в сторону открытого моря. Совершить там ряд поворотов и благополучно вернуться обратно.

Выслушав план испытаний, Забубенный попросил своего компаньона взять на себя управление галерой. Польщенный Шмидт согласился. Они оба расположились на корме, чтобы быть ближе к своему совместному детищу. Рядом с ними стоял капитан по имени Якобо, сицилиец по происхождению, и несколько матросов. Тевтонцев на сей раз, поблизости не наблюдалось.

Первые сто метров вдоль берега, на радость зевакам, галера прошла спокойно, рассекая мощным килем разгулявшиеся волны. Живописный утренний Неаполь и отдаленная громада Везувия неожиданно приковали взгляд Григория. Пока что эксперимент выглядел как морская прогулка, и Забубенный, отвлекшись от процесса, наслаждался местными красотами, вдыхая полной грудью соленый воздух. Тем более что глазу было за что зацепиться: на берегу высились дома и каменные замки, на воде играли солнечные зайчики и постоянно возникали пенные буруны. Волны бил галеру в левый борт, стремясь выкинуть на берег.

Между тем, судно дошло до первой точки поворота, и херр Шмидт дал команду его совершить. Уже привычный к неповоротливости галер императорского флота, по сравнению с любым судном из его прошлой жизни, Забубенный не обратил на эту команду никакого внимания, продолжая любоваться красотами замка Кастель Нуово. А зря.

Круто накренившись, галера заложила такой резкий вираж, что и Забубенный, и херр Шмидт, и даже капитан Якобо повалились на палубу, чуть не расшибив себе носы. Григорий от неожиданности даже выругался по-русски. А когда поднялся, то увидел восторженное лицо главного сицилийского механика, который теперь держался за поручень кормового ограждения.

– Это победа, херр Грегор! – кричал он. – Это настоящая победа. Вы видели, какой это был поворот!

– Не видел, – признался Григорий, потирая ушибленные места, – но прочувствовать удалось. Классный поворот, херр Шмидт. Тут вы правы.

Капитан Якобо тоже был под впечатлением. Да и не только он. Когда галера развернувшись, направилась в сторону открытого моря, оставив за кормой Неаполь, со стороны пирса донеслись радостные крики. Публика приветствовала храбрых механиков. А фокус с поворотом их, похоже, впечатлил не меньше, чем самих участников.

Кораблей в бухте было немало, несмотря на то, что большинство рыбацких лодок ушло

на лов рыбы далеко в открытое море. А другие императорские галеры либо дремали в бухте, либо несли береговую стражу. То и дело прямо по курсу появлялись паруса, но, увидев развевающийся над галерой специальный флаг, возвещавший о том, что на ней находится сам херр Шмидт, главный механик сицилийского королевства, немедленно освобождали путь.

Забубенный, заметив это, решил, что ему тоже не помешал бы свой флаг. А может быть, даже герб. И поместье с гаражом. Все это было не так уж нереально. Надо только прокатиться с ветерком по гавани и сделать еще несколько изящных поворотов. Главное, чтобы изделие не подкачало. И Григорий мысленно унесся в будущее. Разгуливая по палубе, он уже обдумывал, какой дом себе отгрохает на полученные премиальные поблизости от замка Кастель Нуово.

Когда галера, ведомая уверенной рукой Якобо, оказалась в открытом море, волнение усилилось. Ветер здесь дул гораздо сильнее, чем в уютной бухте, куда Забубенному сразу же захотелось вернуться. Все-таки в душе он был не моряк. А открытой воды вообще боялся. Тем более что на галере полностью отсутствовали спасательные средства. Ни тебе шлюпок, ни даже спасжилетов. «Безобразие, – подумал Григорий, – надо будет научить их заботиться о собственной безопасности на водах. Интересно, как они сейчас спасают утопающих?».

Тем временем, галера совершила еще один поворот сходу почти на девяносто градусов, который прошел уже удачнее. Херр Шмидт заранее вцепился в ограждение, а Забубенный, который решил прогуляться по палубе, в мачту, едва только галера начал крениться. Разгулявшиеся волны, словно обрадовавшись случаю, окатили палубу водой. Экипаж вымок до нитки, волной чуть не смыло за борт двух матросов и самого Забубенного.

– Отличный руль! – только и приговаривал херр Шмидт, – он работает в два раза лучше, чем наше обычное рулевое весло. Правда, херр Якобо?

Бородатый капитан подтвердил:

– Правда. Мой корабль никогда не был таким вертким на веслах. Теперь меня никто не сможет прижать на воде. Даже парусные нефы генуэзцев.

– Надо проверить качество руля на большей скорости, – решил экспериментатор Шмидт, – велите поставить парус.

– Может не надо? – попросил вымокший до нитки Забубенный, когда его вежливо отцепили от мачты, с которой он почти сросся во время прошлого поворота.

Но Шмидт был непреклонен.

– Мы должны узнать наши возможности до конца, – заявил он.

Увидев в его глазах фанатичный блеск, Забубенный перестал спорить. Это было бесполезно. С увлеченными своим делом механиками вообще лучше не спорить. Поэтому Григорий пробрался на корму и вцепился рядом со Шмидтом в ограждение. На корме для гостей были приготовлены низенькие стульчики, но никто и не думал садиться.

По приказу Якобо, галера развернулась в сторону берега, после чего матросы поставили косой парус, а рабы подняли весла. Наблюдавший за этими манипуляциями моряков Григорий заметил, что сразу позади них тем же курсом в Неаполь следовала еще одна галера. И тоже под парусом. На ее палубе находилось несколько человек, судя по одежам, какие-то важные служаки. Но херр Шмидт не обратил на нее никакого внимания. Он был полон решимости продемонстрировать императору, следившему за его экспериментом, все достоинства прямого руля, поклонником которого он сделался почти мгновенно, едва разобравшись в чертежах Забубенного. И больше ничего на свете его в данную минуту не волновало.

С парусом галера пошла вдвое быстрее.

– Примите немного вправо, а затем влево, – приказал херр Шмидт, – но, не поворачивайте полностью. Просмотрим, как судно реагирует на руль на такой скорости.

Якобо отдал приказ. Матросы исполнили его в точности. Галера, послушная рулю, вильнула носом сначала вправо, а затем влево, выпрямилась и снова легла на свой курс, разрезая высокие волны. Все люди на палубе повторили движение корабля. Но Забубенный

уже знал, чего ожидать, и потому не упал.

– Идеально! – закричал херр Шмидт, не скрывая радости, – ни одна галера императорского флота не в состоянии поспорить с этой в маневренности. Вы гениальный механик, херр Грегор. Я сообщу об этом императору по возвращении.

«А я-то думал, что ты уже сообщил», – немного расстроился Забубенный, поглядывая на быстро приближавшийся берег. Уже хорошо были видны люди, заполнившие пирс, несколько причалов с пришвартованными кораблями. Пестрая толпа горожан, разодетые сицилийские рыцари, строгие плащи тевтонцев и повозка, в которой сидели император с Констанцией, не соизволившие сойти на грязные доски пирса. До него оставалось всего метров пятьсот, когда Забубенный услышал очередную команду, которую отдал херр Шмидт.

– А теперь, Якобо, мы должны поразить императора. Когда подойдем к пирсу на расстояние двух корпусов, заложи поворот вправо. Мы развернемся прямо на глазах у Фридриха на большой скорости и таком малом расстоянии, где раньше не могла бы развернуться ни одна из его галер. Это оставит неизгладимое впечатление.

И добавил гораздо тише, глядя уже на Забубенного:

– И мы получим от императорского двора заказ на переделку всех старых галер. Это принесет нам немалые деньги, херр Грегор.

Он даже хитро подмигнул Забубенному, чем немало его удивил. До настоящего момента Григорий и понятия не имел о том, что этот черный человек с вечно недовольным выражением лица может улыбаться. Видно, хорошее настроение у него возникало только в день получения гонорара. Хотя и сам Забубенный сейчас не отказался бы от полочки.

Якобо кивнул. Галера шла, не снижая хода, нацелившись тараном прямо на пирс, и, когда до него оставалось не более сотни метров, а собравшиеся зрители начали нервничать, капитан велел заложить резкий вираж.

Экспериментальная галера накренилась, послушная новому рулю, начала описывать крутую дугу вправо. Поворот удался на славу. Судно, невообразимо быстро сменив курс почти на девяносто градусов, устремилось параллельно пирсу, вызывая своим невиданным маневром бурные крики радости на берегу. Точнее, Забубенный принял поднявшийся крик за выражение бурной радости и дань его таланту механика. Но он ошибался... Едва галера прошла десяток метров в повороте, как из-за паруса показался борт еще одного корабля, шедшего чуть позади параллельным курсом и уже нацелившейся на соседний причал. Это было то самое судно, которое они подрезали чуть раньше.

Забубенный с удивлением наблюдал как нос их галеры, вооруженный тараном, сближается с бортом другого судна, откуда на них с неподдельным ужасом глядят вцепившиеся в кормовое ограждение какие-то богато одетые люди. То же самое выражение читалось в округленных глазах матросов и рабов, сидевших на веслах.

– Господи! – воскликнул херр Шмидт, не ожидавший такого поворота событий.

– Пронеси! – подсказал Забубенный.

Якобо что-то заорал. Матросы повисли на руле, пытаясь отвести удар. Но было слишком поздно. Экспериментальное судно на полном ходу врезалось в другую галеру, протаранив ее невысокий борт. Раздался страшный треск ломаемых весел и обшивки. Атакованная галера вздрогнула, ее продырявленный борт слился воедино с носом корабля Шмидта. От удара все, кто находился на корме другого судна, полетели в воду. Там же оказались и многие матросы. Забубенный и херр Шмидт тоже не устояли на ногах, распластавшись на палубе. «Отличная атака, – пронеслось в голове у механика, – остается только пойти на абордаж».

В довершение всего, сцепившиеся корабли по инерции прошли еще метров двадцать и врезались в доски причала, подломив его опоры. Наблюдавшие за действием зеваки и все, кто имел несчастье случайно оказаться там в этот момент, полетели в воду. В конце концов, вызвав на пирсе Неаполя большие разрушения, связка из двух галер все-таки остановилась. Эксперимент был окончен.

Глава двадцать вторая. Кафель Нуово

В бордовом кабинете императора висела тревожная тишина. Фридрих сидел за массивным столом, углубившись в свитки, лежавшие во множестве перед ним. Григорий почему-то был уверен, что это он делает для отвода глаз, а сам выдумывает наказание для нерадивого экспериментатора. Арсенал наказаний у человека с фантазией поэта был необъятен, поэтому Григорий ожидал наиболее изощренных пыток. Херр Шмидт недавно покинул кабинет императора, но Забубенный, столкнувшийся с ним в дверях, ничего не смог понять по его выражению лица.

Чтобы хоть как-то убить время механик-новатор стал изучать античные портреты, висевшие на стенах. Затем перешел на скульптуры. Начал с деталей одеяния Афины-Паллады. Но тут Фридрих, наконец, отложил свои бумаги и встал из-за необъятного стола. Сделав несколько шагов, император оказался у окна, сквозь которое был виден пирс, где еще полным ходом шли восстановительные работы.

– Отличное изобретение, – вдруг сказал он.

Забубенный не проверил своим ушам. О чем это он говорит? Теперь механик мог общаться с императором напрямую. Обучение у профессора Мюнхиха не прошло даром.

– Ты молодец, Грегор, – продолжил император, – твой технический гений дал нам в руки такой инструмент, с которым наши галеры смогут совершать маневры на воде вдвое быстрее, чем любые корабли врагов империи. Теперь мы будем только побеждать.

Забубенный все еще боялся вставить слово.

– Однако ты чуть не утопил моего юстициария, что прибыл ко мне из Палермо с новостями.

– Я не хотел, – пробормотал Григорий, – так получилось.

– Знаю, – прервал его Фридрих, – я тебя не виню. Галерой управлял херр Шмидт, а он часто теряет разум, когда дело доходит до его любимых механизмов. Особенно таких необычных, как придуманный тобой.

– Руль как руль, ваше величество, – осмелел понемногу механик и на всякий случай соврал, – у нас на Руси таких много.

Хотя и не видел на Руси ни одного похожего.

Услышав упоминание о Руси, император вдруг стал серьезным, словно сам недавно думал о том, что там происходит. Он снова сел за стол, перевернул лежавшие перед ним свитки. Но делиться своими сомнениями с механиком он не стал. По легенде, которую Констанция рассказала Фридриху по возвращении из плена, Забубенный был простым механиком из галицкого княжества, которого судьба занесла в Венгрию на заработки, где он и повстречал жену императора. О том, что он лично знаком с великим князем русичей, многими другими князьями и даже самим Субурханом, Констанция умолчала. Иначе, не избежать бы Забубенному допросов с пристрастием.

Но, вспомнив о прошлом, Забубенный и сам невольно призадумался. Что-то там творится теперь? Что случилось с Путятой и Курей. Жив ли Егорша. Чем занят Владимир Рюрикович. Какие земли топчут его верные войска. Ведь механик-чародей Забубенный обещал князю вернуться, как только у Субурхана дела в колею войдут. И у монголов, похоже, все в порядке, да только куда уж теперь. Самому бы вернуться в колею. Сколько воды утекло с тех пор и возврата домой ему нет пока. Никто его там не ждет с добром. Пригорюнился механик, сам того не заметив.

– Впрочем, ты меня изрядно повеселил, – нарушил вновь повисшую тишину император. – А юстициария вообще следовало бы повесить за такие новости. Но я его пощажу. Пусть тебя потом благодарит за спасение и молебны служит.

«Да уж, этот отблагодарит, – подумал Забубенный, вспомнив, как вытаскивали из воды едва не захлебнувшегося начальника провинции Палермо, у которого от страха глаза были просто квадратными, – потом догонит и еще раз отблагодарит. Лучше уж без его

благодарности прожить. Только что же он там за новости привез, раз его даже повесить хотят».

– Мы начинаем войну, – ответил на его мысли Фридрих, вдруг сменив тему, – свободные города в северных италийских землях снова объединились в ломбардскую лигу, которую возглавляет Милан. И папа римский поддержал этих мятежников против меня. Я должен наказать их, привести к покорности. Поэтому я собираю армию для похода и, прежде всего, мне нужны новые маневренные галеры, чтобы уничтожить генуэзский флот.

– А разве вы недавно не подписали мир с генуэзцами? – дерзнул уточнить политически еще не очень подкованный механик и добавил. – Я и не знал, что Милан входит в состав сицилийского королевства.

– Ты слишком любопытен, Грегор, но это простительно механику. Милан входит в состав Священной Римской Империи, которую я строю, – сообщил Фридрих вдохновенно и глаза его загорелись мечтательным блеском, – пройдет совсем немного времени, и моя великая империя будет простираться от берегов земель франков до дальней окраины восточных степей. А свободными в ней будут лишь те, кто подчиняется королевской власти.

«Понятно, – подумал Забубенный, – значит Милан еще не в курсе, что входит в его демократическую империю. Да и со степями тоже вряд ли скоро выйдет. Монголы о планах Фридриха не подозревают. Не исключено, что Субурхан сюда быстрее дойдет. Но, кто его знает, как жизнь повернется».

– Что до генуэзцев, – Фридрих отпил вина из стоявшего на столе бокала, – то мир с ними никогда не бывает долгим. Они слишком жадные.

– Ясно, – кивнул Забубенный, – когда нужно приступать к изготовлению рулей? Если работать на пару с господином Шмидтом, то мы управимся быстрее. В его домашних верфях можно построить целую рулевую фабрику.

Император снова встал и прошелся по ковру. Судя по всему, он обдумывал какой-то план. Или сразу два плана, как Юлий Цезарь, на которого он наверняка хотел быть похожим. «Странно, что он еще одновременно не пишет левой рукой стихи, – подумал Григорий, – а правой не вычеркивает лишние свободы из новых конституций».

– Моя армия скоро выступит в поход на север, – повторил Фридрих, – но ты, мой друг, отправишься на юг. В Палермо. Я дарю тебе мастерскую в порту моей столицы, вместе с рабами и слугами. Ты ее заслужил. Дарственную от казны на нее тебе передаст Райнальдо ди Аквино, юстициарий области Палермо.

Забубенный мгновенно вырос своих глазах.

– Простите, ваше величество, – все же уточнил Григорий, – это не тот юстициарий, галеру которого мы утопили?

– Он самый, – кивнул император, – но это не должно тебя сильно огорчать, Грегор. Галер у меня достаточно. Юстициариев тоже. Если Райнальдо утонул бы, я скоро нашел бы нового. Хотя он и толковый чиновник, каких мало.

– Значит, я должен отправиться на Сицилию, ваше величество, – повторил Забубенный услышанную только что информацию, словно старался заучить ее наизусть, – но что я должен там делать?

– Райнальдо принес мне еще одну новость, – сказал Фридрих, – африканские пираты из Махдии напали на мою колонию в Северной Африке на бывших землях Альмохадов, уничтожив городок Келибию и забрав с собой его казну. Город был богатым, в казне хранилось много золота. Я решил наказать пиратов, раздавив их гнездо. Заодно, необходимо уничтожить войска и присоединить к африканским владениям империи колонию генуэзцев, которая находится неподалеку от нашей.

– И все это должен сделать я? – удивлению Григория не было предела, – Но я не воин, ваше величество. Я только бедный механик.

– Уже не бедный, – произнес Фридрих с сарказмом, – наша милость велика. А у империи много земель и все они нуждаются в нашей опеке. Но, не беспокойся, Грегор, в сицилийском королевстве достаточно флотоводцев и без тебя. Наш ударный флот в этом

африканском походе возглавит мой сын Манфред. А твоя задача за месяц оснастить для него новым рулем находящиеся в Палермо корабли. Херр Шмидт сделает то же самое по твоим чертежам здесь, в Неаполе.

У Забубенного отлегло от сердца.

– То есть мне самому не надо отправляться в Африку?

– Если это не понадобится Манфреду, нет, – пояснил Фридрих, – ты можешь оставаться в столице и жить в свое удовольствие до моего возвращения.

Однако судьба распорядилась иначе. На следующий день к Фридриху прибыли послы от папы римского. Что они предложили императору, Григорий, естественно, не знал. Мог только догадываться. Наверняка, опять покориться воле всевышнего и отдать все деньги из казны королевства его святейшеству. Так или иначе, но настроение Фридриха резко изменилось. Послы уехали ни с чем, а император снова вызвал Григория.

И вместо того чтобы получить документы на собственность и спокойно отплыть в Палермо на постройку галер для африканской кампании, Забубенный остался в Неаполе. Две недели совместно с господином Шмидтом он занимался переделкой галер под новый руль, после чего Фридрих объявил, что ждать больше нельзя. Нужно немедленно выступать в поход. Забубенному предписывалось вместе с военным флотом, под руководством самого императора, немедленно отплыть к стенам Генуи, для того, чтобы проверить новые возможности руля прямо в бою. Дарственной на мастерскую Григорию, естественно, еще не передали. Слава богу, что император и юстициарию из Палермо велел присоединиться к флоту. Были у них какие-то незаконченные дела, которые нужно было решить безотлагательно.

Узнав об этом, Забубенный немного успокоился. Так хоть обладатель документов на его будущую недвижимую в Палермо будет находиться все время на глазах.

Хотя, какое к черту спокойствие. После слов императора о его собственных мастерских Забубенный целый день видел небо в алмазах и прикидывал, сколько у него теперь рабов в подчинении. Уже собирал вещи и предвкушал скорый день отплытия на Сицилию, в этот благословенный край. А когда получил новый приказ императора – все рухнуло в одночасье. Опять война! Черт бы ее побрал. И это в то время, когда все свободное королевство продолжает развлекаться в свое удовольствие. Особенно двор. «Ну почему всегда так происходит? – сокрушался Забубенный, – только жизнь наладится, все устроится, сложится. Кажется, еще чуть-чуть и вообще можно будет расслабляться, поживая на лаврах бесконечно долго. И тут раз – начальство придумает тебе новый головняк. Словно чувствует, когда лучше сделать гадость».

Забубенному не терпелось получить в руки документы, но разговор с юстициарием как-то не складывался. После того, что случилось у пирса, Григорий не рисковал лично подойти с вопросом к Райнальдо ди Аквино – так звали этого важного чиновника, чернобородого здоровяка лет сорока – сам же юстициарий тоже не стремился общаться с незадачливым механиком. А когда увидел его в день отплытия на галере, даже отошел к другому борту, сделав вид, что беседует о чем-то важном с чиновниками. Забубенный немного обиделся, хотя понимал, что у Райнальдо были причины так себя вести. Кому захочется общаться с человеком, который тебя едва не утопил. Фридрих ничего более к сказанному не добавил. И механику оставалось думать, что дарственную ему выдадут сразу же после успешных испытаний руля в боевых условиях.

Григорий спустился с кормы на палубу и, взявшись за ограждение, стал смотреть на эскадру боевых кораблей, покидавших Неаполь в это туманное утро. Их было пятьдесят шесть, из которых новым рулем удалось оборудовать только двадцать восемь галер. Еще почти столько же было оставлено в мастерских на попечение господина Шмидта, который должен был завершить работы и отправить корабли вслед за основными силами. Как полагал Фридрих, их хватит для нанесения мощного удара по Генуе.

Этот богатый город-государство, как понял наблюдательный Григорий, должен был стать первым в длинном списке городов, которые император намеревался снова привести к

покорности. Одновременно с отправкой флота в поход выступило и сухопутное войско: больше пятнадцати тысяч конных сарацин, не считая пехоты. Сухопутный корпус должен был, обойдя папскую область, вторгнуться в северные итальянские земли по суше, смести на своем пути очаги сопротивления мелких городов и осадить Болонью. А после ее взятия двинуться дальше на северо-запад к Генуе на соединение с войсками Фридриха. Затем по плану кампании, о которой Фридрих кратко рассказал Забубенному, объединенный корпус должен был, пройдя быстрым маршем земли бунтовщиков, осадить Милан – столицу непризнанной императором ломбардской лиги, не желавшей почему-то покоряться его всемилостивой власти. А всех, кто не желал ему покоряться добровольно, император обычно просто вешал или казнил другим способом. Сажая ли в здешних землях на кол, Забубенный не стал уточнять.

Однако не судьба Милана и Генуи волновала сейчас путешествующего поневоле механика. Он с тоской посмотрел на изящные башенки замка Кастель Нуово, возвышавшиеся на берегу над окрестными строениями и загрустил. За время неожиданной задержки в Неаполе Забубенный нашел таки средство повидаться с Констанцией прямо в ее резиденции. Точнее, средство нашла она сама.

Однажды поздно вечером, когда Григорий решил прогуляться по пирсу, вернувшись из обхода мастерских господина Шмидта, к нему бесшумно приблизился невысокий монах в черном балахоне и молча протянул записку. Забубенный, с наслаждением вдыхавший морской воздух на пустынном в этот час берегу, вздрогнул и отпрянул, словно к нему протянули руку с ножом. Дружбы с монахами в этом городе он завести еще не успел. Но монах, словно почуяв опасения Григория, чуть откинул капюшон, и взгляду изумленного механика предстал отрок Иблио.

– А это ты, – выдохнул Григорий, – ну, ты меня напугал, отрок.

И, осмотревшись по сторонам, механик осторожно развернул записку, написанную мелким почерком на крохотном куске очень дорогой бумаги. При неровном свете факела, чадившего у ворот склада, он прочел всего три слова, вполне разборчиво написанные по-русски: «Иди за ним».

Забубенный разорвал записку, еще раз осмотрел пустынный пирс и вопросительно посмотрел на Иблио.

– Ну, пошли, – проговорил, наконец, заинтригованный механик, у которого приятно защемило сердце.

Иблио накинул капюшон и неспешным шагом направился в город. Он повел Григория такими закоулками, где во время прогулок с профессором Мюнихом ему не приходилось бывать, но общее направление Забубенный все же угадал. Отрок вел его тайными тропами в замок Кастель Нуово, который был отделен от берега и ближайших домов вельмож высокой стеной и парком, где деревья росли так густо, что можно было заблудиться и разорвать об их колючие ветки всю одежду.

Неаполь уже почти спал. Простой люд утомился работать и давно отошел ко сну. Лишь богачи, проводившие жизнь в праздности, искали увеселений, час которых еще не настал. По дороге Забубенный повстречал лишь нескольких запоздалых прохожих и услышал обрывки ранней серенады, раздававшейся из-под окон особняка, принадлежавшего, судя по всему, одному из вельмож. Купцы жили в другом квартале. А вокруг замка жены императора могли селиться только знатные люди.

Когда Иблио привел механика в Кастель Нуово, то проникли они внутрь, само собой, не через парадный вход. В стене со стороны парка обнаружилась калитка, а за ней коридор, выводивший в большое и низкое помещение, а уже оттуда в апартаменты императрицы. Не говоря ни слова, Иблио привел Забубенного в полутемный зал, стены которого были сплошь разукрашены фресками с римскими мотивами, и оставил одного в полной тишине.

Григорий осмотрелся. В этом огромном зале горело лишь несколько небольших факелов, слабо разгоняя мрак по краям и заставляя его сгущаться в центре. Механик пробыл в неведении довольно долго. Сколько, не мог сказать с точностью, ему показалось, что

прошла целая вечность. Но, когда рядом с ним в стене растворилась дверь, Забубенный впился глазами в женскую фигуру в длинном платье. Лица было не различить, но то, что это не фрейлина, механик понял сразу. Это была сама императрица.

– Заходи, Грегор, – позвал его знакомый голос, который он был лишен возможности слышать уже так долго. – Здесь никого больше нет.

– Неосторожно с вашей стороны, ваше величество, – заметил механик и шагнул в дверной проем вслед за императрицей, – нас могут заметить.

– Не беспокойся, Грегор, я приняла меры предосторожности, – ответила Констанция и пошла вперед, предлагая следовать за собой. И Забубенный проследовал с большим удовольствием.

Зал за дверью оказался маленьким и проходным. Пройдя через него, они попали в следующий, гораздо больших размеров. Едва оказавшись там, механик понял, что это не приемная. Здесь не было длинных столов и массивных кресел. Зато была огромная кровать с алым, вышитым гербами, покрывалом и десятком маленьких подушек. Ажурные окна императорских покоев, а их Григорий насчитал не меньше десятка, были заботливо закрыты тяжелыми шторами, сквозь которые даже в солнечный день не смог бы пробраться и лучик солнца. А сейчас, тем более, все тонуло во мраке. Тусклый свет давал лишь один-единственный канделябр с пятью свечами, горевшими на столе.

Рядом с постелью был накрыт столик, по бокам которого стояли мягкие кресла с изящными ножками. На столике, изрядно проголодавшийся за день механик – он ведь повстречался с Иблио как раз перед ужином – с радостью увидел легкие закуски, фрукты, вино и восточные сладости.

Оказавшись в покоях наедине с Констанцией, Забубенный, наконец, получил счастливую возможность приблизиться к ней, но, неожиданно, заробел. Такого он от себя не ожидал. Искусно расшитое платье так красиво облегло фигуру королевы, что у Забубенного даже дух захватило. До боли знакомые длинные черные волосы, не собранные в прическу, свободно падали на плечи. Грудь украшало ожерелье из драгоценных камней, которым механик даже не знал названия. Он смотрел на прекрасную женщину, вставшую у кресла, во все глаза, но боялся сдвинуться с места. Казалось, еще недавно он видел ее в лесу совсем другой, в разорванном, измазанном грязью платье. Со спутанными волосами. Без всяких драгоценностей. Но Забубенный вспоминал и не мог понять, когда она выглядела привлекательнее, тогда или сейчас? Она всегда была бесподобной. В любом образе.

Усилием воли Григорий вернулся в реальность. Хотя обстановка и навевала приятные мысли, но прошло столько дней после бегства из монгольского плена. Вдруг, она уже не хочет его знать, как любовника? Но тогда зачем позвала, тайком, поздним вечером.

– Грегор, – произнесла, наконец, женщина-призрак, вокруг волос которой блестел сейчас тонкий отсвет пламени свечей, – может быть, ты хочешь выпить вина?

– Да какое вино, – очнулся Забубенный и сделал резкий шаг вперед, – я так по тебе соскучился.

А потом все было, как в тумане. К вину они даже не притронулись. Зато измяли всю необъятную постель вдоль и поперек. Все случилось почти так, как тогда, в квадратной башне замка, захваченного монголами. Озверевший от страсти механик не отпускал утомленную королеву до самого рассвета, который они едва не пропустили. И лишь когда робкий свет стал пробиваться даже сквозь плотные шторы, Забубенный вспомнил о том, что его скоро могут хватить.

Утром была назначена встреча с чиновниками императора, которые контролировали ход постройки галер, и Григорий должен был находиться на месте. Там, конечно, был херр Шмидт, наверняка, недоумевающий, где это болтается херр Грегор, когда нужно работать на благо империи. Но веры в дотошного немца не было. Он точно не прикроет. У немцев это не принято. Да и спрашивать будут с него самого, ведь работа поручена Забубенному лично императором.

С большой неохотой Григорий высвободился из жарких объятий испанки, преодолел

бесконечную кровать и сполз на пол. Быстро одевшись и поцеловав на прощанье дремавшую Констанцию, он схватил яблоко со стола.

– Иблио проводит тебя, – шепнула ему красавица, – приходи сегодня же вечером.

Григорий с радостью обещал. А когда покидал дворец с удивлением, но не без удовольствия, вспомнил, что император и его жена, находясь в одном городе, обитают почему-то в разных дворцах. Каждый в своем. Днем Григорий иногда бывал по делам в канцелярии главного дворца Неаполя, который бурлил, словно паровой котел. Виделся с Фридрихом. А по ночам ему больше нравилось посещать Кастель Нуово, окрестности которого он скоро отлично изучил.

Так прошло несколько бесконечно счастливых дней, пока Фридрих не объявил, что на рассвете флот отправляется в поход на Геную. Само собой, Забубенному тоже было предписано явиться к месту сбора. Получив приказ, он едва смог дожждаться ночи, пока явится Иблио, и шел в замок, постоянно обгоняя неторопливого монаха.

Пока что ему удавалось скрывать свои ночные отлучки от господина Шмидта, который, к счастью, не страдал излишним любопытством. Ему было, в сущности, наплевать, где шляется его напарник. Хотя, если бы он прознал, с кем именно встречается иноземный механик, то наверняка сильно удивился. Но любовники были осторожны, а Шмидт слишком занят. Для него главное заключалось в том, чтобы работа шла своим чередом. Немцы – скучный народ. Даже древние немцы. Григорий еще раз в этом убедился.

Но, тем не менее, работа шла. Забубенный, очень занятый по ночам, все же смог поставить дело на переданном ему участке верфи так, что процесс не тормозился. Галеры императорского флота обретали новые рули без задержек. А механик предавался любви с Констанцией и пребывал на седьмом небе от счастья.

Но этим утром они расстались раньше. Нужно было еще успеть взять с собой кое-что из вещей, прежде чем явиться на пирс.

– Будь осторожен, Грегор, – сказала ему на прощанье Констанция. – Ты уплываешь с Фридрихом на войну, а он очень любит воевать. Это может затянуться надолго.

– Я постараюсь выбраться оттуда пораньше, – пообещал механик, обнимая ее, – в Неаполе мне нравится гораздо больше.

– Я буду молиться, чтобы у тебя это получилось, – шепнула она ему на ухо.

Глава двадцать третья. Ломбардская лига

И вот теперь, глядя на башенки Кастель Нуово, тонувшие в поднимавшемся с моря тумане, Забубенный пребывал в дикой тоске. Сердцем он просто рвался обратно на берег, но о том, чтобы вернуться прямо сейчас не могло быть и речи. Фридрих вряд ли одобрил бы его, хотя и сам был охоч до женского пола. «Придется провести несколько дней в разлуке, – решил Забубенный, твердо пообещав себе убраться с театра военных действий при первой же возможности. Тем более, что Фридрих говорил только о том, что механик должен будет провести боевые испытания галер, а вслед за этим сразу сможет вернуться в Неаполь или, точнее, в Палермо, где его ждет мастерская.

Но Григорий как-то уже охладел к Палермо и своей виртуальной мастерской. Он был бы рад просто побыстрее вернуться в Неаполь.

Выстроившись походным порядком, эскадра отошла от берегов и легла на заданный курс. На борту каждого судна, помимо гребцов и матросов, находились солдаты и дополнительная катапульта. Фридрих был готов к сражениям и на море, и на суше. Флагманская галера, на которой расположился сам император в сопровождении Райнальдо ди Аквино, трех сицилийских рыцарей и Забубенного, шла первой, покачиваясь на волнах.

Фридрих, сидя на корме за походным столом, обсуждал что-то со своими советниками, не обращая внимания на живописные виды. Неаполь был красив в этот рассветный час, но, судя по всему, только Григорий находился в романтическом настроении. Все остальные готовились к жестокой схватке. До механика долетали обрывки фраз.

– Сарацины должны быть у стен Болоньи через трое суток, – сообщил Фридрих остальным, – самое большее, через пять дней. А мы за это время уже осадим Геную, оттягивая на себя силы ломбардцев. Им придется разделиться.

– Император, – спросил один из незнакомых Григорию чиновников, – вы доверяете сарацинам? В Апулии они ведут себя вызывающе.

Фридрих усмехнулся:

– С тех пор, как я повесил эмира Ибн-Абеда, а всех покоренных мавров переселил в Лучерию, у меня нет оснований им не доверять. Я позволил им верить в своего бога – это все, что им было нужно. И теперь они верны мне. Кроме того, это отличные солдаты. Стойкие и жестокие. Они нагонят страха на этих разжиревших ломбардцев.

Чиновник замолчал. Видно, в душе он ненавидел сарацин, но не смел пойти против воли императора.

– А что делать с Римом? – уточнил сицилийский военачальник, – В папской области много войск, которые останутся у нас за спиной.

– Ничего, сил у нас хватит, а папа не дерзнет пойти против меня сейчас, – пообещал император, – а если только папские войска посмеют выступить, что же... мне придется ненадолго вернуться, чтобы сжечь Рим и рассеять пепел по ветру.

Император встал и, взяв кубок с вином, спустился с кормы, оказавшись рядом с механиком. Краткий совет закончился. Григорий, облаченный в легкий кожаный доспех, оторвался от созерцания удалявшегося Неаполя и, обернувшись, посмотрел на Фридриха. Он был поражен услышанным и не удержался от вопроса.

– Вы готовы сжечь Рим, оплот католической веры? – осторожно спросил Забубенный, – и уничтожить папу?

– Я готов уничтожить любого, кто оспаривает мою власть над миром, – спокойно ответил Фридрих, отпив вина и с удовольствием подставляя лицо свежему морскому ветру, – Пусть даже это будет сам папа римский, который постоянно ставит мне палки в колеса и якшается с вольнодумцами из ломбардских городов, только чтобы насолить мне.

Фридрих усмехнулся, и посмотрел на рабов, налегавших на весла.

– Тем более что я уже выбрал нового папу. Духовенство должно подчиняться мне, своему императору.

– Но ведь вы же католик, – не унимался Григорий, – вы же верите в бога?

Фридрих полностью осушил бокал.

– Что такое вера, друг мой? – спросил он озадаченного механика и сам же ответил, – наш мир был основан тремя обманщиками: Христом, Моисеем и Магометом. Двое из них умерли в почете, а третий на кресте. Лишь дураки верят, что девственница могла родить Бога Творца Вселенной.

Забубенный сглотнул. Он явно не ожидал от императора Священной римской империи такой откровенности.

– А сам я верю лишь в то, – продолжал Фридрих, – что может быть доказано силою вещей или здравым смыслом. Я верю в стихию. Верю в доблесть на поле брани. Верю в своих солдат. И в бесконечную красоту мира. Поэтому, если понадобится, я сотру древний Рим в пыль, чтобы доказать этому миру, что не бывает вечных городов.

Забубенный был потрясен. Он никак не ожидал услышать от императора, возвращенного римским папой, столь богохульные мысли. Хотя это, похоже, не мешало Фридриху считать себя мессией, несущим благую весть всем народам. Вот уж действительно – *Stupor Mundi*.

– Но тебе нужно думать не о Риме, Грегор, – сменил тему император, – думай лучше о Палермо. Это красивый город. Самый красивый на земле. Тем более, что пока я привожу к покорности ломбардцев, там будет весело и без меня. Двор скоро переедет туда. А у тебя, кроме того, будет, чем заняться в своей мастерской. Мне нужно много быстрых кораблей, поэтому я тебя долго не задержу. Думаю, при входе в бухту Генуи нас уже будет ждать их флот, так что твое детище очень скоро себя покажет.

– А императрица Констанция, – неосторожно поинтересовался Григорий, – тоже

отправится в Палермо?

– Я удивлен, что она еще до сих пор здесь, – сообщил Фридрих, – Констанция уже неделю назад собиралась покинуть Неаполь. Ведь ей здесь давно наскучило. Я вечно занят.

«Знаю я, чем ты занят, – обрадовался Забубенный. Но амурные дела императора волновали его сейчас гораздо меньше, чем свои, – Констанция останется в Неаполе до моего возвращения, а потом переедет в Палермо! А я теперь второй придворный механик, даже круче, чем Шмидт. Ведь я буду работать в столице и там мы с Констанцией снова сможем видеться!».

Забубенный от радости чуть не обнял Фридриха, желая поблагодарить за ценную информацию. Но сдержался. Как-то это показалось ему неуместным.

После военного совета на корме накрыли обед для высшего руководства. Забубенный, несмотря на заслуги перед короной, был допущен к столу после того, как все отобедали. Но он был не в обиде.

Проведя в пути сутки, удалившись от враждебных берегов Рима на большое расстояние, и оставив Корсику слева по курсу, следующим утром эскадра Фридриха оказалась близ Генуи.

Едва утренний туман оторвался от воды, как взорам находившихся на флагманской галере буквально в сотне метров впереди предстал строй остроносых галер неприятеля, за которыми в дымке едва проступали очертания крепостных стен Генуи. Город был большим и богатым. Даже по едва видневшимся из-за стен куполам соборов и крышам особняков, продрогший за ночь Забубенный понял, что Генуя ничем не уступает Господину Великому Новгороду. А может быть и немного превосходит.

Неприятель тоже заметил галеры Фридриха и на его судах зашевелились солдаты, готовясь к отражению атаки. Раздались звуки рожков. Внезапного нападения не получилось, но прозорливый император на это, похоже, и не рассчитывал.

– Ну что же, – философски заметил Фридрих, сам командовавший своим флотом, – Пора показать разжиревшим купцам, кто хозяин в этих водах. Двадцать галер выдвинуть вперед и атаковать генуэзцев. Прорвать строй и высадиться на берегу. Когда рассветет, мы должны быть уже у стен города.

Капитан судна передал приказания стоявшему рядом матросу, а тот просигналил флажками ближайшим судам. Флагманская галера замедлила ход, подняв весла над водой, а остальные наоборот выдвинулись вперед. Обходя корабль императора с обеих сторон, двадцать галер с абордажными командами и катапультами на носах бросились в атаку.

Генуэзцы встретили их роем арбалетных болтов и залпом из своих катапульти. Сквозь еще висевший туман, навстречу судам сицилийцев просвистели несколько горящих шаров и с шипением упали в море. Один огненный шар рухнул в волны совсем близко с галерой императора. Фридрих даже бровью не повел. От арбалетных стрел он тоже не уклонялся, стоя во весь рост. Правда, солдаты предусмотрительно выставили на носу галеры громадные щиты, заготовленные специально для такого обстрела. То и дело Забубенный слышал, как в них с чавканьем впивались арбалетные болты. Противник был совсем близко.

Но силы Фридриха превосходили генуэзцев. Пока что, ему противостояло только пятнадцать галер. И еще не больше дюжины держало вторую линию обороны у берега. Забубенный был удивлен этим. Он слышал о том, что генуэзцы считались хорошими мореплавателями и имели огромный флот. Местные купцы, как и венецианские, разбогатели на перевозках крестоносцев в святую землю, сделав колоссальные деньги на желании пилигримов увидеть гроб Господень и вырывать из лап неверных святой город Иерусалим.

Оказывая транспортные услуги римскому папе, они просто озолотились за время крестовых походов. И эти средства позволили генуэзцам еще больше упрочить свое положение на средиземноморье. Они построили огромные верфи и спускали за сезон десятки новых кораблей на воду, очень скоро став обладателями одного из самых больших флотов и одной из самых влиятельных морских держав. Этот флот постоянно досаждал императору, боровшемуся с конкуренцией на Средиземном море любыми способами. Ведь никто, кроме

Генуи, Венеции и подданных императора Фридриха, не строил корабли на верфях в таких массовых количествах и не достиг в этом деле такого мастерства.

Но сегодня хваленый генуэзский флот почему-то сплюхвал. Видимо, Фридрих знал что-то такое, чего не знал Забубенный, и поэтому так торопился с выходом в море. У Григория даже промелькнула мысль, что Фридрих специально принял почетную капитуляцию у генуэзцев за два месяца до этих событий. Видимо, он уже тогда имел план действий, а желание уничтожить конкурентов у императора никогда не угасало. Просто усыпил бдительность.

А бой тем временем разгорелся. Перестрелка не затянулась. Моряки Фридриха не тратили время на артобстрел противника бочонками с горящей нефтью – расстояние было невелико – а просто пошли на abordаж. Забубенный, забыв про опасность, с интересом смотрел за их маневром. И его детище покрыло себя славой. Имперские галеры лавировали так быстро, уклоняясь от горящих шаров, что изумление на лицах генуэзцев было видно невооруженным глазом. Они не успели перезарядить свои катапульты по второму разу, как уже несколько галер столкнулись с ними, тараня на полном ходу. Раздался треск ломаемых весел. В небо взметнулись веревки с abordажными крюками. И солдаты схватились в ближнем бою.

Центр линии обороны генуэзцев смешался. Огонь оттуда прекратился. Почти все корабли противника были прочно связаны веревками с галерами императора. Повсеместно раздавался звон оружия, крики и стоны раненых. Но крайние корабли еще огрызались огнем, и скоро им удалось поджечь две галеры Фридриха. Огненные шары, выпущенные из катапульт, долетели до палуб этих судов и разлили по ним жидкий огонь. Паруса мгновенно вспыхнули. Охваченные пламенем люди в ужасе прыгали за борт и плыли в сторону незатронутых битвой галер. Казалось, само море между кораблями загорелось.

И вдруг из-за дыма вынырнуло генуэзское судно и направилась в сторону корабля, над которым развевался императорский штандарт. Все остальные галеры сицилийцев находились на несколько корпусов позади императорской. Возникла реальная угроза жизни Фридриха. Забубенный бросил на него короткий взгляд, но император был по-прежнему спокоен. Он находился в привычной обстановке. А стоны раненых и свист арбалетных болтов над головой, казалось, улаживали его слух больше, чем напевы лучших миннезингеров и трубадуров королевства.

– Арбалетчиков на левый борт, – резанула воздух команда капитана, – налечь на весла!

– Вы можете укрыться, – сообщил своим чиновникам император, сам, между тем, оставаясь на корме галеры, которая медленно двинулась в сторону неприятельского берега.

Чиновники очень хотели последовать его совету, но покинуть императора в бою было равносильно самоубийству. Он часто рисковал своей и чужими жизнями, но все время оставался жив. А вот те, кто трусил у него на глазах, о карьере могли забыть. Император легко расставался с кадрами и находил новые.

Судно генуэзцев быстро приближалось, сразу три корабля имперского флота бросились ему наперерез, открыв огонь из катапульт. Однако генуэзцы тоже не прекращали огня, сосредоточив его на императорской галере, которую мгновенно накрыл рой арбалетных стрел. Чиновники попадали на палубу. Два сицилийских рыцаря прикрыли своими щитами и телами Фридриха. Один из них тут же рухнул замертво – стрела пробила ему шею.

Арбалетчики с галеры императора открыли ответный огонь, но генуэзцы, несмотря на это, продолжали рваться вперед и корабли вот-вот должны были столкнуться. На что они рассчитывали, Забубенный, прячась за мачтой, понять не мог – на хвосте у них висели три галеры неприятеля, а путь к берегу тоже был перекрыт подданными Фридриха. Прорваться сквозь этот строй им могло помочь только чудо. Видимо, капитан генуэзцев был смельчаком и решил убить самого императора, если понадобится, ценой своей жизни.

Со своего места Григорий разглядел, как на носу приближавшейся галеры зарядили катапульту, и сжался от дурного предчувствия. Тотчас огненный шар вспорхнул с атакующего корабля и с удивительной точностью врезался в борт галеры Фридриха, который

мгновенно вспыхнул. Словно из-под воды возникли языки пламени и стали лизать обшивку корабля. Арбалетчики отпрянули от борта. Из-за поднимавшегося дыма стало почти ничего не видно. Огненный язык чуть не лизнул Забубенного, который тоже находился недалеко.

– Поворот на правый борт! – закричал капитан, – Мыло на палубу!

Тотчас из ниоткуда возникли два солдата с ведрами в руках и вылил на палубу какую-то мутную жижу. Один плеснул вдоль горящего борта, второй по проходу между скамейками рабов.

Галера отклонилась в сторону, но полностью осуществить маневр не успела – в этот момент раздался страшный треск. Это судно генуэзцев врезалось им в борт своим тараном. Кто-то упал в воду, несколько человек замертво свалилось с арбалетными стрелами в груди. Забубенный сделал шаг в сторону, поскользнулся и со всего маху грохнулся на палубу, с которой еле встал – так было скользко.

За те несколько секунд, что он пролежал на спине, Григорий заметил, как, разрезая небо на части, через всю палубу протянулись черные линии, и что-то с чавканьем вонзилось в деревянные борта. «Абордаж!» – в ужасе подумал Забубенный, вскакивая и бросаясь к противоположному борту прямо по скамейкам рабов.

Выбравшись наверх и схватившись за край, он бросил затравленный взгляд по сторонам. На корме вокруг Фридриха собрались все сицилийские рыцари и несколько арбалетчиков. За ними прятались чиновники. Юстициария среди них не было. Остальные солдаты выстроились вдоль борта в ожидании атаки противника. Было их здесь всего пять человек. Рабы в ужасе сжались внизу, пытаясь слиться со своими веслами.

Забубенный наклонился и поднял меч одного из убитых солдат. В этот момент раздались крики. Сквозь дым пожара на палубу посыпались черные куртки генуэзцев. То, что произошло в следующий момент, несмотря на серьезность момента, рассмешило Григория так, что он чуть не выронил меч. Генуэзские солдаты из абордажной команды, едва оказавшись на борту галеры, падали один за другим, поскальзываясь и роняя свое оружие, словно неопытные фигуристы. Арбалетчики Фридриха расстреливали их в упор, не упуская драгоценных секунд.

Атака захлебнулась, едва начавшись. Несколько человек все же прорвались к корме и напали на сицилийских рыцарей, но те бились насмерть. Они были в отличных доспехах, хорошо вооружены и быстро изрубили генуэзцев в ближнем бою. В этот момент раздалось сразу два новых удара и галера генуэзцев, вонзившаяся в судно Фридриха, сорвалась со своего места, оборвав абордажные веревки. Это подоспели имперские корабли второй линии, протаранившие противника сбоку.

Григорий вслед за арбалетчиками осторожно двинулся в сторону горевшего борта и осмотрелся. Его сильно беспокоило отсутствие юстициария Палермо – он ведь мог утонуть вместе с дарственной, которую Григорий так и не подержал в руках. И сквозь огонь Забубенный тотчас увидел чиновника, который нелепо барахтался внизу, схватившись за обломок весла. Но плавать ему оставалось недолго. От мощного удара генуэзская галера сдвинулась с места, и ее борт стремительно приближался к борту имперского корабля, охваченному пламенем. А, кроме того, юстициария заметил один арбалетчиков противника, он быстро натягивал тетиву, чтобы послать стрелу в почти неподвижную мишень. Позади него шел бой, но он почему-то решил разделаться именно с плавающим чиновником.

– Ну, уж нет, – решил Забубенный и, обернувшись, выдернул арбалет из рук мертвого солдата, лежавшего у него под ногами. К счастью он был заряжен. Солдат принял смерть, не успев выпустить стрелу по противнику. Забубенный сделал это за него. Он вскинул оружие и, почти не целясь, выстрелил. Генуэзец нелепо вздернул руками, выронил арбалет и рухнул в воду рядом со своей мишенью.

Райнальдо поднял голову и увидел Забубенного с арбалетом в руках. На его лице отразилось сильное удивление. Но время было дорого – борта двух галер быстро приближались друг к другу, ошестинившись острыми краями обломанных весел. Любой из них мог прошить юстициария насквозь, а если и пройдет мимо, его просто раздавит корабль.

Григорий хотел уже прыгнуть вниз, но это был не выход. Выбраться он бы уже не успел. Тогда механик снова стал озираться по сторонам и заметил кусок оборванной абордажной веревки, тянувшейся от крюка, который вонзился в мачту. Забубенный бросился к мачте по головам рабов, выдернул крюк, вернулся обратно и, зацепив его за пролом в палубе, бросил веревку вниз сквозь огонь.

– Райнальдо, хватайтесь! – заорал он, – я вас вытащу!

Два раза юстициарию не нужно было повторять. Он ухватился за конец веревки и подтянулся немного, но сил, чтобы выбраться, у него уже не осталось. Слишком долго барахтался в воде. Тогда Григорий крикнул ближайшего арбалетчика, и они вдвоем втащили сквозь огонь промокшего чиновника на борт. И вовремя. Охваченная огнем веревка вот-вот должна была разорваться. А борта галер сошлись со страшным треском, слившись в одно целое.

Уже оказавшись на палубе Райнальдо ди Аквино долго не хотел отпускать веревку, и Забубенному пришлось применить силу, чтобы оторвать от нее вцепившиеся мертвой хваткой пальцы юстициария.

– Спокойно, – убеждал он чиновника тоном психотерапевта, оттаскивая его за куртку подальше от огня, полыхавшего уже по всему борту, – вы среди своих. Все позади.

И Райнальдо, наконец, успокоился. Он отпустил веревку и встал. На его лице отразилась благодарность.

– Спасибо вам, – проговорил он, сжав руку Забубенного, – если бы не вы, я бы остался там навсегда.

– Да ладно, – махнул рукой Григорий, – Я просто не мог дать вам утонуть. Так на моем месте поступил бы каждый. Пойдемте на корму, – император нас заждался.

Фридрих, стоявший в окружении сицилийских рыцарей, вокруг которых образовалась гора мертвых тел, действительно, с интересом наблюдал за сценой спасения своего юстициария. Галера отчаянных генуэзцев была разгромлена. Но и корабль самого Фридриха, получив пробоину, кренился на один борт. А, кроме того, он был охвачен пожаром. Огонь быстро распространялся. Нужно было срочно покидать это судно.

Словно в ответ на эти мысли, Григорий заметил другую имперскую галеру, которая подошла к ним с противоположного борта. С нее быстро перекинули сходни на судно Фридриха. Но император не торопился покидать тонущий корабль. Он рассматривал поле боя.

Забубенный проследил за его взглядом и увидел, что за это время флот Фридриха полностью разгромил первую линию морской обороны Генуи и уже атаковал вторую – галеры защитников города полыхали уже у самого берега. И тут Григорий с удивлением разглядел сквозь дым еще одного живого арбалетчика на уже, казалось, поверженной галере генуэзцев. Тот был ранен, из плеча текла кровь, сзади к нему бежали двое солдат Фридриха – жить ему оставалось несколько секунд. Но генуэзец решил унести напоследок с собой на тот свет еще одного противника. И выбрал юстициария, пробиравшегося по палубе нетвердой походкой впереди Забубенного. Одетый в красную куртку чиновник представлял собой отличную мишень.

Поняв это, Григорий не смог выдать из себя ни слова – крик застрял в его горле. Но механик инстинктивно рванулся вперед, успел сделать только один шаг, и тут же что-то больно ужалило его в левое плечо. Удар был таким сильным, что механика свалило с ног. Потеряв равновесие, он рухнул на тлевшие от жара доски палубы, в недоумении уставившись на оперение арбалетной стрелы, торчавшей из плеча. Кровь алой струйкой потекла из раны, быстро превращаясь в настоящий ручей. «Черт бы побрал эту дарственную, – подумал Забубенный, – не стоило помирать из-за недвижимости».

И потерял сознание.

Глава двадцать четвертая. Счастливое время

Когда механик пришел в себя, то обнаружил, что лежит в какой-то палатке, а вокруг него колдуют лекари. Как потом выяснилось, лучшие лекари королевства, которых прислал сюда Фридрих. И лекари постарались на славу – арбалетный болт вынули, дав предварительно хлебнуть едкого отвара, от которого помутился рассудок, рану зашили. Кровь остановили. Кость не пострадала. Но во время операции механик опять потерял сознание. И надолго.

Пришел в себя только через неделю. Как потом рассказывали лекари, сильно бредил. Узнав об этом, Григорий испугался и уточнил, опасаясь, что выдал Констанцию:

– Не звал ли я кого-нибудь на помощь?

– Нет, – безразлично ответил лекарь, отсчитывая ему какие-то капли, – только сильно ругался. Часто вспоминал римского папу и генуэзцев.

– А, – устало улыбнулся механик, – ну, это нормально. А как я в целом?

– Жить будешь, – сообщил ему седовласый медик, – Но полежать еще несколько дней надо. А потом, – гуляй чаще. Руку разрабатывай.

С тем и удалился. Кормили раненого хорошо – обедами с императорского стола. Но бульон варили отдельно. Так лекарь приказал, а его приказы здесь выполняли в точности. Ухаживали за Григорием чьи-то слуги. Механик не знал их в лицо. Несколько раз заходил юстициарий, справлялся о здоровье.

– Здоровье мое нормальное, – успокоил его Григорий, – иду на поправку. Айболит обещал скоро выписать.

Райнальдо ди Аквино теперь называл Забубенного не иначе, как «дорогой друг». Сам Григорий от дружбы, естественно, не отказывался, но и не рассказывал юстициарию всей правды о причине своего благородного поступка. Стыдно было. Хотя, с другой стороны, чего стыдиться – хоть и случайно, а жизнь человеку спас. Да сам чуть концы не отдал. Правда, незадолго перед тем чуть его же не утопил. Но, в жизни всякое бывает. А благодарный юстициарий старое поминать, похоже, не собирался.

Злополучная дарственная, как оказалось, лежала тогда в специальном сундучке для документов, что находился в каморке под палубой галеры. Так что юстициарий не промочил ее и даже успел спокойно забрать оттуда, перед тем, как покинуть тонущий корабль. Услышав эту новость Забубенный обрадовался, хотя и старался виду не показывать. Юстициарий обещался передать дарственную Григорию по дороге домой. Ведь Фридрих приказал, чтобы Забубенного отправили в Неаполь сразу же, как он поправится. Подальше от боевых действий. Галерами император остался доволен – морскую оборону Генуи они сломили. А больше здесь Григорию было делать нечего. Тем более, раненому.

Юстициарий дела свои тоже закончил, но испросил разрешения Фридриха дожидаться выздоровления механика и отплыть в Неаполь вместе. Император, занятый осадой Генуи, разрешил.

Вылежав положенные дни, Григорий выбрался на первую прогулку. На всякий случай, его сопровождали двое слуг. Голова шумела и кружилась, слабость давала о себе знать. Но все же он был жив, хотя и с рукой на перевязи.

Оказалось, что все это время он пролежал в отдельной палатке, на краю большого лагеря императорской армии, который был разбит на скалистом берегу. Посреди небольшого отвоеванного у генуэзцев плацдарма, откуда Фридрих предпринимал ежедневные атаки на стены хорошо укрепленного города ломбардской лиги.

Забубенный брел по лагерю, дышал морским воздухом и осторожно вертел головой по сторонам. Вокруг бурлила военная жизнь: уходили по направлению к видневшемуся рядом городу солдаты, проезжали конные рыцари, закованные в броню. Строились защитные стены на случай контратаки генуэзцев. В общем, жизнь шла своим чередом. И вдруг Забубенный увидел странный отряд конных воинов, человек тридцать, резко отличавшихся от остальных солдат армии Фридриха.

На всадниках были искусно сделанные островерхие шлемы. Грудь прикрыта металлическими пластинами, нашитыми на кожаную куртку, а снизу доспех продолжался

бронеюбкой, которая хорошо защищала ноги. В правой руке каждый воин держал мощное копье с длинным заостренным наконечником, способным разрезать доспех врага. За спиной лук и колчан со стрелами. Круглый щит на седле. Кроме того, у всех всадников к седлу был приторочен аркан.

Сначала раненый механик подумал, что это сарацины из отряда, осадившего Болонью. Но, разглядев хищные лица азиатов, Забубенный чуть снова не потерял сознание. Ему слишком хорошо были знакомы доспехи и оружие всадников. Это были монголы. Отряд двигался ему навстречу. И впереди всех ехал хан Каюк, собственной персоной.

«О, господи», – выдохнул Григорий, пригнулся и, резко свернув направо, спрятавшись за высокой палаткой. Удивленные слуги последовали за ним. Отсидевшись, пока монголы не проехали мимо, Григорий осторожно посмотрел им вслед. Отряд направлялся к самому большому и богато разукрашенному шатру, стоявшему посреди лагеря. Судя по всему, там располагался сам Фридрих Второй, император Священной Римской Империи.

Отдышавшись, Забубенный прокрался окольными путями к своей палатке и велел слугам разыскать юстициария. Тот явился почти сразу.

– Что случилось, Грегор? – приветствовал он бледного, как мел, механика, – вам стало хуже?

– Напротив, – попытался неуверенно переубедить чиновника Григорий, – у меня все хорошо. А вы, Райнальдо, кажется, давно собирались отплыть в Неаполь?

– Да, – кивнул чернобородый здоровяк, – Все дела с императором я закончил. Жду только вас. Если вы действительно чувствуете себя хорошо, то можно отплыть хоть завтра, дорогой друг.

– Думаю, не стоит откладывать до завтра, – неожиданно заявил Григорий, озираясь по сторонам, – я отлично отдохнул и почти здоров. Можно ехать прямо сейчас. Мне срочно нужно в Неаполь. Меня там ждет масса дел.

– Похвальное рвение, – одобрил юстициарий, поразмыслив, – ну что же, я прикажу готовить галеру. Отплываем в ближайшее время. Я пришлю за вами слуг с носилками.

– Спасибо, – поблагодарил Забубенный, – но я и сам дойду. Можно носилки не присылать. Только слугу. Пусть проводит до стоянки галер.

– Как пожелаете, – поклонился Райнальдо ди Аквино и отправился отдавать указания.

Но отход галеры задержался почти на три часа. Когда же, под мерные всплески весел она отошла от генуэзского берега, Райнальдо объяснил причину задержки.

– Я должен был попрощаться с императором, но долго не мог попасть к нему на прием. Приехало какое-то тайное посольство. Мне пришлось ждать. Кстати Фридрих справлялся о вашем здоровье, Грегор.

– Тайное посольство? – переспросил Забубенный, – но откуда?

– Какие-то азиаты, дорогой друг, – ответил, не таясь, юстициарий, – кажется, монголы.

– Монголы? – изобразил удивление Григорий, – а что им здесь надо?

– Не знаю, – честно признался Райнальдо ди Аквино, – но, судя по тому, что эти степняки захватили Венгрию, опустошили Хорватию и вплотную приблизились к северным итальянским землям, у них есть о чем поговорить с нашим императором. Кто знает, вдруг они помогут нам взять Венецию. Мы сэкономили бы массу сил.

– Возможно, – кивнул Забубенный, не слишком уверенный в том, что у немцев получится честный союз с монголами. Иначе, зачем тогда Субурхан хотел захватить Констанцию. Но, чтобы там ни было, а монголы подобрались уже слишком близко к границам сицилийского королевства. Конечно, для Фридриха в этом положении были некоторые плюсы. Но на долю Григория выпадали одни только минусы. Ведь, куда мог дальше двинуться Субурхан, то было известно лишь одному Субурхану. А новая встреча с монголами не входила в планы внезапно разбогатевшего механика. Да и Констанции было бы лучше находиться подальше от потенциальных союзников мужа.

Григорий подумал о том, что неплохо бы уговорить Констанцию покинуть Неаполь и перебраться в Палермо. Уплыть на Сицилию – подальше от монголов. Все же, это остров, а

Субурхан при всей своей сухопутной мощи не имел столь большого флота, как у Фридриха.

Забубенный решил так и сделать по прибытии в Неаполь. Но еще в море, от сильной качки он слег. Рана разболелась. И механик снова стал впадать в забытие. А потому не помнил, как закончилось это морское путешествие.

Григорий очнулся оттого, что кто-то тихо разговаривал рядом с ним по-немецки. Судя по голосам, две женщины. Открыв глаза, он не увидел говоривших, но понял, что лежит на высокой постели в большой и светлой комнате, но с зашторенными окнами. «Где это я? – не мог сообразить механик, – в доме Шмидта таких хором нет».

В этот момент разговор прекратился, позади тихо затворилась дверь. Раздалось легкое шуршание платья, и перед раненым появилась Констанция. Ослепительная, как никогда. В белом платье и прозрачной вуали на волосах. Подобрав юбку, она присела на край постели, и, проведя по волосам Григория, спросила.

– Как ты себя чувствуешь, Грегор?

– Великолепно, – ответил механик улыбнувшись, – Только как во сне. Не могу понять, где я нахожусь?

Констанция тоже улыбнулась.

– Ты у меня в замке.

Некоторое время механик молчал, не зная, что и ответить. Но потом все же собрался с силами:

– Я в Кагель Нуово? И все об этом знают? Но ведь это же невозможно.

– Когда тебя привезли и оставили в доме господина Шмидта, юстициарий посетил меня с визитом, – поведала Констанция, – Он рассказал, как ты его спас и что сам до сих пор не окреп, как следует. Он хотел взять тебя дальше в Палермо, чтобы там, в столице, передать хорошим врачам. Но я настояла, чтобы тебя немедленно перевезли сюда. Здесь тебя пользуют великолепные лекари, и скоро ты будешь здоров. Так что твоему появлению здесь есть вполне официальное объяснение. А юстициарию я велела задержаться в Неаполе до твоего выздоровления.

– Но его же ждут государственные дела, – попытался возразить Григорий, вспомнив о том, что бедный Райнальдо уже больше месяца не может вернуться домой. Сначала его таскал за собой Фридрих, теперь мешает Констанция.

– Подождут, – отмахнулась императрица, – я и есть его государственные дела.

– Лучше бы меня оставили в доме Шмидта, – проговорил Григорий, – так было бы меньше подозрений.

– У Шмидта плохой лекарь, – возразила Констанция, хитро улыбнувшись, – А ты нужен Фридриху. Он ведь тебя ценит, как мне поведал Райнальдо. Без тебя бы у него не было новых галер.

На лице Констанции появилось заговорщическое выражение.

– Не беспокойся, Грегор. Ты лежишь в отдельном зале, недалеко от моих покоев. Никто кроме меня и служанки сюда не войдет. Тебя будет осматривать мой личный лекарь. И, пока ты болен, Грегор, мы можем видеться сколько угодно. А болеть ты будешь как можно дольше. Это я тебе обещаю. И никто о нас не догадается.

Забубенный усмехнулся и тут же боль пронзила плечо. Слабость давала о себе знать.

– А юстициарий? – спросил Забубенный, – он ведь знает, где я.

– Райнальдо мой давний друг, – ответила Констанция, – он нас не выдаст Фридриху, даже если узнает всю правду. Но ведь он ее не знает. А, кроме того, я не могла смотреть, как ты страдаешь.

– Воистину нет существа коварнее женщины, – пробормотал Григорий, привлекая здоровой рукой Констанцию к себе.

Забубенный действительно скоро пошел на поправку. Врач не часто баловал его своими визитами, зато его хорошо кормили, поили отличным вином, и не обделяла вниманием жена императора. Они болтали целыми днями напролет, поскольку ни на что

большее Забубенный был пока не способен. Но при такой заботе больной был просто обречен на быстрое выздоровление.

Спустя несколько дней рана затянулась, и механик даже хотел снять повязку. Лекарь разрешил. Констанция запретила. Поскольку Григорий, ради лечебной физкультуры, периодически бродил в неурочный час по коридорам и залам Кастель Нуово и мог повстречать бойких на язык служанок или пажей, конспирацию следовало соблюдать. Бедному механику ничего не оставалось, как подчиниться своей госпоже. Рука быстро выздоравливала и по утрам, надевая повязку, Забубенный даже иногда путался, какую руку в нее совать.

На пятый день Констанция тайно посадила его в свою закрытую повозку и отправилась на прогулку в горы. Точнее, в одно из своих загородных имений, расположенных, как она сказала, неподалеку от Везувия. Обычно в таких поездках ее сопровождали фрейлины. Но с тех пор как в замке появился Забубенный, он не видел ни одной из них. Только отрок Иблио, доверенное лицо, периодически попадался молчаливой тенью на глаза механику в коридорах пустынного дворца.

«Неужели она всех этих красивых барышень уволила из-за меня? – размышлял Григорий, глядя в щелочку занавешенного окна коляски, за которым быстро рос в размерах Везувий, – хотя зачем нужны красивые фрейлины? Фрейлины должны быть страшными, чтобы оттенять красоту первой дамы королевства, а не смазывать ощущение. Так что, правильно сделала».

Загородное имение оказалось небольшим замком, пристроенным к почти нависавшей над морем скале. «Прямо, «Ласточкино гнездо», – одобрил механик пробираясь по узкой каменной лестнице в покои, располагавшиеся наверху. В небольшой комнате почти всю площадь занимала кровать. За время пребывания в сицилийском королевстве механик уже привык к необъятным кроватям и вообще не представлял себе без них ни одной нормальной спальни.

Свет лился сквозь узкое окно башни, выходившее на бесконечное море. А над самой поверхностью моря, к удивлению механика, действительно, сновали сотни ласточек.

– Вид просто замечательный, – похвалил Григорий, рассматривая кровать.

Повязку он отбросил, рука двигалась вполне сносно, лекари постарались. Только шрам остался. Но шрамы, как известно, украшают мужчину.

– Да, – согласилась Констанция, обнимая его сзади, – я сама выбрала это место и попросила Фридриха построить здесь замок.

– И часто вы здесь бывали? – не удержался от вопроса Забубенный.

– Нет, – ответила внезапно погрузневшая женщина, присаживаясь на кровать, – вместе только один раз. А затем Фридрих вообще перестал меня посещать. У него хватает утешительниц. Он живет своей жизнью, а я своей.

– Так развелись бы, – предложил Григорий.

– Это почти невозможно, Грегор, – усмехнулась Констанция, – развести нас может только папа римский, а святая церковь никогда не пойдет навстречу Фридриху. Скорее обрушит на его голову тысячу проклятий. Или тысячу стрел своих солдат.

– Да, трудные у вас в семье отношения, – заметил Григорий, присаживаясь рядом с Констанцией и обнимая ее за талию, – Хотя твой муж пока что добр ко мне. Но иногда мне кажется, особенно в последние дни, что было бы лучше, если бы одна из этих стрел настигла его. Лучше для тебя.

Констанция надолго замолчала.

– Помнишь, тогда на галере ты спрашивал, что тебе делать? – прошептала Констанция, – а что ты хочешь теперь?

– Помню, – ответил Григорий, – только теперь мне не важно, что делать. Не важно даже, что с нами будет. Главное, что будет сейчас.

Он повалил не сопротивлявшуюся Констанцию на кровать, и, покрывая ее грудь поцелуями, сообщил:

– Ведь я уже совсем здоров.

И счастливая женщина заключила его в свои объятия.

Обратно в Неаполь они вернулись только через два дня. Настолько хорошо было в этом уединенном месте среди ласточек. Дворец императрицы в Неаполе встретил их привычной пустотой залов. Вообще, как заметил Григорий за время пребывания в Кастель Нуово, Констанция была на редкость скромной императрицей. Балов не закатывала, пышных приемов не проводила. Так, встречала иногда каких-то послов в отсутствие самого императора, который вечно пропадал на войне, – надо же было кому-то показывать свои новые платья. И все. Впрочем, Забубенный ее за это не бранил, ведь все свободное время Констанция сейчас была с ним, позабыв о своих государственных делах. Фридрих воевал в северных итальянских землях. Констанция проводила безмятежные дни с Григорием. А королевство жило само по себе.

Так прошло еще две недели. Изредка Забубенный вспоминал, что ему надо продолжать работать над флотом императора, который вел безуспешную осаду Генуи. Но дело ограничивалось тем, что Констанция посылала слугу к Шмидту с письмом, в котором сообщала, что херр Грегор еще не выздоровел и производством рулей для военных нужд поручено заняться главному механику королевства. Вознаграждение гарантируется. И херр Шмидт занимался.

Несколько раз приходил юстициарий, справлялся о здоровье Грегора. Но ненасытная Констанция и слышать ничего не хотела о Палермо и каких-то мастерских, подаренных Фридрихом, где Крайзеншпигеля ждала масса дел. И бедный юстициарий покорно удалялся в свой особняк на одной из фешенебельных улиц Неаполя.

Однако скоро грянул гром. Неожиданно прибыли посланцы с театра военных действий. Фридрих застрял под Генуей и почти месяц никак не мог взять упорно сопротивлявшийся город. И это несмотря на то, что верные сарацины разрушили Болонью, посеяли ужас в окрестностях Пармы и прибыли на помощь к своему повелителю. Со дня на день император ожидал прибытия на помощь генуэзцам венецианского флота и тогда ход войны мог кардинально измениться. Поэтому он послал двух своих военачальников Джеромо Балдини и Каторио Призо в Неаполь с приказом хорошенько взгреть нерадивого Шмидта, который задерживает отправку галер с новым рулем на фронт. И привести все отстроенные суда в Геную. А заодно справиться, есть ли новости из Палермо о здоровье Грегора фон Крайзеншпигеля.

Джеромо Балдини и Каторио Призо, как люди военные, первым делом отправились на верфи, где с большим удовольствием обнаружили у пирса почти пятьдесят галер, готовых к отплытию. Весь флот был пришвартован сразу же за складом, где Шмидт хранил бочки со смолой.

А, справившись о здоровье Грегора фон Крайзеншпигеля, узнали от господина Шмидта, что новый главный механик Палермо еще так и не выздоровел. А потому и не приступал к своим обязанностям в столице. Раненая рука не дает бедняге встать с постели.

Когда же военачальники Фридриха изъявили желание лично засвидетельствовать свое почтение Грегору, то с удивлением узнали, что он проходит курс лечения прямо в замке жены императора. Удивленные еще больше, тем же вечером Джеромо Балдини и Каторио Призо отправились в Кастель Нуово, где, несмотря на неурочный час, были приняты Констанцией. Императрица сообщила им, что главный механик Палермо действительно жестоко болен и не встает с постели уже третью неделю. После отплытия из Генуи от морского ветра у него развилось обострение. И теперь лучшие лекари не отходят от постели Грегора фон Крайзеншпигеля, не прекращая борьбу за его жизнь. Надо усердно молиться, чтобы ему стало лучше.

Военачальники, озадаченные таким вниманием императрицы к новому механику, пожелали Грегору фон Крайзеншпигелю доброго здоровья и, попрощавшись, ушли. Однако, покидая приемную, они столкнулись с самим Забубенным, который как ни в чем не бывало, прогуливался по пустынным залам Кастель Нуово.

– О, – воскликнул Джеромо Балдини, узрев перед собой смертельно больного Грегора, который, насвистывая песенку, разглядывал полотна живописцев, – искусство фламандцев вам так помогло, херр Грегор?

Забубенный застыл, как изваяние, не зная, что и ответить. Его застали врасплох. Расслабившись, он не надел даже повязку на руку.

– Несколько минут назад императрица рассказывала нам, что вы смертельно больны. У вас ведь сильно поранена рука, – заметил в тон ему Каторио Призо, разглядывая совершенно здоровые руки механика, без всяких признаков перевязок, – и мы решил отправиться отсюда сразу в собор, поставить свечку святому Януарию за ваше здоровье. Но я вижу, можно не торопиться. Слухи о вашей болезни сильно преувеличены.

Забубенный еле взял себя в руки и пробормотал первое, что пришло на ум:

– Императрица так добра ко мне, что немного ошиблась.

– Да, конечно, – язвительно заметил Джеромо Балдини, – она действительно немного ошибалась. Но только на счет руки. В остальном мы с вами абсолютно согласны, херр Грегор. Мы доложим императору о том, что вы пребываете в добром здравии, и за вами хорошо присматривают.

– Будьте здоровы, – хохотнул на прощанье Каторио Призо, – Берегите себя. Ведь наш добрый Фридрих так ценит ваши заслуги.

И оба сицилийца, почти не сдерживая улыбок, неторопливо удалились, а Забубенный в бешенстве ворвался в зал, где находилась императрица со своей фрейлиной Агнессой. Фрейлина быстро удалилась, поняв, что сейчас разразится буря. Но Григорий сдержался и опустился на диван рядом со своей возлюбленной.

– Что случилось, Грегор? – вздрогнула Констанция.

– Я только что виделся с военачальниками Фридриха, которые застали меня в полном здравии и без повязки, – сообщил он, – Они не глупы. И скоро император все узнает. Пусть даже и сплетни, но он то же не глуп.

Глава двадцать пятая. Богатый механик

На следующее утро Джеромо Балдини и Каторио Призо отбыли с готовыми кораблями в Геную. Глядя на удалявшиеся паруса из окна замка, Констанция долго молчала.

– Тебе надо немедленно ехать в Палермо, Грегор, – произнесла, она, наконец, – Мы согрешили, Грегор, но теперь все в руках господ.

– А ты? – Григорий обнял ее и посмотрел в глаза.

– А я должна остаться здесь еще какое-то время, – произнесла императрица.

– Но что я буду делать в Палермо один? – взмолился Забубенный.

– Ты будешь делать то, что тебе поручил Фридрих, чинить галеры, – сообщила Констанция, – а спустя неделю я прикажу своему двору переехать в Палермо и мы снова встретимся. За это время я придумаю, что сказать Фридриху. Хотя я почти уверена, что, даже выслушав сплетни, он может не обратить на них внимания. Император слишком занят собой и войной.

– Пока занят, может быть, – поделился сомнениями Григорий, – но память у него хорошая, а война когда-нибудь кончится.

– В любом случае, лучше, если ты побудешь сейчас вдали от меня, – проговорила Констанция, глядя ему в глаза, – время расставит все по своим местам и залечит все раны.

Забубенный хотел остаться, но чувствовал – любимая женщина права. Надо было уезжать. Хотя совсем не хотелось. У Григория появилось странное предчувствие, что они видятся в последний раз.

– Не бойся, – попыталась успокоить его Констанция, – все уладится.

– Завтра же утром я уеду, – ответил механик, – и буду ждать, когда ты прибудешь ко мне в Палермо.

– Я предупрежу юстициария, – сказала Констанция, – лучше, если вы уплывете вместе.

Так меньше подозрений.

Григорий привлек ее к себе в страстном поцелуе.

Выждав день, следующим утром Забубенный и Райнальдо ди Аквино, отправились в порт. Прибыв на место, Григорий, посмотрел в сторону дома главного механика королевства и заметил, что херр Шмидт прогуливается неподалеку. Увидев Забубенного, старик вышел навстречу.

– Доброе утро, херр Грегор, – проговорил он, – Как поживаете? Вы уже выздоровели и готовы снова работать на благо империи?

– Готов, – кивнул Забубенный, – Только не здесь. Если будут гонцы от императора, передайте, что я отбыл в Палермо.

Шмидт рассеянно кивнул, словно задумавшись о чем-то своем.

– Ну что ж, удачи вам, херр Грегор.

Галера юстициария столичной провинции стояла неподалеку, привязанная к пирсу прочными канатами. Поднявшись на борт, Райнальдо ди Аквино и новый главный механик Палермо отправились на Сицилию.

По дороге юстициарий передал, наконец, механику документ, заверенный личной печатью императора Священной Римской Империи, в котором сообщалось, что корона дарует Грегору фон Крайзеншпигелю, как теперь официально окрестили Забубенного, должность главного механика Палермо, дом и мастерские, расположенные в порту с тремя пирсами и всеми прилегающими постройками. В его полное распоряжение также поступают двадцать семь приписанных к мастерской рабов и десять слуг. Далее были перечислены налоги, которые Грегор фон Крайзеншпигель обязан был уплачивать в казну один раз в полгода.

Когда Григорий прочел о том, какое богатство ему привалило, то чуть не подпрыгнул от радости – за последние недели он так охладел к работе и ушел в переживания, что совершенно позабыл о дарственной. А теперь сбылась мечта о собственной мастерской с гаражом. Но когда он ознакомился со списком налогов, настроение немного испортилось. «Заплати налоги и спи спокойно, – попытался подбодрить себя внезапно разбогатевший механик, – ведь красть у тебя будет уже нечего».

Забубенный вспомнил о новых законах, которые писались в императорской библиотеке группой юристов под руководством благообразного старика с прозрачными глазами по имени Майгель Кренц. «Да, – пригорюнился Григорий еще сильнее, – скоро и рабов освободят, работать станет совсем некому. Знай только зарплату поднимай этим свободным лентяям».

Когда галера под вечер следующего дня прибыла в Палермо, Забубенный, погруженный в свои воспоминания, все же был поражен красотой острова и самого города, раскинувшегося на прибрежных склонах, где буйная зеленая растительность перемешалась с желтизной голых скал.

– Мне здесь уже нравится, – даже высказал он вслух свои чувства.

Оказавшись в порту, Забубенный не поспешил первым делом во дворец к сыну императора Манфреду, как того требовал долг подданного короны. Напротив, едва спустившись на пирс, Забубенный отправился осматривать свои новые владения вместе с провожатым, пажом по имени Лучано, которого ему выделил Райнальдо ди Аквино. Чиновник взял с него обещание на утро все же явиться во дворец, находившийся на холме у самых гор и видный из любой точки города, как Везувий в Неаполе. Григорий обещал.

Мастерские, во владение которыми спешил вступить Забубенный, находились рядом, ведь гавань была относительно не большой. Обогнув пару неизвестно чьих причалов, Григорий был приведен пажом к невысокому двухэтажному дому, обнесенному стеной и воротами. За ним виднелись три описанных в документах пирса и здоровенный амбар, в который при желании можно было загнать на ремонт броненосец средних размеров. «Неужели это все мое?» – подумал с восхищением Забубенный, позабыв о своих

переживаниях и поддаваясь очарованию новых ощущений.

На стук ворота отворил высоченный негр в пестрых одеждах. Он с интересом осмотрел гостей, но ничего не сказал.

– Это ваш новый хозяин, – сообщил ему Лучано, – позови Катания и покажите господину дом.

Негр кивнул и быстро исчез.

Дом главного механика Палермо был с виду крепкий и довольно просторный, с большим крыльцом. На первом этаже в нем имелась гостиная и подсобные помещения, на втором спальня и еще масса всяких комнат, которые главный механик Палермо решил осмотреть позже, в спокойном режиме. Пока они с Лучано и темнокожим слугой блуждали по комнатам, появился Катаний – кто-то вроде управляющего хозяйством. Катаний был белым, хотя чувствовалась в нем арабская кровь. Узнав о том, что Забубенный теперь новый главный механик Палермо, владелец дома и его хозяин, Катаний взял роль гида на себя. А паж Лучано, выполнив свою миссию, отправился обратно к юстициарию.

Катаний отлично говорил по-немецки, хотя и не без акцента. Осмотром дома Забубенный остался доволен. Собственного дома, да еще с таким приусадебным хозяйством у него никогда не было. Особенно ему понравился широкий балкон с видом на море, где будет очень приятно проводить долгие вечера с бутылочкой сицилийского вина.

– А кто здесь жил раньше? – поинтересовался Забубенный у Катания, одновременно разглядывая с балкона местные красоты и паруса кораблей, бороздивших гостеприимные воды бухты.

– Апулиний Герц, – не задержался с ответом слуга, – бывший главный механик Палермо и наш предыдущий хозяин.

– А где он теперь? Наверное, перевели с повышением? – пошутил Григорий.

– О, да, – опустил глаза Катаний, – его повесили почти два месяца назад.

Забубенный ненадолго забыл про красивые виды и повернулся к слуге:

– То есть как, повесили. За что?

– Точно не могу сказать, – уклончиво начал Катаний, – но, кажется, он не успел вовремя выполнить заказ его высочества Манфреда, сына нашего обожаемого императора.

– Черт побери, – выругался Забубенный, – и сильно задержал?

– Кажется, на полдня.

Григорий нахмурился. Эта немецкая точность ему уже осточертела.

– Ладно, – механик решил отложить ненадолго распитие местных напитков, – пойдем, посмотрим портовое хозяйство.

Катаний провел нового хозяина к пирсам и затем по всем амбарам, которые Григорию, все время хотелось назвать более знакомым словом ангар. Внутреннее наполнение этих строений сильно напоминало хозяйство, которое вел херр Шмидт. Куча строительных материалов, множество механизмов для поднятия тяжестей и прочая рухлядь, содержавшаяся, между тем, в отменной чистоте. В дальнем, самом большом, амбаре на стапелях стояла полуразобранная галера. Вокруг нее копошились пять негров, собирая строительный мусор. Похоже, работы здесь продолжались и в отсутствие хозяина.

– А это что за галера? – поинтересовался Забубенный.

– Заказ юстициария, который он дал еще старому хозяину, – ответил управляющий.

– И много еще таких неоконченных заказов в работе? – с нехорошим предчувствием уточнил Григорий.

– Нужно изготовить еще пять галер для юстициария. Все это записано в отчетных книгах.

Забубенный приуныл. Количество работыросло прямо на глазах. Нет, императору Фридриху, конечно, спасибо за подарок, только он совсем забыл обмолвиться о долгах, которые висят на этих мастерских. И, судя по всему, расплачиваться по долгам нерасторопного Апулиния придется ему.

– Ну-ка, брат Катаний, – приказал Забубенный, – устрой-ка мне общее собрание. Хочу

лично познакомиться с персоналом.

Катаний кивнул и растворился. А через пять минут на пирсе были выстроены все обитатели портовых мастерских. Осмотрев личный состав в быстро наступавших сумерках, Забубенный выяснил, что оказался владельцем двадцати негров, большинство из которых были разнорабочими на верфи, девяти плотников арабского происхождения, трех белокожих калек, которые служили в доме на более легких должностях, и пяти разновозрастных восточных женщин. Три женщины лет тридцати работали на кухне, а две оставшиеся молодухи числились служанками по дому.

– Ну, вот что, мои верноподданные, – начал свою речь Забубенный, – Меня зовут мастер Грегор. Я новый главный механик этого городка и, даст бог, останусь им надолго.

Забубенный поперхнулся, вспомнив о судьбе своего предшественника.

– Работать мы будем много и на совесть, как того ожидает от нас император. По поводу организации вашего рабочего дня я подумаю завтра, а сегодня все могут отдыхать.

– Но, херр Грегор, – удивился Катаний, – сегодня мы должны были доделать еще мачту на галере юстициария.

– Черт с ней, – распорядился новый хозяин мастерских, понизив голос, – темно уже. Вы что и по ночам работаете?

Катаний кивнул.

– Конечно. Если не готов заказ, то рабам спать не положено.

– Ладно, завтра доделаете, – махнул рукой Забубенный, – А сегодня будет праздник. По случаю вступления в должность всем налить по стакану вина и выдать по чашке риса. Рис у вас есть?

– Нет, – растерянно ответил Катаний, пытаясь запомнить все распоряжения.

– А что есть? Спагетти?

– Нет, хозяин, такой еды у нас тоже нет.

– Странно, – удивился Григорий, – ну, тогда дайте людям какой-нибудь рыбы. Рыба-то есть?

– Есть, – подтвердил распорядитель.

– Ну, вот и отлично, – подытожил довольный механик, – а теперь приготовьте мне на ужин какое-нибудь особенное мясо и принесите лучшего вина на балкон.

– Все будет исполнено, господин, – согнулся в поклоне Катаний и громко озвучил собравшимся рабам сказанное ему хозяином вполголоса.

Рабы удивленно загомонили, видно, новый хозяин им пришелся по сердцу. А Григорий, отдав первые распоряжения, ленивой походкой довольного жизнью плантатора отправился домой.

Глава двадцать шестая. Гарем императора

На утро, с помощью своих восточных служанок, главный механик Палермо облачился в модные штаны и куртку, оставшиеся от гардероба предыдущего механика. Вся одежда оказалась впору Забубенному, но была серых тонов. «Похоже, все механики в этом королевстве одеваются одинаково мрачно. Надо будет изменить эту традицию, – с неудовольствием отметил Григорий, вспоминая прошлую жизнь, – вон, как упакован персонал на «Формуле-1». Все яркие, как обертки от конфет».

Кроме того, не пристало главному механику Палермо носить одежду с чужого плеча. Поинтересовавшись у Катания, где местные вельможи шьют себе одежду, Григорий решил чуть позже зайти к модельеру и заказать себе новый костюм. Ведь ему теперь придется часто бывать при дворе.

«Надо будет завести себе лошадь или лучше повозку», – обдумывал Забубенный первые шаги на новом месте. Но, решив сделать покупки, Григорий вдруг вспомнил о том, что у него совсем нет наличных. Ведь до сих пор он жил на чужих харчах и в чужом доме. А теперь внезапно оказался владельцем целой верфи, но вообще без гроша в кармане.

«Как же я, интересно, буду платить налоги, – озадачился Забубенный, – надо будет порасспросить об этом товарища Манфреда при встрече. Или Райнальдо. В крайнем случае, продам один причал, а потом начну распродавать рабов. На первое время хватит».

И окрыленный мыслями о новой богатой жизни, в которую ему скоро предстояло окунуться, Григорий отправился пешком во дворец. Где находится императорский дворец в Палермо, ему еще вчера с борта галеры показал сам юстициарий. У механика было такое ощущение, словно он теперь «новый древнерусский» и на одну ступеньку приблизился к императрице по своему положению.

Дворец стоял на холме, возвышаясь над бухтой и городом, идти до него было не более получаса. В последний момент Григорий вспомнил о том, что богатые механики не ходят на прием в одиночку, и взял с собой Катания. А затем еще пару чернокожих разнорабочих. Какая-никакая, а все же свита. Поболтаются в приемном покое, пока он будет разговаривать с сыном императора.

По дороге Забубенный с наслаждением разглядывал кривые улочки Палермо и вдыхал аромат цветов, которые росли почти у каждого дома в изящных горшочках. Во всем чувствовалась смесь южного чувства с немецкой практичностью.

Город показался Забубенному многоликим. Он был одновременно богатый и бедный, темный и светлый, благородная тысячелетняя древность, сквозившая отовсюду, переплеталась здесь с новоделом – только что отстроенными домами богатых горожан и новыми церквями. С удивлением Григорий увидел здесь синагогу и мечеть, правда, гораздо меньших размеров, чем впечатляющий католический костел на главной площади. Похоже, Фридрих Второй был настолько широких взглядов, что допускал среди своих подданных свободу вероисповедания.

«Впрочем, – решил Забубенный, вспомнив разговор с императором, – это все до тех пор, пока подданные иноверцы беспрекословно подчиняются и хорошо служат своему императору. Если же они вдруг захотят получить больше свободы, то сразу же станут врагами империи, ощутив на своей шее железную хватку. Если что, Фридрих не пощадит ни иудеев, ни мусульман, даже если они будут священниками».

Размышляя, таким образом, о суете всего мирского, Забубенный добрался до дворца. Там он сразу доложил охране, целиком состоявшей из сицилийских рыцарей, о своем прибытии. Его приняли быстро, не маринуя сверх меры в зале, где он оставил своих людей.

Сын императора расположился в кабинете настолько похожем на виденный ранее кабинет Фридриха, что Забубенный на мгновение усомнился, а уезжал ли он вообще из Неаполя. Здесь его снова встретили бордовые цвета, античная живопись и голые торсы. Преимущественно мужские, но, к счастью, попадались и женские. Скорее всего, подумал Григорий, император повсюду выстроил себе похожие резиденции, чтобы везде чувствовать себя как дома. Как известно, в привычной обстановке лучше думается.

– Как добрались, херр Грегор, – приветствовал его сидевший за знакомым столом молодой вельможа, – меня зовут Манфред.

Он сделал жест, предлагая Забубенному сесть.

– Спасибо, ваше высочество, – ответил Григорий, присаживаясь в кресло напротив. – Добрался хорошо.

Манфред был молод. На вид ему было не более восемнадцати. А между тем молодой человек с первого взгляда производил впечатление цепкого и опасного бойца. Видно жизнь с таким беспокойным отцом как Фридрих, проводимая в военных походах на суше и море, рано приучила его решать серьезные вопросы и нести ответственность за себя и других. Манфред обладал взглядом человека, способного повести за собой массы.

«Этот будет императором, дайте срок», – подумал Забубенный.

– Мы ждали вас раньше, но я наслышан о вашем ранении, – сообщил сын императора и поинтересовался, – Как устроился на новом месте главный механик нашего города? Рана не беспокоит?

– Нет. Спасибо, хорошо. Милостью вашего батюшки, – поблагодарил Забубенный. –

Дом отличный. Кормят хорошо, только вот, не хватает наличных.

Манфред поморщился, в свои молодые годы он уже не любил жалобщиков. Но ответил по существу, как и подобает будущему монарху.

– Не беспокойтесь херр Грегор, ваше будущее обеспечено. Мы договорились с императором о том, что дадим вам заказ от казны на изготовление новых рулей для двадцати пяти галер. Кроме того, вы назначены главным механиком Палермо и будете следить за работой и других мастерских. Вот вам задаток.

На стол со звоном упал тяжелый кошелек.

– Это хорошо, – не пытался скрыть радости Забубенный, сгребая золото со стола, – я раньше только сервисом и занимался.

– Вы должны переделать галеры за семь дней, – предупредил Манфред, – Они придут к вашим причалам сегодня к вечеру. Отчет будете представлять каждые два дня в канцелярию нашего юстициария. Вы с ним уже знакомы, я слышал.

Манфред улыбнулся.

– Да уж, – пробормотал Забубенный, вспомнив про злополучный таран, – Случайно познакомились. Но теперь мы в хороших отношениях.

– Отлично, – сказал Манфред, откинувшись в кресле, – значит, вам будет легче общаться.

– А как быть с теми заказами, что не успел закончить мой предшественник? – поинтересовался Григорий.

– Их надо закончить, – отрезал Манфред, – но в обычном порядке. Прежде всего, военный заказ казны.

– Понятно, – кивнул Григорий.

– Через две недели мы выступаем в африканский поход, – предупредил сын императора, – галеры нужны мне точно в срок. Мы и так задержались, ожидая пока вы поправитесь. Так что вы, херр Грегор, отвечаете за результат головой.

Забубенный напрягся.

– Ну, я, конечно, постараюсь, ваше высочество. Но ведь, сами знаете, могут быть всякие форс-мажорные обстоятельства. Все-таки новое место, привыкнуть надо, втянуться в работу.

– Херр Грегор, я уважаю ваш талант, – Манфред изобразил на своем лице подобие улыбки, – но времени у меня нет. И если корабли не будут готовы к назначенному сроку, вас повесят.

Григорий похолодел. «Да здесь какая-то традиция – механиков вешать, – пронеслось у него в голове. – Нельзя же так с интеллигенцией обращаться».

Но вслух ответил, как и полагалось.

– Будем стараться, ваше высочество.

– Всего доброго, херр Грегор, – попрощался Манфред, – остальное золото получите после выполнения заказа.

После того, как двери императорского кабинета за ним закрылись, Григорий еще некоторое время стоял рядом с ними, блуждающим взглядом изучая доспехи сицилийских охранников. «Вот, сопляк, – мысленно ругался Забубенный, – это что же, мне две недели жизни осталось?».

В душе он ни минуты не сомневался, что выполнить такую работу без форс-мажора не удастся. В своей прошлой жизни ему никогда не удавалось собирать моторы в расчетное время, все время вылезала какая-нибудь непредвиденная случайность.

Отгоняя мрачные мысли, Забубенный направился в соседнее крыло дворца, где находилась приемная юстициария. Несмотря на то, что здесь толпилось немало просителей, Григория провели вне очереди, едва он назвал свое имя.

Райнальдо ди Аквино сидел за столом у открытого окна, почти до головы заваленный ворохом каких-то бумаг, пытаясь в них разобраться. Рядом стоял слуга с подносом. На блестящем тусклым серебром блюде Григорий увидел бокалы с вином.

– А, херр Грегор! – воскликнул добряк Райнальдо, вставая. Похоже, он рад был любому поводу отвлечься от работы, – Вот и вы. Не желаете бокал вина?

– Еще как желаю, – ответил Забубенный, – а лучше два бокала.

– Хоть весь кувшин, – разрешил ди Аквино, – это отличное сицилийское вино из моих виноградников. Угощайтесь.

Григорий залпом выпил бокал и взял второй. Подойдя к открытому окну, в которое была видна гавань, он стал смотреть на море.

– Кстати, как там мои галеры? – поинтересовался юстициарий, – а то ваш предшественник не успел их доделать.

– Теперь не знаю, любезный, – огрызнулся Григорий.

На лице ди Аквино появилось выражение озабоченности.

– А что случилось, херр Грегор?

– Я только что от принца Манфреда, – сообщил Григорий, – Он велел срочно переделать двадцать пять галер для имперского флота, а с остальными заказами повременить. Приказал давать вам отчет каждые два дня. И предупредил, что повесит, если не успею.

– Ах, это, – улыбнулся юстициарий, – наш добрый Манфред так шутит. Он не станет казнить такого нужного человека, как главный механик Палермо из-за небольшой задержки.

– Правда? – обернулся к нему Забубенный, – а что же тогда случилось с предыдущим главным механиком?

На лице Райнальдо ди Аквино появилось заговорщицкое выражение. Он выгнал слугу из кабинета и, подозревая механика жестом поближе к окну, прошептал:

– Наш добрый Апулиний Герц имел неосторожность переспать с его любовницей, Раймоной. А шпионы донесли Манфреду. И вот результат. Но официальная версия – измена империи. Так что, мой друг, дам вам один совет – не заглядывайтесь на гарем императора.

– Гарем императора? – переспросил Забубенный, – а он что здесь, на Сицилии?

– Берите ближе, – ухмыльнулся Райнальдо, – он прямо в этом дворце. Видели при входе здание с золоченым куполом и отдельным входом, выстроенное на манер мечети?

– Видел, – кивнул Григорий, – но я думал, что это и есть мечеть.

– Не совсем, мой друг, – ответил мудрый юстициарий, – именно там император Фридрих и держит своих наложниц с их отпрысками. Он ведь был воспитан не только римским папой, но и арабами. Его сердцу милы все эти восточные прелести.

Райнальдо вздохнул.

– То и дело в нашем саду можно встретить таких красавиц, что невозможно описать. Они здесь часто прогуливаются.

– И много их там? – заинтересовался Забубенный.

– Больше сотни прелестниц со всего света.

– Вот это да, – ухмыльнулся Григорий, – как у падишахов. Да наш император просто гигант.

Юстициарий кивнул.

– Но причем здесь его сын Манфред? – продолжал размышлять вслух Забубенный, – Он, что завел себе любовницу в гареме своего отца? Или у них один гарем на двоих для экономии?

– Я не знаю в точности, что думает об этом наш император Фридрих, но он позволяет любимому сыну немного порезвиться в свое отсутствие. Манфред молод, а там ведь столько красавиц. Тем более, – Райнальдо опять понизил голос, – наш добрый Манфред ведь и сам не чистых кровей.

– Он незаконнорожденный? – удивился Григорий.

Юстициарий наклонил голову в знак согласия.

– Но как же умудрился Апулиний переспать с любовницей Манфреда да еще в гареме. Он разве не охраняется?

– Охраняется, – подтвердил Райнальдо ди Аквино, – однако, это был шустрый малый. И

не надо недооценивать власть женщин в этом городе. Даже тех, кто живет в гареме императора. Если наложница чего-то захочет, то она этого, скорее всего, добьется. Поговаривают, что недавно у Фридриха появилась новая пассия, правда, не из гарема, которую он любит больше других. Так сильно, что даже позволяет ей давать себе советы в государственных делах.

– Вот это да, – проговорил впечатленный механик. Хотя о том, кто был новой пассией Фридриха, он догадывался.

– Ну, а что касается недостроенных галер, мой друг, – вдруг перевел разговор на другую тему юстициарий, – то, одну вы как-нибудь доделаете. Я подожду. А остальные заказы я переброшу на другую верфь, благо они еще не оплачены. Действительно, мало ли что может случиться. Семья нашего доброго императора не любит шутить, когда дело доходит до войны.

– Спасибо, – согласился Забубенный, – вы меня просто спасли. Заходите на стаканчик вина. У меня вроде бы что-то сохранилось в подвалах от вашего шустрого знакомого.

– Благодарю, вот разберусь с делами, – ответил Райнальдо, кивнув на бумаги, – и обязательно зайду. Накопилось, знаете ли, за время моего отсутствия.

– Скажите, – вдруг вспомнил Григорий, – а императрица тоже обитает в этом дворце?

– Конечно, – сообщил ди Аквино, – в правом крыле.

«Как все тут компактно живут», – удивился механик, направляясь к выходу, и уже в дверях как бы невзначай, поинтересовался.

– А где вы говорите, находится эта как бы мечеть?

– Чуть левее главного входа во дворец, немного в глубине, – любезно объяснил юстициарий, – только сейчас все девушки на прогулке в саду, а потом у них будет сон.

– А вы хорошо осведомлены, дорогой Райнальдо, – в тон ему ответил Забубенный, закрывая дверь.

Вернувшись домой к обеду, он велел кухаркам накрывать на стол и послал Катанию узнать как идут дела с галерой чиновника. Распорядитель сообщил, что работы близки к завершению и, скорее всего, галера будет доделана завтра к вечеру, если, конечно, хозяин разрешит рабам спать, как прошлой ночью. Забубенный что-то прикинул в уме.

– А если они не будут спать?

– Тогда, хозяин, к обеду. А если хорошенько подгонять, то и к утру.

– Пусть работают, – решил новый хозяин мастерских, – надо с этой галерой разобраться пораньше. Завтра к обеду я уже должен быть свободен от нее.

Плотно перекусив, Забубенный слегка вздремнул и, когда спала жара, решил навестить местного модельера. Благо золота у него теперь было достаточно. Но жизнь бизнесмена полна забот. Не успел он умыться и одеться, как снаружи послышался какой-то шум, скрип мокрых досок под тяжелыми башмаками и голоса.

Выйдя на балкон, Забубенный увидел, что к его пирсам подошли целых пятнадцать галер. Остальные встали на якорь поблизости, перегородив подходы к мастерским с моря. Буквально за полчаса вокруг вырос целый лес мачт, заслонявший ему отличный вид на бухту, просто необходимый, когда пьешь вино в одиночестве. Прибывшие на этих галерах солдаты, оккупировав весь причал, уже отвязывали рабов от весел – в ближайшее время они на галерах были не нужны. А скоро в дом к главному механику Палермо прибыл сицилийский рыцарь, выполнявший обязанности старшего офицера.

– Херр Грегор, галеры прибыли, – рявкнул он, едва появившись у порога, – Принц Манфред велел передать, что ждет от вас хорошей работы.

Григорий разочарованно кивнул:

– Передайте его высочеству, что я все сделаю в срок. Я все успею, пусть он не беспокоится.

Возникший словно из-под земли Катаний раскрыл перед Забубенным какой-то толстенный талмуд. Григорий посмотрел и увидел надпись «Принято в работу двадцать пять галер императорского флота. число и подпись». Вдохнул и вывел кривым почерком «Г.

Забубенный», потом посмотрел на свою подпись и махнул рукой: «Все равно по-русски не разберут». Заметив предыдущую надпись, приказал Катанию:

– Ты это вычеркни. Мы одну галеру юстициарию доделаем, остальные он от нас забирает.

А, посмотрев на стоявшего перед ним офицера, добавил:

– Все для императорского флота.

Офицер отсалютовал главному механику и, построив в колонну, увел своих солдат и рабов. Территории мастерских так же внезапно опустели, как немногим ранее, заполнились.

– Ну, что стоите, – рыкнул Забубенный, глядя на собравшихся рабов, – Трабахо-Трабахо!

И добавил, глядя на управляющего:

– С галерой юстициария надо разобраться в первую очередь, поставь туда всех плотников, а потом принимайтесь за императорский заказ. В общем, ты тут проследи. Ну а я пока схожу в город. Один.

Добравшись, наконец, до местного модельера, что жил в центре города, Забубенный обнаружил странную вещь – оказывается, костюмы не шьются за полчаса, а продавать сразу готовые здесь еще не додумались.

«Что же делать, – размышлял Григорий, в растерянности постукивая пальцами по столу в приемной портного, – не идти же завтра во дворец в том же костюме. Местные богатеи каждый день переодеваются. А иногда и по два раза в день. Это какой же гардероб надо завести, чтобы так жить».

– Херр Грегор, – осмелился напомнить о себе Паломо Перкуччи, местный модельер, – У меня, конечно, сейчас много работы, но если вы очень торопите...ну, вы понимаете... то я могу кое-кого отодвинуть, чтобы заняться вашим заказом.

При этом Перкуччи с интересом посмотрел на большой кошелек, привязанный к поясу главного механика Палермо.

– Ведь не может же такой богатый господин, как херр Грегор, ходить два дня в одном и том же.

Забубенный с легкой грустью подумал: «Эх, если бы не эти визиты во дворец, то ходил бы я спокойно в одних штанах целую неделю и не жужжал». Но вслух, как всегда, сказал другое:

– Ладно, херр Перкуччи. Я заплачу вдвое, если вы мне изготовите к утру новый костюмчик по местной моде. Я не знаю, что здесь носят, сами придумайте.

– Какой цвет вы хотите, херр Грегор? – поинтересовался Перкуччи.

– Главное, чтобы штаны были веселенькие. А остальные цвета подберите на ваш вкус. Вы модельер, вам виднее.

– Будет сделано, херр Грегор, – ответил, подбрасывая на ладони несколько золотых, хитрый портной, – платье будет готово в лучшем виде. Прикажете доставить к вам или предпочитаете примерить у меня?

– Приду к вам, – решил Григорий для первого раза, – вдруг, что не так получится, тогда сразу на месте подлатаем.

Перкуччи даже обиделся, услышав эти слова, но промолчал. Желание клиента, да еще такого, что платит вдвое больше, закон. «Дорого же обходятся местным буржуа модные шмотки», – подумал Забубенный, покидая мастерскую.

Узнав от того же модельера, что главным механикам полагается также носить кортик, подобный тому, что Забубенный видел в Неаполе у Шмидта, Григорий решил зайти к оружейнику, благо тот жил неподалеку. Оказавшись в его лавке, увешанной всевозможным железом, механик решил на сей раз быть проще. Он не стал ждать несколько месяцев, пока ему выкуют чудо меч-кладенец, а купил первый приглянувшийся ему кинжал в дорогих ножах, украшенных драгоценными камнями.

Не дожидаясь, пока будет готов костюм, он зашел еще к обувщику и прикупил новые закрытые штиблеты, по последней сицилийской моде. Забубенный надеялся, что модельер

угадает с цветом и ботинки окажутся подходящими.

Глава двадцать седьмая. Новый приказ

На следующее утро, едва справившись о том, как идут дела на верфи и, дав несколько новых вводных, главный механик покинул свой пост. Взяв с собой обычную свиту – Катания и двух негров, он направился в центр города к модельеру.

Паломо Перкуччи не подкачал. Костюмчик получился на славу – веселенький, песочного цвета, со всякими выточками и ненужными на взгляд Забубенного швами. Узковат немного в талии и штаны почти в обтяжку, но чего не сделаешь ради того, чтобы не казаться при дворе одетым по старинке. «Судя по всему, – подумал Григорий, вспоминая черный костюм главного механика королевства, – на Сицилии механики живут гораздо веселее».

Была, конечно, одна деталь, которая Забубенного раздражала, – почти полное отсутствие карманов, если не считать единственного и очень маленького на боку. Он не мог понять, куда же теперь будет совать все нужные вещи. Но, потом вспомнил. Он ведь теперь не просто механик на договоре, а главный механик Палермо с собственной мастерской. Для чего ему тогда свита из рабов и слуг? Пускай носят за ним все нужные вещи. Теперь можно и пофорсить. Хотя без карманов Забубенный чувствовал себя словно голый.

Расплатившись с Перкуччи, механик отправился во дворец на прием к Райнальдо ди Аквино. Юстициарий был на месте и принимал посетителей. Забубенного пригласил без очереди, оставив многочисленных посыльных и даже советников из других провинций ожидать, пока он освободится. Несмотря на свой пост, юстициарий оказался довольно компанейским человеком.

– Как продвигаются дела? – приветствовал он вошедшего механика, – не хотите ли вина?

– С утра? – озадачился Григорий, глядя на полный бокалов поднос в руках слуги. Но что греха таить, нетипичные для немцев привычки Райнальдо ди Аквино его только радовали, – бокальчик можно.

Выпив вина, Забубенный расслабился. Новый костюм его уже не так сильно раздражал. Что поделать, не доросли еще эти люди до джинсов и маек с кроссовками. Все у них еще впереди.

– Дела идут хорошо, – вспомнил главный механик Палермо о цели визита, – вашу галеру почти закончили. Думаю, вернувшись домой, я уже застану окончание работ.

– Спасибо, дорогой херр Грегор, – похвалил его юстициарий, – вы очень быстро работаете.

– Да, рабы у меня что надо, – с удовольствием заметил Забубенный, – работающие. К вечеру вашу галеру отгоним к центральному императорскому пирсу, а потом займемся и галерами принца Манфреда. Но в отчете можете записать, что пять галер уже почти готовы.

– Запишем, херр Грегор. Хотя, стоит ли так торопиться. Может, подождем, пока ваши люди их на самом деле подготовят? – помялся юстициарий и добавил, понизив голос, – у меня в провинции очень строгая отчетность. За приписки я могу поплатиться головой, ведь и за мной следят люди императора.

– Как, – удивился Григорий, позабыв, что он тоже находится на службе Фридриха, – даже за вами, таким преданным слугой, следят шпионы императора?

Райнальдо ди Аквино развел руками:

– Что поделать, дорогой друг, – у нас в империи строгие законы. Особенно насчет финансов, налогов и отчетности. Просто рай для доносчиков.

– И вы платите налоги? – удивился Забубенный, – сотрудничаете с налоговой инспекцией?

– Увы, – опять развел руками юстициарий, – я даже отвечаю за их сборы перед императором.

– Вот это да, – еще больше удивился Григорий, – я от вас такого не ожидал.

Но сразу добавил:

– Впрочем, работа есть работа, херр Аквино. Ничего личного, как говорится.

На самом деле Забубенный тут же вспомнил, что в дарственной на его мастерские, говорилось, что и ему надо будет платить налоги. Вот только в каком объеме и когда, Григорий позабыл из-за радостных событий последних дней. Впрочем, до этого срока, кажется, было еще далеко. Пока можно было спать спокойно.

– Я пойду, – вдруг заторопился Григорий, – мне нужно по хозяйству.

– Будьте здоровы, херр Грегор, – пожелал ему на прощанье Райнальдо, и, как бы невзначай, добавил, – вы слышали, сегодня в Палермо прибывает наша императрица.

Забубенный застыл на месте.

– Вечером?

– Именно так, – подтвердил Райнальдо, – утром я получил письмо с почтовой галерой.

Григорий просиял.

– Спасибо, дорогой друг. Но я все же пойду. Явлюсь вечером, чтобы засвидетельствовать свое почтение императрице.

Чуть не подпрыгивая от радости, Григорий двинулся сразу к выходу из дворца, минуя многочисленные караулы. По своему статусу, которым наделил его император, Григорий мог теперь бывать здесь в любое время дня и ночи. Естественно, по государственным делам.

Сидя на своем балконе и абсолютно не обращая внимания на работы, кипевшие вокруг, Забубенный не мог оторвать взгляда от морских волн, где рассчитывал увидеть парус. И увидел. Целых пять. Императрица прибыла с небольшой свитой.

Никаких салютов, ознаменовавших это событие, не давали. Палермо, как и Неаполь, встречали Констанцию более чем спокойно. Приезд императора Фридриха Второго наверняка не остался бы незамеченным. Тем более что Фридрих любил помпезные встречи. Обычно он вступал в город под звуки громкой музыки позади колонны многочисленных солдат и разряженных слуг. Часто перед процессией даже шли боевые слоны. А сейчас все было относительно тихо. Значит, Констанция прибыла в одиночестве.

Едва дождавшись вечера, Григорий снова появился во дворце. Он решил не дожидаться отрока Иблио с запиской и пришел сам. Впервые за время пребывания в столице он посетил правое крыло дворца, искренне сожалея о том, что Фридрих не отстроил для своей жены в Палермо отдельную резиденцию. А здесь было слишком много любопытных глаз. «Да и черт с ними», – решил окрыленный предстоящей встречей механик.

В приемной он сразу заметил Иблио, который выходил из покоев императрицы. Отрок несколько удивился, встретив Григория во дворце, и незаметно спрятал в карман ненужную записку. Хотя двери в покои Констанции находились в двух шагах, Иблио, тем не менее, увел Забубенного из приемной, где уже столпилось множество придворных, и повел его потайными коридорами в обход. Пройдя несколько залов, Григорий оказался в небольшой полутемной комнатке, где ему пришлось ждать. Но он ждал с наслаждением, зная, кто за ним придет.

А когда дверь отворилась, и он увидел за ней любимую женщину, то не смог больше сдерживаться. Шагнул вперед и обнял ее, даже не посмотрев, есть ли кто-нибудь в зале еще. К счастью, там никого не оказалось. Констанция ответила с нежностью, и они долго стояли, не в силах оторваться друг от друга.

В комнате царил полумрак. Лишь несколько свечей озаряли тусклым светом помещение. Эта резиденция Констанции была гораздо скромнее, чем в Неаполе. Покои занимали лишь небольшой зал с пятью высокими окнами, на которых висели тяжелые шторы. Посередине стояла огромная кровать с балдахином. В дальней части была видна дверь, которая, как подумал Григорий, вела в покои фрейлин, чьей обязанностью было всегда находиться при своей госпоже. Но сейчас никаких фрейлин здесь не было.

Григорий в нетерпении увлек свою госпожу на ложе.

– Обожди Грегора, – слабо сопротивлялась Констанция, – меня ждут вельможи. Я должна к ним выйти.

– Подождут, – оборвал ее Григорий, продолжая наступать. И Констанция сдалась на милость победителя.

Спустя полчаса придворным было объявлено, что императрица плохо себя чувствует и желает отдохнуть с дороги. Аудиенция переносится на утро. Все разошлись.

– Как ты устроился в Палермо? – спросила Констанция, положив свою головку на грудь механику, когда утомленные бурной встречей, они лежали на огромной кровати.

– Нормально, – ответил расслабленный Григорий, – только здесь надо работать, а то ваш малолетний принц обещал меня повесить, если не успею в срок. Извини, но я так понял, что это не твой сын?

Констанция вздохнула:

– Да. Это сын рабыни от Фридриха. Он весь пошел в своего отца.

Забубенный не стал уточнять, почему сын рабыни является наследником трона. Видимо, слово императора имело здесь больший вес, чем какие-то кровные узы и обязательства.

– А что слышно о Фридрихе? – напрягся Григорий.

– Он все еще в Генуе.

– До сих пор? – удивился Забубенный.

– Да. Прибывший флот не помог ему взять город. На помощь генуэзцам подоспели венецианцы. Теперь Фридриху вдвое труднее. Да и на суше много непокорных городов – Ломбардская лига еще сильна. Мне доносят, что Фридрих хочет временно снять осаду или даже вступить в союз с монголами.

Забубенный помолчал.

– Он ведь знает, что монголы чуть не выкрали тебя, – сказал Забубенный, не скрывая своего возмущения.

– Знает, – кивнула Констанция, – но политика для него важнее жены. Да еще и нелюбимой.

Григорий украдкой взглянул на лежавшую рядом женщину. И как ее можно было не любить? Да, душа немецкого императора – потемки. Механик вздохнул и поцеловал Констанцию в висок, вдыхая аромат ее волос.

Несколько следующих дней Забубенный провел в счастливом тумане. Визиты во дворец сделались постоянными. Механик и Констанция предавались страсти, позабыв о насущных делах.

Едва прибыв на Сицилию, Забубенный потерял счет времени под влиянием местных красот, а теперь вообще перестал различать дни. Каждый раз, возвращаясь домой на рассвете, он был вымотан так, словно всю ночь грузил уголь, но вместе с тем чувствовал себя счастливым и окрыленным.

Проспав до обеда, главный механик выползал на территорию мастерских узнать, как идет процесс переделки галер. У него не хватало сил и желания кого-либо гонять по стройплощадке. Все это за него делал верный Катаний. К счастью, распорядитель имения оказался у Григория вполне толковый. Под руководством Катания работы шли по графику. И прибывая на отчетный доклад к юстициарию, главный механик Палермо, не моргнув глазом, сообщал чиновнику, что готово еще пять галер. Юстициарий хвалил его за такое усердие.

– Вы слегка осунулись, херр Грегор, – даже укорял его заботливый Райнальдо ди Аквино, – нельзя столько работать. Больше спите и пейте доброго вина. Я пришлю вам сегодня пару ящиков из своих кладовых. Или, может быть, прислать к вам лекаря?

– Упаси боже, – отнекивался главный механик, – я здоров как бык. Просто не выспался. Работаю по ночам над новыми чертежами во благо нашего императора.

– Похвально, – поддержал юстициарий, – но, берегите себя. Император не простит мне, если вы сгорите на работе.

Забубенный обещал беречь себя. А под вечер, даже забывая перекусить, тайком отправлялся в покои императрицы. Но однажды Констанция сообщила механику по секрету, что император вернулся в Неаполь, чтобы собрать новую армию, и на днях собирался

посетить Палермо. Однако к нему неожиданно прибыли послы от римского папы с требованием отправиться в крестовый поход, ведь император Священной Римской Империи обещал сделать это уже несколько лет подряд, но все откладывал. Переговоры затянулись. И, судя по всему, Фридрих опять отложил свой вояж в Палермо. Скоро забеспокоившийся было механик о нем и думать забыл. Солнце светило. Галеры строились. Констанция была рядом. Все шло своим чередом.

Несмотря на то, что Григорий полностью забросил процесс переделки императорских галер, они, тем не менее, регулярно сходили со стапелей в полной готовности и с новым рулем. И однажды настал тот день, когда все было готово. Но сам Забубенный узнал об этом от принца Манфреда, который вызвал его к себе однажды утром.

Юный Манфред сидел в своем кабинете за массивным столом и читал какие-то письма. Он был напряжен и даже возбужден. Забубенный решил, что принц получил не очень приятные сведения, хотя расстроенным он не казался.

– Вчера юстициарий сообщил мне, что все наши галеры полностью готовы, – сразу перешел к делу Манфред, – вы справились со своим первым заданием вовремя, херр Грегор. Вот ваши деньги.

На стол перед Забубенным упал тяжелый кошелек.

– Я все успел? – удивился Григорий, не понимая, как он все успел, если вообще ни чего не делал.

– Да и очень кстати. Империя не забудет ваших заслуг, – добавил Манфред, встал и подошел к окну. – Вы могли бы теперь отдохнуть, но сегодня утром я получил плохие известия. Африканские пираты снова атаковали Келибию, которая едва оправилась от удара, и сожгли все, что не успели уничтожить первым набегом. Наш гарнизон погиб почти весь. Поэтому я решил ускорить начало военных действий, чтобы помочь тем, кто остался в живых.

– Решение настоящего императора, – похвалил Забубенный.

– Я хотел бы, чтобы вы отправились со мной, херр Грегор, – закончил Манфред, – мне нужны талантливые механики во время этой экспедиции. Но для вас есть новое задание лично от императора.

Забубенный напрягся. При упоминании Фридриха с него слетела вся дрема.

– Как вы знаете, наш император воюет сейчас с ломбардцами на севере, и почти все наши морские силы сосредоточены под Генуей, – начал Манфред издали. – Но императора беспокоит и поведение Венеции. У нее мощный флот, который она уже частично отправила на помощь нашим врагам. И, в ходе затянувшейся войны с ломбардской лигой, можно ожидать нападения венецианцев на наши города в Адриатике.

Забубенный обратился вслух, пытаясь понять, к чему клонит юный военачальник.

– Поэтому Фридрих Второй приказывает вам оставить Палермо и срочно отплыть в Бриндизи для переделки рулей находящегося там нашего флота, который, после этого станет более серьезной преградой венецианским кораблям. Тут ваши таланты инженера-механика могут пригодиться империи, херр Грегор, как нигде.

Манфред, охваченный грандиозными замыслами, прошелся по кабинету.

– Наш новый маневренный флот на Адриатике полностью перекроет снабжение этого города по морю и прекратит вылазки венецианцев на помощь Генуе. А заодно и усмирит пиратов. Тогда Генуя падет, а ломбардцы присмирят. И на суше наши войска довершат победу над врагом.

– Мне надо отплыть в Бриндизи? – Забубенный не на шутку расстроился. Так не хотелось расставаться с уже ставшей привычной жизнью, – но кто же будет управлять мастерскими в мое отсутствие?

– Ваш распорядитель Катаний, – предложил единственно верное решение принц Манфред, удивительно хорошо осведомленный о делах в доме главного механика Палермо, – думаю, он справится.

– А нельзя ли кого-нибудь вместо меня послать, – робко попросил механик, – у меня

есть в Палермо неоконченные дела.

– Собирайтесь, херр Грегор, – завершил аудиенцию Манфред, и в его голосе звякнул металл, – Вы отплываете не позже завтрашнего дня. Время не ждет.

Убитый этим известием главный механик Палермо отправился сначала домой. Там он велел Катанию собрать для него все необходимое и сообщил, что распорядитель остается в имении за главного до возвращения хозяина. После чего закатил рабам отвальную, разрешив выпить за его счет вина.

Затем Григорий снова отправился во дворец, против обыкновения, днем, чтобы сообщить Констанции эту тревожную новость. К счастью, Констанция никуда не выезжала. Выслушав Григория, она ничуть не обеспокоилась. Напротив, даже оживилась.

– Отлично Грегор, – сообщила она, – мы поедem вместе. Я давно хотела посетить Бриндизи, – там отличный дворец, который часто пустует. Ты будешь делать свои галеры, а я развлекаться. Императрица имеет на это право. Я немедленно велю своим придворным собираться. Нас ждет морская прогулка.

На следующий день, ближе к обеду, четыре корабля – три императорских и одна галера главного механика – отплыв от гостеприимных берегов Палермо, взяли курс на Мессину. Несмотря на то, что у него был свой корабль, Григорий предпочел плыть на галере императрицы, которой командовал сицилийский рыцарь Герхард Заувиц.

На море было свежо. Весь день суда болтало по разыгравшимся волнам. Заувиц вел свой корабль в обход крутых сицилийских берегов. Небольшой караван шел к проливу между островом и основными землями королевства, чтобы прибыть в Бриндизи как можно быстрее.

Все это время Забубенный разглядывал берега гористого острова, на которых то и дело мелькали живописные городки и деревни. Очень скоро его внимание привлекла высокая гора, как оказалось, это был знаменитый вулкан Этна. А под вечер, войдя в пролив, они увидели большой город, с замком и пристанью.

– Это Мессина, – пояснила императрица Григорию, – я часто бываю здесь. Посещаю целебный источник. Но сегодня мы не будем приставать.

Она обернулась к стоявшему неподалеку Герхарду и приказала:

– Следуйте дальше проливом, капитан, мы торопимся. Нам нужно прибыть в Бриндизи к завтрашнему вечеру.

«Значит, придется плыть всю ночь, – немного расстроился Григорий, уже отвыкший от долгих морских путешествий, – а куда нам торопиться?». Ему было так хорошо на Сицилии, что он предпочел бы оставаться там и дальше. Но, внезапный приказ императора повис над механиком, как дамоклов меч. Григорий видел сейчас перед собой только ближайшее будущее, а о далеких перспективах и не задумывался. Хорошо еще, что Фридрих, под грузом государственных забот, не обращал внимания их отношения с Констанцией. «А, может быть, он и не догадывается? – рассуждал сам с собой Григорий, расхаживая по широкой корме императорской галеры и поглядывая на берега Сицилии, быстро исчезающие в сумерках, – хотя, как-то очень уж не вовремя пришел этот приказ. Может, Фридрих задумал тайно избавиться от меня?».

Никаких активных действий, чтобы пресечь их роман, Фридрих действительно пока не предпринимал, но тревога все равно не покидала механика. Отложенное наказание, как известно, выносить тяжелее. А после отплытия из Неаполя двух сицилийских военачальников, заставших его в полном здравии во дворце императрицы, главный механик начал всерьез беспокоиться о будущем.

– Отличный руль, – неожиданно раздалось над ухом Забубенного.

Рядом стоял Герхард Заувиц, глядя на бурлящую воду, которую руль новой системы лихо разрезал на пенные ломти. Капитан, пользуясь случаем, похвалил изобретение Грегора, который по его словам уже стал национальным героем среди моряков всего сицилийского королевства. Слух о небывалой маневренности галер с новым рулем быстро распространился

по всем судам военного флота империи. Григорий молча принял похвалы, по-прежнему погруженный в свои мысли.

Скоро Сицилия пропала из виду, скрывшись в туманной дымке, висевшей над широким проливом. Даже верхушка вулкана Этна растворилась в ней. Со всех сторон теперь расстилалось море. Но спустя недолгое время впереди по левому борту вновь показались скалистые берега. Это была южная оконечность берегов сицилийского королевства, расположенных на гигантском полуострове.

«Подошва итальянского сапога, – вспомнил Забубенный картинки из прошлой жизни, – значит, скоро появится и каблук. Обогнем его, а там уже и до Бриндизи недалеко».

Механик посмотрел вперед, заметив, что корабль идет прямо на выступающий в море мыс. Но «каблук» это или еще нет, он не знал. Скоро совсем стемнело. И Григорий, простившись с Констанцией, отправился спать в небольшую каюту на корме.

Глава двадцать восьмая. Жить будешь

На следующее утро Забубенный, отлично выспавшись, вышел на палубу галеры, когда судно уже бороздило воды Адриатики. Здесь можно было встретить неприятеля, поэтому Заувиц приказал галерам держаться ближе друг к другу и привел арбалетчиков в боевую готовность. По лицу сицилийца было видно, что он никак не мог понять, почему императрица спокойно путешествует во время боевых действий почти без охраны.

Забубенного поведение Констанции не удивляло, хотя в душе он тоже предпочел бы плыть по волнам окрестных морей, как минимум, с эскадрой из дюжины галер. Однако сейчас у Фридриха каждый корабль был на счету, и Констанция решила не привлекать к себе излишнего внимания.

«Впрочем, было и хуже, – рассуждал сам с собою Григорий, разглядывая пустынную гладь моря и поглощая на корме легкий завтрак, – когда мы плыли в Бриндизи первый раз, у нас была всего одна галера. Хотя тогда мы убегали от венгров, и было гораздо страшнее».

Пока Григорий завтракал, Констанция беседовала на палубе с Заувицем. То и дело оба показывали на видневшийся в легкой дымке по левому борту скалистый берег.

– Сколько еще плыть? – осведомился Григорий.

Покончив с едой, он приблизился к капитану. Императрица, бросив лукавый взгляд на механика, отправилась отдыхать в свою скромную каюту.

– Скоро будем, – успокоил его Заувиц, – мы уже на подходе.

Капитан не обманул. Где-то через пару часов дымка рассеялась и слева по курсу открылась обширная гавань, над которой возвышалась огромная скала. Григорий заметил живописный замок на ее вершине и крепостную стену, что опоясывала большую часть горы. У входа в бухту покачивались на волнах многочисленные имперские галеры.

– Ну, эту картину я уже видел, – пробормотал Григорий, и, вернувшись к себе в каюту, отдыхал там до того момента, пока галера не вошла в гавань Бриндизи и не причалила к пирсу.

К счастью, на этот раз механику не нужно было облачаться в рыцарский панцирь и ломать комедию перед местной администрацией вкупе с благородным рыцарством, изображая из себя одного из них, только давшего обет молчания.

Теперь Григорий прибыл в Бриндизи уже на законных основаниях главным механиком, важной птицей, и более того – по прямому приказу императора для усиления мощи сицилийского королевства. А потому он теперь не прятался за спину Констанции, а стоял рядом со скучающим видом, пока императрица принимала положенные почести от первых лиц города. Хотя ухмылки Генриха Страндгота и Магнуса Гампе, напомнившие ему о первом появлении в Бриндизи, все же не ускользнули от его взгляда.

Пока бургомистр Бриндизи Штрой Марлихенкомпф рассыпался в любезностях перед императрицей, Григорий профессиональным взглядом осматривал высокий пирс Бриндизи, оборудованный множеством механизмов, судя по всему, – детищами господина Шмидта. К

пирсу прилежали вместительные амбары, похожие на аналогичные сооружения Шмидта в Неаполе.

Слушая вполуха светскую болтовню, механик считал галеры, прикидывая в уме, на сколько дней ему придется здесь задержаться. Работы выходило немало. Он смог увидеть со своего места около двадцати галер и еще добрая дюжина маячила на дальнем рейде. Командировка в Бриндизи могла затянуться на месяц, а то и больше.

Глядя на качавшийся на волнах фронт работ, Забубенный нехотя протянул бургомистру свиток с приказом от императора Фридриха, который ему передал незадолго до отплытия из Палермо принц Манфред. Штрой Марлихенкомпф ознакомился с текстом и склонился в неглубоком поклоне перед посланцем императора – механиков здесь уважали.

Работу Григорий решил начать с завтрашнего утра, благо время уже было обеденное, а ни один порядочный механик в такой час не начинает ни одного нового дела. Поэтому, устроившись в отведенных ему покоях с видом на море, Забубенный отлично перекусил и скоротал вечер в уже знакомом замке. Правда, один. Императрица принимала вельмож с докладами до самого вечера и Григорию, чтобы сохранять секретность, пришлось пить вино в одиночестве, разглядывая глупых чаек.

Утром, в сопровождении печатника Шеффера, Забубенный посетил припортовые сооружения и теперь уже трезвым взглядом пересчитал галеры, – их оказалось тридцать семь. И еще пять, по словам печатника, находились в плавании вдоль берегов далматинского побережья. Услышав об этом побережье, механик вздрогнул. Слишком яркие воспоминания всплыли у него в памяти. Как он бежал от монголов, спасая Констанцию, как оказался на галере с тевтонцами, как их едва не перехватили сначала пираты, а затем венецианцы, устроив морской бой у самых берегов Бриндизи. В общем, было что вспомнить.

– Сколько человек работает в мастерских? – деловито уточнил прикомандированный главный механик.

– Сорок пять рабов и двенадцать свободных плотников, – сообщил Шеффер, сверившись с записями в большой амбарной книге, которую за ним таскал не то слуга, не то посыльный.

– Маловато, – решил Григорий, прикинув в уме скорость производства рулей, – пригоните еще человек двадцать. Желательно рабов. Работать будем быстро и качественно.

– А разве так можно работать? – изумился Шеффер.

– Можно, – махнул рукой Забубенный, – у нас все так работают.

Шеффер записал приказ нового главного механика, чтобы не забыть. Он вообще все записывал, как и многие встреченные Забубенным немцы в сицилийском королевстве. «Видимо, у них плохая память, – решил для себя Григорий, – в голове ничего не держится. Да, слабый народ».

Тем временем они вошли в крайний ангар, где Григорий увидел две галеры, подвешенные на специальных механизмах над водой. Судя по всему, они уже были подготовлены для переделки рулей. У механизмов крутился невысокий лысоватый мужичок в черно-серой куртке. Он что-то объяснял своим помощникам...

При появлении Забубенного разговоры стихли. Печатник подвел Григория к лысому человеку и представил:

– Это Васус Гарх, главный механик Бриндизи.

Забубенный перевел непонимающий взгляд на Шеффера.

– О, простите, – поправился тот, – Васус был главным механиком до приказа императора. А это Грегор фон Крайзеншпигель, главный механик Палермо, приказом императора назначенный также и новым главным механиком Бриндизи.

Григорий взглянул в глаза своему предшественнику. Васус смотрел на него вполне дружелюбно. Либо он не дорожил своим местом, либо был лишен честолюбия. По его лицу было невозможно ничего определить, а в прозрачных глазах читалось желание слепо подчиняться приказам императора.

– Я здесь временно, господа, – смиловился Забубенный, глядя на Васуса, – вот

переделаю все ваши галеры под новый руль и вернусь в Палермо.

– Готов выполнить любой приказ нашего императора, – поклонился Васус, – и буду вам оказывать всемерное содействие. Рассказы о ваших достижениях, херр Грегор, уже давно достигли стен Бриндизи. Приказывайте, что мы должны делать на благо империи.

Григорий осмотрелся и увидел в углу стол, сильно похोдивший на верстак. Это было то, что нужно.

– Первым делом, Вася, – начал Григорий, – для блага империи пусть мне принесут уголек и какой-нибудь бумаги. Я вам нарисую суть вопроса.

Шеффер, выполнив свою миссию, отправился к бургомистру. А Забубенный и Васус Гарх, которого русский механик окрестил на свой манер Васей, получив необходимое, устроились за верстаком. Спустя полчаса обсуждения технических моментов, Васус уже точно знал, чем он будет заниматься ближайшие недели. И судя по всему, это ему очень понравилось. Сицилийский подданный с нескрываемым восхищением смотрел на гениального русского механика и горел желанием немедленно приступить к работам. Забубенный не возражал. Это входило и в его планы. Григорий был даже рад, что так быстро нашел подручного. Васус оказался не менее толковым, чем его распорядитель в Палермо Катаний и даже сам Шмидт. Не зря же он служил главным механиком Бриндизи до появления здесь Забубенного.

Обсудив, все, что нужно для работ, и назначив приблизительный срок изготовления первого руля новой системы на завтра, Григорий поручил выполнение этой миссии Васе и отправился в замок отдыхать. Сколько же можно работать.

Пройдя на половину Констанции, он попросил узнать, не примет ли его императрица по срочному вопросу, касающемуся безопасности империи, но получил отказ. Императрица была занята как раз вопросами безопасности империи, как ему объяснили, не вдаваясь в детали. У нее находился сам бургомистр и тевтонские рыцари. Удивленный отказом, Григорий направился к себе и в галерее натолкнулся на Шеффера.

– Скажите, – остановил Григорий спешившего в кабинет к императрице печатника, – что там происходит? И как долго это продлится?

– Увы, я не знаю, херр Грегор, дело крайне важное, – попытался отвертеться от прямого ответа печатник.

– Да что случилось, черт возьми? Вы можете мне сказать? – настаивал на своем Григорий, не выпуская рукава Шеффера. Тот крутился на месте, так и норовя улизнуть.

– Новая война, херр Грегор, – сдался печатник, и прошептал заговорщически, – монголы объединились с Венецией и вторглись в северные земли нашего королевства. Они уже разбили войско сарацинов и быстро продвигаются к Риму и Неаполю.

– Что? – Забубенный не поверил своим ушам, – опять монголы? Да когда же они остановятся!

От неожиданности он даже отпустил рукав печатника.

– Не знаю, херр Грегор, – развел руками Шеффер, – к императрице только что прибыл гонец от нашего обожаемого Фридриха с посланием. Может быть, император располагает более подробными сведениями.

Пробормотав эти слова напоследок, печатник скрылся. А Забубенный, обескураженный известием, побрел в свои покои. Прогнав слуг, топтавшихся в приемной, Григорий сам откупорил бутылку сицилийского вина и, наполнив бокал, вышел на балкон.

Сделав глоток вина, механик бросил взгляд на море, блестящее в лучах солнца – бархатный сезон только начался. Было жарко. Но налетевший с воды порыв ветра немного освежил его. Забубенный залпом осушил бокал и налил новый, пытаясь собраться с мыслями. Но вдруг он обратил внимание на едва заметные точки на горизонте. Присмотревшись получше, Григорий охнул и выронил бутылку, которая со звоном разбилась о камни.

К берегам Бриндизи приближался флот неприятеля. Забубенный насчитал не меньше тридцати парусов, поднятых на венецианских нефах. А за ними шла вторая волна. Это была

целая армада. Еще десяток кораблей направлялся к берегу, явно намереваясь пристать за горой в нескольких километрах от Бриндизи. Там, где не было берегового охранения.

– Черт побери, – только и сказал механик, глядя на все это.

Снизу раздался тревожный звук рога – это над гаванью разнесся сигнал тревоги. Приближавшихся врагов заметил не только Забубенный. По галерам забегали матросы, замелькали бичи надсмотрщиков. Первая дюжина галер выдвинулась навстречу флоту венецианцев, стремясь усилить находившееся на внешнем рейде охранение.

Словно замороженный смотрел Григорий на этот неожиданный конец света. Парусные венецианские нефы были быстроходнее галер, даже оснащенных новым рулем, и скоро они были уже почти у самой бухты города. Механик заметил движение рядом – это солдаты Фридриха, появившись на стенах крепости, готовились к отражению атаки. Они заряжали камнемётные оружия и катапульты, направленные в сторону моря. Натягивали тетиву арбалетов. Всем было ясно, что простым обстрелом Бриндизи с моря дело не обойдется. Следовало ждать штурма по полной программе.

А в море схватка уже началась. Взлетели в воздух первые огненные шары с зажигательной смесью и вспыхнули сразу два венецианских корабля. Это галеры имперского флота, выстроившись в заградительную линию, открыли огонь. Еще несколько галер устремилось в атаку на превосходящие силы неприятеля. Скоро Забубенный увидел и первый таран. Имперская галера на полном ходу врезалась в высокий борт венецианского судна, которое не смогло увернуться от удара, несмотря на свою маневренность. В воздух взметнулись абордажные крюки и сицилийцы бесстрашно ворвались на борт протараненного корабля. Завязалась схватка.

То же самое совершили еще три галеры сицилийцев. У входа в бухту образовалась целая заградительная линия из привязанных друг к другу кораблей. Но, несмотря на храбрость сицилийцев, их было значительно меньше, чем нападавших. Обойдя эти внезапно возникшие заграждения, остальные венецианские рейдеры хлынули в бухту, где натолкнулись на вторую линию галер императора Фридриха, остановившую их движение. Битва на море разгоралась на глазах. Григорий взглянул вдаль и разглядел там множество парусов. Это были сплошь корабли неприятеля. А в бухте Бриндизи в резерве находилось всего шесть галер. Исход этого сражения был ясен.

Повинуясь внезапному порыву, Григорий бросился в покои императрицы. В дверях он столкнулся с именитыми тевтонцами. Генрих Страндгот и Магнус Гампе, в полном военном облачении, прошли мимо него, побрякивая своими доспехами.

– Вы немного опоздали, херр Грегор, – бросил на ходу Магнус Гампе, – нашим галерам сегодня уже не понадобится новый руль.

Не обращая внимания на его слова, Григорий ворвался в покои императрицы. Констанция сидела столом, на котором лежал свиток с посланием. Рядом с ней стоял бургомистр.

– Оставьте нас, Штрой, – приказала она, подняв глаза на ворвавшегося Григория, – нам нужно поговорить с господином механиком. А вы отправляйтесь руководить своими людьми, – сейчас им будет нелегко.

Марлихенкомпф молча вышел, оставив их наедине. Забубенный приблизился к столу.

– Грегор, – начала Констанция, – ты знаешь, что происходит?

– Это уже все знают, – кивнул механик, указав на окно, – монголы объединились с Венецией и напали на нас.

– Это так, – подтвердила Констанция, встав из-за стола, она подошла к окну. Ее лицо выглядело напряженным, но страха в глазах не было.

– Что ты будешь делать? – спросил Григорий.

– Фридрих прислал гонца, – императрица кивнула на свиток, – приказывает мне немедленно уехать из Бриндизи в Неаполь, под его защиту. Здесь небольшой гарнизон, а там он уже собрал новую армию. Торопит. Монголы продвигаются слишком быстро.

Забубенный кивнул, словно соглашаясь с мнением императора. Помолчал несколько

секунд. Перед ним вдруг пронеслись все те дни, что они провели вместе. С того самого момента, когда он впервые увидел Констанцию в замке, захваченном монголами, до этой минуты.

– Ты должна ехать. В Неаполе рядом с императором тебе будет безопаснее, – медленно проговорил механик, – Монголы действительно продвигаются очень быстро. И хотя здесь хорошие солдаты, но их слишком мало. Они не смогут тебя защитить.

Констанция подняла свои прекрасные глаза на Григория, словно желая что-то сказать. Но в этот момент снаружи раздался свист и глухой удар, от которого все задрожало. Видно, первый камень из катапульты венецианцев долетел до стен замка.

– Бриндизи осажден, – сказал Григорий, взяв ее за руку, – А если медлить, то скоро его с суши отрежут монголы. Тогда ты вообще не попадешь в Неаполь, а достанешься Субурхану, как он того и хотел. Но я этого не хочу. Ты должна ехать.

Механик привлек к себе Констанцию и поцеловал. Затем осторожно отстранил ее.

– Ты поедешь со мной, – приказала императрица, продолжая держать его в объятиях.

– Я кое-что еще должен сделать здесь для императора, – ответил Григорий, – он ведь на меня рассчитывал. Я останусь в Бриндизи, до тех пор, пока Фридрих не пришлет сюда помощь. А ты должна ехать.

– Подчиняюсь, мой император, – прошептала Констанция, прижимаясь всем телом к Забубенному, отчего он едва не передумал оставаться. – Но проводи меня хотя бы до ближайшего перевала.

– Это можно, – кротно ответил механик.

Спустя примерно час из ворот замка по направлению к перевалу, через который шла дорога на Неаполь, выехал хорошо вооруженный отряд – человек семьдесят тевтонских и сицилийских рыцарей, а также пеших арбалетчиков. Во главе его, восседая на закованных в броню лошадях, шествовали Генрих Страндгот и Магнус Гампе, напоминавшие древних чудовищ в своих массивных шлемах. За их спинами маячили белые плащи дюжины тевтонских рыцарей. За ними – арбалетчики, следом десятков конных сицилийских рыцарей. Сразу за рыцарями, немного отпустив их вперед, ехала Констанция, на этот раз верхом. Рядом с ней, презрев этикет, находился механик, тоже верхом на лошади, которую ему одолжил бургомистр по просьбе императрицы. На всякий случай, Григорий надел легкий доспех и взял меч. Замыкали колонну еще человек тридцать конных сицилийцев.

Узкая дорога огибала несколько отрогов холма и поднималась на перевал. Там горы сдвигались, зажимая дорогу так, что рядом могли проехать не больше трех конных рыцарей в полном вооружении.

Констанция молчала, изредка поглядывая на Григория. А механик пытался понять, о чем она думает сейчас. Отвлечшись на секунду от этого занятия, он бросил взгляд на гавань, в которой шел ожесточенный бой. Там полыхало уже больше десятка кораблей с обеих сторон. Прорвавшиеся к самым стенам замка венецианские нефы закидывали крепость зажигательными сосудами, пытаясь вызвать пожар и заставить ее защитников сдаться. Но подданные Фридриха пока защищались стойко.

Поворачивая голову обратно, Забубенный вдруг заметил конный отряд, спускавшийся с вершины холма. Приглядевшись, Григорий чуть не выпал из седла. Это были монгольские всадники. Как они оказались здесь так быстро, Забубенный не понимал. Скорее всего, это был небольшой десант, который доставили на берег Бриндизи венецианские корабли. На первый взгляд, их было всего несколько десятков, но даже в таком количестве монголов не следовало недооценивать. И Забубенный знал это, как никто другой.

«Случайность, – промелькнуло в голове у Григория, – или им кто-то сообщил, что Констанция здесь? Иначе, зачем сюда рваться, их ведь очень мало. Гарнизон крепости такими силами не перебить, а вот дорогу отрезать можно запросто».

Подозрения Григория превратились в уверенность, когда он по неуловимым признакам узнал предводителя, догонявшего их отряда. Это был хан Каюк.

– Монголы!!! – заорал Григорий, видя, что арьергард сицилийцев до сих пор не заметил

их, не ожидая нападения с тыла.

Констанция вздрогнула, бросив взгляд туда, куда указывал Григорий. Замыкавшие колонну сицилийские рыцари остановились и мгновенно развернулись, изготовившись к отражению атаки. Генрих Страндгот и Магнус Гампе, уже достигшие перевала, тоже остановились, обратившись в сторону неожиданно появившегося противника. Страндгот махнул рукой – арбалетчики рассыпались вдоль холма, перекрывая подступы к перевалу. Тевтонские рыцари достали мечи, развернувшись чтобы защитить в случае прорыва свою императрицу.

– Скачи быстрее, – крикнул Забубенный, глядя, как монголы с дикими криками на полном скаку врзались в ряды сицилийцев, опрокидывая их, а часть монгольского отряда пустилась вскачь, обходя арьергард, – их немного, ты должна успеть достичь перевала, пока есть, кому тебя защищать.

Вокруг императрицы и механика сгрудились сицилийские рыцари с обнаженными мечами. Их было не больше десятка.

– Ты должен ехать со мной! – приказала Констанция.

Григорий хотел возразить, но увидел что отступление уже отрезано монголами. И хотя он был уверен, что это ненадолго – из городских ворот уже появился отряд пехотинцев и арбалетчиков, их судьба могла решиться еще быстрее.

– Хорошо, – кивнул он.

Но в этот момент на них налетели монгольские всадники. Три рыцаря были убиты мгновенно, монгольские копыта нашли бреши в доспехах. Остальные сицилийцы удачно вступили в битву, ссадив нескольких нападавших с коней. Вокруг засверкали клинки. Послышался звон металла и ржание коней. Забубенный увидел совсем рядом обветренные лица монгольских нукеров. Над головой просвистела стрела и переломилась, ударившись в скалу.

– Скачи вверх, – крикнул Забубенный Констанции, – я буду рядом.

Что было сил, он ударил плеткой по крупу ее коня. Конь императрицы заржал и, взбрыкнув, поскакал по узкой дороге, все еще свободной по пути наверх. Забубенный дернул поводья своего коня, устремившись за ней. Сверху раздался крик Генриха. Белой стеной навстречу накатывались тевтонские рыцари. Их разделяло уже не больше полусотни метров, когда Григорий увидел, что монголы нагоняют. Самый быстрый нукер, скакавший впереди всех, выхватил аркан и раскручивал его над головой. В кого он целился, было ясно.

Тогда Забубенный изо всех сил прищипорил своего коня, который в несколько диких прыжков догнал коня императрицы. И, когда краем глаза Григорий увидел брошенный аркан, он поднял своего коня на дыбы. И нукер промахнулся. Аркан, просвистев в воздухе, за секунду спеленал Григория так, что на землю он рухнул уже обездвиженной колодой, но сознания не потерял. Вихрем пронеслись монголы. Раздался треск ломаемых копий – столкнулись с тевтонцами и откатились обратно. Лежа на боку, за спинами рыцарей Григорий хорошо видел Констанцию, волосы которой развевались на ветру. Она доскакала до перевала и, обернувшись в седле, бросила взгляд назад. Туда, где отрезанный от нее тевтонцами и монголами лежал пленный механик.

Рядом застучали по камням копыта лошадей. Монгольские всадники остановились в двух шагах.

– Ну, вот и встретились, Кара-Чулмус, – раздался над ним знакомый голос. Это был хан Каюк, и он был страшно зол. – Грузи пленника на корабль, Несвер. Из-за него мы опять упустили женщину. Быть может, получив этот подарок, Субурхан не казнит нас.

Связанного Григория перекинули через холку коня. Не обращая внимания на арбалетный обстрел, Каюк собрал остатки монгольского отряда вокруг себя и устремился к берегу, где его поджидал корабль венецианцев.

Как и подозревал Забубенный, это была очередная диверсионная экспедиция монголов, которую он сорвал. Но Григория не били. С ним даже никто не разговаривал, монгольские

нукеры просто привязали его лицом к большой мачте нефа, а затем вышли в море. Судьба Бриндизи, который продолжали утюжить катапульты венецианцев, их больше не интересовала. Рано или поздно город будет взят. Часть добычи по уговору им отдадут. Остальное неважно.

Каюк торопился сообщить Субурхану, что Констанция опять ускользнула. В первый раз Субурхан проявил несказанную милость и не казнил его. Теперь у монгольского военачальника такой уверенности не было. Его единственная надежда на спасение была привязана к мачте корабля, который, несмотря на ночь, вышел в море и взял курс на Венецию, в окрестностях которой стоял лагерь Субурхан, ожидая новостей от своих передовых отрядов, вторгшихся в земли сицилийского королевства.

Целый день корабль плыл по высоким волнам, а ветер все свежел. И ночью разыгралась настоящая буря. Григорий видел во мраке огромные волны, которые перекатывались по палубе, смывая за борт матросов. Небольшую эскадру из семи кораблей, которые сопровождали хана, разметало по Адриатике. В предрассветной мгле капитан изрядно потрепанного корабля, на котором находился Григорий, увидел неподалеку скалистый берег, но в тумане и темноте было неясно чей он. А вскоре стало уже не до этого.

Раздался страшный треск и корабль налетел на подводные рифы, разломившись на несколько частей. Все: и люди, и лошади, посыпались в воду, калечась об острые камни. Треснув пополам, рухнула мачта. Над волнами остался торчать только застрявший меж камней кусок палубы и обломок мачты с привязанным к ней механиком, который был ни жив, ни мертв от страха. Из последних сил он прополз по ней на два метра вверх, сдернул ремни и освободил руки. Затем ноги. И откуда только силы взялись. Но нырять в море он не стал. Плавал Забубенный плохо, да и берега в темноте не видел.

Вместо этого механик снова привязал себя к мачте, но уже поперек туловища и стал ждать утра. Скоро вода сдернула его хлипкое прибежище с камней и снова утащила в море.

Сколько его носило по волнам, он не знал. День сменялся ночью, ночь днем. Руки и ноги затекли, потеряв всякую чувствительность к боли. Соль забила рот и выжгла глаза. Но он не умер, а только впал в забытие.

Григорий пришел в себя оттого, что чьи-то руки встряхнули его, а в рот потекло терпкое вино. Забубенный поперхнулся, его сразу вывернуло наизнанку. И лишь после этого открыл глаза. Держась дрожащими руками за борт, он сидел на скамье небольшой ладьи, доверху забитой какими-то бочонками, а вокруг него сгрудились бородатые мужики в холщовых рубахах.

– Извини паря, – сказал один из них, – вода закончилась, а вина вон сколько. Потерпи, до Константинополя дотянем, там и разживемся. Главное – жить будешь.

2006 год.

Санкт-Петербург